

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ НАУК БССР,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

**ЧАСТНОЕ
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ
И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
В ДРЕВНЕМ
ДВУРЕЧЬЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БССР
МИНСК 1948

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ

Действительный член Академии наук БССР

Член-корреспондент Академии наук СССР

ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

*(К истории вавилонско-ассирийского общества
в III—I тысяч. до н. э.)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БССР
МИНСК 1948

ОТ АВТОРА

Тема настоящей работы была поставлена еще в 1940 году по соглашению с Институтом истории Академии наук СССР и завершает собою цикл моих работ, связанных с проблемой специфики характера древневосточных обществ и печатавшихся в журнале «Вестник древней истории». В первоначальной, общей формулировке, указанной в подзаголовке, тема была включена в план работ Института истории Академии наук БССР на 1941 год. В процессе работы над собиранием материала, начатой мною в 1940 г., тема была специализирована и получила окончательную формулировку, как она выражена в заглавии настоящего исследования.

Собирание материалов и их первичная обработка были закончены мною перед самым началом Великой Отечественной войны. Вынужденный остаться во временно оккупированном немецко-фашистскими захватчиками Минске, я в середине июля 1941 года решил приступить к писанию работы и закончил ее 6 сентября 1941 г. После моего ухода в партизанскую зону я в течение января—февраля 1944 г., находясь в отряде имени Лазо бригады «За Советскую Белоруссию», просмотрел, окончательно отредактировал и переписал от руки написанный в 1941 г. текст работы. За два года, прошедшие после окончания войны, я, к сожалению, не мог еще получить никаких материалов, заказанных мною в 1941 году, и потому работа идет в печать в том виде, как она была написана во время войны. За последнее время, как мне известно, на ту же тему закончены две работы советских историков: И. М. Дьяконова — кандидатская диссертация на тему о формах землевладения в Ассирии и акад. А. И. Тюменева—о характере аграрных отношений по надписи Маништусу. Эта последняя работа напечатана в № 4 «Вестника древней истории» за 1946 г., и я с

большим удовлетворением могу констатировать, что по указанному частному вопросу точка зрения акад. А. И. Тюменева в основном совпадает с моей точкой зрения. Поскольку указанный номер ВДИ вышел в свет в конце февраля этого года, когда рукопись настоящей работы уже была сдана в издательство, я мог учесть статью акад. А. И. Тюменева лишь в форме добавления нескольких специальных примечаний.

Считаю своим долгом выразить самую сердечную признательность славным белорусским партизанам и партийному руководству партизанской зоны Минской области за их братскую спасительную заботу и помощь, без которой настоящее исследование могло бы погибнуть и не появиться на свет.

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Продолжительная дискуссия по вопросу о существовании на Древнем Востоке, и в частности в Двуречье, общинного землевладения привела, наконец, к принципиальному признанию указанного института даже со стороны такого решительного противника общинной концепции, каким являлся акад. Струве. Однако последний по отношению к общине в Двуречье полагает, что в эпоху древнеавилонского царства община была в сильнейшей степени ослаблена и занимала в вавилонской деревне лишь второстепенное место. По мнению акад. Струве, в общинах обработка наделов велась индивидуально, и, более того, паделы могли свободно продаваться, подобно всем другим земельным владениям, за исключением царских земель. Роль частного землевладения в Двуречье, по заявлению акад. Струве, «нельзя преуменьшать»; с точки зрения акад. Струве, оно стояло «на грани полной собственности», которая фактически якобы уже существовала, только не была закреплена формально, как это имело место в римском праве¹. Повидимому, по мнению акад. Струве, такое же положение существовало и в халдейскую эпоху.

Таким образом, акад. Струве отошел от точки зрения таких ассириологов, как Швенцнер и Мейсснер, вообще отрицающих общинное землевладение в древнем Двуречье. Как известно, Швенцнер полагает, что земля в Вавилонии уже в начале II тысячелетия принадлежала двум категориям владельцев. Первая категория — это царь и храмы; их земельные владения эксплуатировались посредством армии чиновников, наемных рабочих и государственных рабов; только некоторая часть этих земель отдавалась мелкими участками в пользование военным людям или в аренду. Другая категория — это частные владельцы; по Швенцнеру, их земли обрабатывались либо силами семьи землевладельца, иногда с помощью немногочисленных рабов, либо грудом наемных рабочих, либо сдавались в аренду. Мейсснер добавляет, что к этой категории владельцев принадлежали и крестьяне, которые, по его мнению, были собственниками своих участков и об-

работывали их иногда также с помощью рабов и наемников. Коллективная форма родового хозяйства (родовая община), по мнению Мейсснера, «всплывает» только в касситскую эпоху «культурного регресса»; это явление представляется Мейсснеру случайным, спорадическим, исключением из общего правила². Эта точка зрения была наиболее распространенной, и до указанного выше последнего поворота ее энергично проводил в своих работах и акад. Струве.

Между тем среди западных ассириологов существовало и существует другое, правда, не приобретшее влияния, течение, представители которого возражают против положения о господстве в Двуречье частной собственности на землю со времени древнеавилонского царства и вообще ставят под вопрос существование права частной собственности на землю в древнем Двуречье. Это течение представлено Колером, Кошакером и Лаутнером, которые полагают, что в Вавилонии во все эпохи ее истории, не исключая и эпохи древнеавилонского царства, существовали семейные, или домашние общины с коллективным порядком наследования, а также земельные общины родового характера. К этому течению принадлежит также французский ассириолог Кюк, работы которого в этом отношении более конкретны и интересны. Однако три немецких ассириолога оставляют открытым вопрос о сравнительном удельном весе общинного и частного землевладения в Двуречье, и только Кюк определенно высказывается в пользу ведущей роли частного землевладения³. Акад. Струве и раньше и теперь обходит это течение полным молчанием.

Таким образом, перед нами выясняются три различные точки зрения ориенталистов по вопросу о существовании в древнем Двуречье права частного владения или собственности на землю и о том месте, какое занимало частное землевладение в аграрной системе и народном хозяйстве Двуречья. Это точки зрения специалистов-востоковедов; но кроме них существует еще одна точка зрения, правда, высказанная не ориенталистами, но для нас особенно важная. Мы имеем в виду высказывания по этому вопросу Маркса и Энгельса, сводящиеся к тому, что «на Востоке не дошли до частной собственности на землю, даже феодальной», и что в восточных странах государство было «верховным собственником земли», и потому там «не существовало никакой частной земельной собственности, хотя существовало как частное, так и общинное владение и пользование землей». Маркс и Энгельс не уточняют вопроса об удельном весе частного землевладения и землепользования в восточной экономике; но из цитируемых выше высказываний, как и из других недавно опубликованных высказываний Маркса по вопросу о характере восточного общественного строя, совершенно ясно вытекает, что частное землевладение на Востоке никоим образом не могло занимать ру-

ководящего положения⁴. Мы видим, что точка зрения Маркса и Энгельса расходится с указанными выше точками зрения ориенталистов, и нельзя не отметить, что акад. Струве обошел и этот факт полным молчанием, между тем как для советских историков высказывания Маркса и Энгельса должны иметь руководящее значение.

Из этого обзора разноречивых мнений вытекает, что для советской исторической науки вопрос о частном землевладении и землепользовании на древнем Востоке, и особенно в древнем Двуречье, должен быть первоочередной проблемой. Совершенно очевидно, что до тех пор, пока по этому вопросу не будет достигнуто единогласия, не будут закончены и споры относительно общины. Поэтому мои исследования по истории социального строя древнего Двуречья, начатые в 1936 г. работой об общине, должны быть теперь завершены рассмотрением проблемы частного землевладения и землепользования в Двуречье.

В чем же заключается причина существующих разногласий? Мне представляется, что основная причина кроется в том, что ни группа Швенцнера—Мейсснера, ни группа Колера—Кошакера—Лаутнера—Кюка не подошли к проблеме с тем вниманием, какого она заслуживает. Обе группы исходили из бесспорного факта существования в Двуречье со второй половины III тысячелетия частного землевладения. Но его характер и удельный вес определялись не на основании детального исследования документального материала, а на основании различных соображений априорного порядка. Швенцнер и Мейсснер вслед за Эд. Мейером шли по пути модернизации древневосточных социально-политических отношений. Они находят там и элементы феодализма и даже элементы капитализма; отсюда естественно, что они склонны преувеличивать и роль элементов частного хозяйства и частного права. Другая группа ассириологов правильно усмотрела факт стойкого существования в Двуречье различных форм общинного быта и общинного хозяйства; но, выставив это положение, она также не занялась детальным исследованием ни вопроса о частном землевладении, ни вопроса об общинном землевладении. Сейчас задача заключается в том, чтобы подвергнуть документальный материал о частном землевладении и землепользовании в Двуречье такому же детальному анализу, какой был мною предпринят по отношению к материалам об общине в Двуречье⁵.

Метод моего исследования будет отличаться от формально-юридического метода, применяемого обычно ассириологами по отношению к деловым документам Двуречья. Историческая проблема может быть решена только историческим методом. Я попытаюсь ответить на вопросы об исторических истоках права частного землевладения, о его развитии, о его зависи-

мости от исторических условий места и времени, о степени его прочности, о моментах его упадка и подъема, не раз сменявших друг друга на протяжении истории Двуречья. При этом постоянно придется учитывать взаимоотношения частного права землевладения с суверенным царским правом, с одной стороны, и с общинным правом, с другой стороны. Что касается юридических норм, то они, согласно бесспорному заключению Колера и Унгнада, по существу оставались неизменными со времени Хаммураби вплоть до персидской эпохи: «в халдейскую и персидскую эпохи имущественное право стоит чаще всего на том же уровне, какой создан в эпоху Хаммураби».⁶ Это положение дает мне право сконцентрировать главное внимание на документах III и первой половины II тысячелетия, как на основном материале для разрешения поставленной здесь проблемы. Материал второй половины II тысячелетия и I тысячелетия будет рассмотрен, главным образом, со стороны тех вариантов и некоторых новых явлений, которые могут быть в нем замечены. Попутно придется привлекать материал также из истории торгово-ростовщического капитала, поскольку представители последнего зачастую были также землевладельцами и домовладельцами. Конечные результаты моего исследования должны разрешить вопросы о характере и удельном весе частного землевладения в аграрной истории и истории народного хозяйства древнего Двуречья и дать прочную основу для разрешения некоторых, остающихся еще спорными, вопросов об общине.

Для моего исследования я стремился использовать и исчерпать весь документальный материал, пущенный в широкий научный оборот. Однако работа моя началась уже в условиях военного времени, в начале 1940 г., и вследствие этого мне не удалось получить несколько заказанных мною важных публикаций документов, главным образом ассирийских. Откладывать написание работы до конца войны я не мог и не стал, так как в этом случае моя работа вообще могла бы остаться ненаписанной. К тому же обработка материала, имевшегося в моем распоряжении, убедила меня в том, что оставшиеся для меня недоступными материалы могут дать лишь ряд данных, подтверждающих мои выводы, но не внесут никаких изменений по существу.

II. ЦАРСКОЕ, ХРАМОВОЕ И ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Из III тысячелетия до н. э. в нашем распоряжении имеется очень немного документальных данных, свидетельствующих о купле-продаже недвижимого имущества, и почти все такие документы относятся к эпохе III династии Ура. Из эпохи династии Аккада есть только небольшое количество документов этого рода, в том числе весьма важная надпись на обелиске Маништусу, которая до последнего времени еще не была предметом специального исторического исследования. Таким образом, разрешение вопроса, поставленного в заголовке этого раздела, следует разделить на три части. Во-первых, мы должны рассмотреть те хозяйственные документы эпохи патеси Лагаша, Энлитарзи, Лугальанды и Урукагины, в которых имеются данные о распределении земель между разными категориями отдельных лиц. Во-вторых, мы должны подвергнуть тщательному анализу надпись на обелиске Маништусу, так как этот документ содержит ряд чрезвычайно важных данных, свидетельствующих об известном повороте в процессе развития частного землевладения и землепользования. В-третьих, мы должны рассмотреть хозяйственные и иные документы эпохи III династии Ура, в которых мы найдем данные, свидетельствующие о появлении тех отношений землевладения и землепользования, которые получают свое дальнейшее развитие в эпоху древнеавилонского царства.

В литературе имеется только одна специальная статья, посвященная интересующему нас вопросу и рассматривающая материалы из эпохи III династии Ура. Это статья проф. И. М. Дьяконова «Письмо к шумерскому царю Шусину» с подзаголовком «К вопросу о земельных отношениях в Шумере»⁷. Как сообщил мне в письме проф. Дьяконов, статья эта является эксерптом из его диссертационной работы, и потому выводы, формулируемые автором в конце статьи, очевидно, надо считать выводами из всей его работы, ибо одного документа для оправдания этих выводов, конечно, недостаточно. По отношению к земельным отношениям в Сумере в эпохи,

предшествующие III династии Ура, автор ограничивается только одним замечанием. Однако надо полагать, что некоторые формы землевладения и землепользования, существовавшие в эпоху III династии Ура, были традиционными; поэтому необходимо учесть сейчас выводы проф. Дьяконова и проконтролировать их на всем протяжении эпохи III тысячелетия.

И. М. Дьяконов приходит к выводу, что Сумер в эпоху III династии Ура знал целый ряд видов землевладения и землепользования. Он насчитывает их пять: 1) частное землевладение, 2) царское землевладение в форме «колоссальных латифундий», обрабатываемых подневольным трудом и управляемых огромным штатом чиновников, 3) храмовое землевладение, сливавшееся с царским, причем мелкие культы обеспечивались путем выделения для их содержания участков из царских земель, 4) существовала система «кормлений», т. е. выделение в виде платы чиновникам участков из царского земельного фонда, обрабатывавшихся либо средствами самих чиновников, либо частично при помощи услуг со стороны царского хозяйства, 5) обычная в Двуречье земельная аренда, как правило, аренда частновладельческих земель⁸. Общинное землевладение проф. Дьяконов не включает в этот перечень, замечая лишь, что «о существовании общинных земель мы можем пока только догадываться на основании косвенных данных»⁹. Попутно проф. Дьяконов отмечает, что в раннем Сумере существовали «храмовые хозяйства», которые, по его мнению, в эпоху III династии Ура отдельно, самостоятельно уже не существовали¹⁰.

Выводы И. М. Дьяконова, опирающиеся, повидимому, на большой материал его диссертационной работы, содержат в себе ряд ценных и правильных положений, которые в значительной степени облегчают работу над материалами эпохи III династии Ура. Однако некоторые положения И. М. Дьяконова являются спорными. Как будет видно ниже, таким в первую очередь является его положение о существовании в раннюю сумерскую эпоху самостоятельных храмовых хозяйств.

Ранней сумерской эпохой, доступной для нашего исследования, надо считать эпоху конца IV тысячелетия и первых трех веков III тысячелетия. Основной документальный материал из этой эпохи происходит главным образом из Лагаша и относится ко времени правления Энлитарзи, Лугальбанды и Урукагины. Из более ранних периодов и из других областей Сумера имеется лишь небольшое количество эпиграфических данных, относящихся к эпохе I династии Ура и ко времени ранних патеси Лагаша (конец IV тысячелетия); в этих материалах мы не найдем никакой надежной точки опоры для суждения о характере землевладения и землепользования. Напротив, из эпохи трех указанных выше патеси Лагаша в нашем

распоряжении имеется целый ряд хозяйственных документов, в которых содержится весьма значительный материал для характеристики тогдашних форм землевладения и землепользования. Сюда относятся документы о распределении земель для пользования, для обработки, для специальных назначений, обычно с показанием размеров и очень часто с обозначением как владельца, так и лиц, получающих от него земельные участки. Иногда в таких документах идет речь о распределении крупных комплексов земельных угодий, также с указанием их размеров, а иногда также с показанием различных категорий земельных угодий и размеров этих категорий. В документах этого рода освещается исключительно хозяйственная сторона дела; юридическая сторона остается неосвещенной, но ее возможно в той или иной мере выяснить путем привлечения других данных. Этот интереснейший и чрезвычайно важный материал еще не подвергался сколько-нибудь подробному исследованию. Ни М. В. Никольский, ни Желудьяк, ни Пинчс, ни другие ученые, издававшие хозяйственные документы трех указанных патеси, не остановились подробно на вопросах о системе и характере аграрных отношений этой эпохи, ограничившись лишь общими краткими замечаниями.

Мы начнем наше исследование с вопроса о владельцах тех земельных угодий, которые идут в распределение. Прежде всего мы встречаем категорию «полей патеси», к которой, по видимому, можно присоединить также категорию «полей на содержание патеси»¹¹. Далее упоминаются поля жены патеси¹²; однако, как мы увидим ниже, эта категория полей относится скорее к сектору землепользования, чем к сектору землевладения. Наконец, упоминаются поля божеств — богини Бау и случайно богини Нины¹³. Рассмотрим эти три категории подробнее.

Категория полей патеси не нуждается в комментариях, поскольку патеси являлся верховным владельцем всех земель своего патесиата; данная категория обнимает собою, конечно, угодья, выделенные специально для царского или дворцового хозяйства. Что касается категории полей жены патеси, то о таковой говорят два документа патеси Лугальанды. В первом документе, помеченном четвертым годом Лугальанды, говорится о 7 полях Лугальанды и о двух полях его жены Барнамтарры; в другом документе, без даты, говорится об одном поле Барнамтарры¹⁴. Но другие документы показывают, что жена патеси не имела принадлежащей ей формально земли. В этом отношении решающее значение имеет документ патеси Энлитарзи, предшественника Лугальанды. Документ говорит об отводе семи полей «на содержание жены патеси», т. е. на содержание ее лично и ее придворного штата; поля оставались во владении патеси, а его жена пользовалась только дохо-

дами¹⁵. Такое положение дела еще яснее выступает из документа преемника Лугальанды, Урукагины. Это чрезвычайно важный документ о распределении крупного комплекса земельных угодий между шестью лицами, в числе которых на первом месте называется царица Шаг-Шаг, получающая землю на тех же основаниях, как и остальные пять лиц¹⁶. Ниже мы увидим, что здесь речь идет не о пожаловании или дарении земли, а только о «кормлении» того же порядка, какой имел место и в эпоху III династии Ура и в эпоху древнеавилонского царства.

Сложнее стоит вопрос о полях богов. Проф. Дьяконов, очевидно, толкует выражение «поле Бау», «поле Нины» и т. п. в том смысле, что эти выражения обозначают земли, принадлежавшие храмам соответствующих божеств, и что на этих полях велось самостоятельное, отдельное от царского, храмовое хозяйство. Однако такое понимание противоречит другим документальным данным. Надпись о реформах Урукагины прямо и недвусмысленно говорит, что до этого патеси не было храмового хозяйства, отдельного от хозяйства патеси: «во дворце патеси управлялись поля бога Нингирсу, в доме жены патеси управлялись поля богини Бау, и в доме детей патеси управлялись поля богини Нингирсу». В этой надписи мы находим также некоторые подробности такого управления полями богов: «быки богов должны были на огороде патеси выполнять работу; на хорошем поле богов, на огороде все совершалось по желанию патеси; ослы, тяглые быки богов использовались патеси; зерно жрецов получали воины патеси в качестве награды»¹⁷. Однако надпись Урукагины одновременно показывает, что доходы жречества от такого управления не страдали, так как жрецы с лихвой возмещали свои возможные потери грабительскими поборами с населения Лагаша, не отставая в этом отношении от самих патеси, которые нарушали все древние обычаи и нормы взимания ренты-налога. Ропот населения и, повидимому, прямой бунт его против такого грабительства привели к свержению Лугальанды и к возведению на престол Урукагины, который восстановил «древние постановления Нингирсу», т. е. прежние традиционные нормы и порядки взимания сборов в пользу патеси и ограничил грабительские аппетиты жречества¹⁸. Но в то же время Урукагина считал себя обязанным так или иначе возместить потери жрецов, неизбежные при восстановлении прежних норм налогов и других сборов. Из текста надписи явствует, что это возмещение заключалось, повидимому, в восстановлении самостоятельного храмового хозяйства: «во дворце патеси, на поле патеси он поставил снова Нингирсу, как их царя; в доме женского храма, на поле женского храма он снова восстановил богиню Бау, как их хозяйку; в доме детей, на поле детей он восстановил сына бога Нин-

гирсу, как их царя»¹⁹. Однако на практике это постановление не могло быть проведено и не было проведено в жизнь целиком. Об этом прежде всего свидетельствует формулировка той части постановления, которая касается бога Нингирсу, главного бога Лагаша. Чрезвычайно характерно, что тут говорится не о полях Нингирсу, упоминавшихся в надписи выше, а о полях патеси, т. е. поля Нингирсу и поля патеси не различаются. Такая же формулировка дается и по отношению к «сыну Нингирсу» — упоминаются не поля последнего, а поля «детей» патеси. Между тем именно Нингирсу должен был иметь наиболее крупные наделы и наиболее крупное хозяйство в сравнении с наделами и хозяйством богини Бау. Таким образом, хозяйства бога Нингирсу и его «сына» формально влились в хозяйство патеси. Что же касается полей богини Бау, то хозяйственные документы Урукагины показывают, что по существу и по отношению к ним верховное право и хозяйственное руководство осталось за патеси. Прежде всего необходимо отметить, что как при Лугальанде, так и при Урукагине управление и царским хозяйством, и хозяйством «женского дома», и хозяйством богини Бау было сосредоточено в руках одного и того же сановника Энигаля, который занимал должности нубанды (дворецкого) патеси, дубсара (писца, или секретаря) женского дома и дубсара богини Бау²⁰, подчиняясь по всем этим трем должностям самому патеси. Далее мы видим, что земли богини Бау распределяются по двум документам самим Урукагиной, который раздает их разным лицам, в том числе своей супруге, и выделяет из них участки «на содержание патеси», а по одному документу распределяются царицей Шаг-Шаг²¹. Таким образом, на практике «восстановление» самостоятельного храмового хозяйства, повидимому, свелось только к некоторому упорядочению царского управления храмовыми землями и их хозяйством.

Мы видим отсюда, что говорить о самостоятельном храмовом хозяйстве в Лагаше по существу не приходится, а следовательно не приходится говорить и о категории храмового землевладения. Несомненно, что такое же положение дела имело место и в других патеснатах, за исключением, быть может, Ниппура, в котором храм Энлиля в эпоху III династии Ура вел крупное самостоятельное хозяйство. В этом нет ничего удивительного. Надписи патеси Лагаша, а также надписи патеси и царей других политических центров конца IV и начала III тысячелетий, говорят, что храмы местных главных богов были в полном смысле слова царскими храмами. Их строили цари и патеси, сами же цари и патеси были первыми жрецами в этих храмах, жертвенный культ обеспечивался специальными выдачами растительных продуктов и животных из запасов и стад патеси и царей, выделявших иногда специ-

альные «обетные поля» для приношений богам²². Жрецы и жрицы храмов входили в состав придворного штата царей, цариц и патеси. Такое положение дела вполне соответствует и тогдашней теократической идеологии. Цари и патеси считали себя не только ставленниками или наместниками богов, но и происходящими от богов, земными богами, в честь которых иногда после смерти их устанавливались специальные культы. Первый легендарный царь Урука Гильгамеш считался сыном Ану и сам был причислен к богам. Один из первых патеси Лагаша, Урнина, был объявлен богом, и ему воздавался культ наравне с Нингирсу и Бау. Эаннаду (Эаннатум), знаменитый патеси Лагаша, победитель патеси Уммы, говорит про себя, что его «наделил силой Энлиль и вскормила своим молоком Нинхурсаг»²³. Как показали раскопки в Уре, там также существовал культ царей I династии, ибо в древнейших царских могилах были открыты следы многочисленных, повидимому, регулярных жертвоприношений, даже человеческих²⁴.

Из всего вышесказанного становится ясным, что в эпоху первых трех столетий III тысячелетия всеми землями в Лагаше распоряжались патеси, как верховные собственники земли. Часть земельного фонда выделялась непосредственно для царского хозяйства; другая часть отводилась в пользование храмам, причем в порядке управления и эти земли соединялись с царскими; часть раздавалась отдельным лицам на разных условиях; остальные земли были либо во владении крестьянских общин, либо под пастбищами, либо вообще были непригодны для сельского хозяйства. Мы должны рассмотреть теперь два главных вопроса. Первый вопрос заключается в определении тех земельных фондов, которые шли в раздачу отдельным лицам. Второй вопрос заключается в выяснении категорий отдельных лиц, получавших земли от патеси или царей, размеров раздаваемых земель и тех условий, на которых земли раздавались.

Прежде чем приступить к рассмотрению этих вопросов, необходимо остановиться на одном специальном вопросе, именно, на вопросе о системе мер поверхности, применявшейся в Сумере в первой половине III тысячелетия. Единицы мер поверхности в течение всего III тысячелетия обозначаются одними и теми же терминами, и их кратное взаимоотношение является также неизменным. Однако точный размер основной единицы, *сара* или *шара* (*sar, schar*) устанавливается только для эпохи III династии Ура на основании графических данных известной статуи Гудеа, на которой дан план храма и измерительная линейка. Этот размер сара, 35 кв м, сохраняется в Вавилонии и в последующие эпохи. Но по вопросу о размере сара в первой половине III тысячелетия мнения ученых расходятся. Аллот де ля Фюй, а за ним Женульяк полагают, что тогда сар был меньше и равнялся примерно

$\frac{2}{3}$ позднейшего, именно был равен 23 кв м²⁵. Я не могу высказаться определенно в пользу той или другой стороны и поэтому буду указывать эквиваленты размеров полей в гектарах в обоих вариантах. Кроме того, я считаю необходимым оговориться, что размер высшей единицы, *бура* (bur), или бур-гана (bur-gan) я буду считать вслед за Туро-Данже-ном и Швенцнером равным 6,3 га (1800 сар по 35 кв м); округление до 6,5 га, принимаемое Кюком, Шорром и другими, представляется мне недостаточно обоснованным²⁶. Термин ган (gan), который в документах иногда употребляется для обозначения бура, или бургана, я буду всегда употреблять только в его основном значении ган=100 сар= $\frac{1}{18}$ бура (бургана)=0,23 (0,35) га²⁷.

В серии таблеток, изданных в I томе работы М. В. Никольского, мы встречаем ряд документов, говорящих о распределении комплексов земельных угодий, а также и отдельных «полей» между отдельными лицами. Документы отчетливо разделяются на две категории: категорию документов, говорящих о распределении царских полей для обработки между людьми, названными арп, т. е. земледельцами, или пахарями, и категорию документов, говорящих о распределении земель между представителями господствующего класса. Некоторое число документов по содержанию не вполне ясно; но и эти документы при их ближайшем рассмотрении отойдут либо к первой, либо ко второй группе. Документы, говорящие о распределении царских полей под обработку, мы рассмотрим несколько позже, в связи с общей характеристикой царского и храмового хозяйств рассматриваемой эпохи, ибо прямого отношения к теме настоящей главы они не имеют. Документы второй категории будут предметом нашего ближайшего исследования.

Эти документы резко распадаются на две группы. Первая, к которой могут быть отнесены четыре документа, говорят о распределении крупных комплексов земельных угодий площадью от 143 бур (около 900—588 га) и примерно до 40 бур (252—165 га). Другая группа, содержащая 9 документов, имеет дело с мелкими комплексами от 16,5 бур (104—67,9 га) до 1,35 бур (9,2—5,9 га). Решающее значение имеют документы первой группы, проливающие свет как на характер идущих в раздачу земельных фондов, так и на характер получателей земельных участков.

Из документов первой группы два относятся к патесиату Лугальанды, один — к патесиату Урукагины и один — без даты. Подробнее всех документ Урукагины, являющийся ключом к толкованию всех прочих документов этой категории²⁸. Комплекс полей, распределяемых по этому документу, «принадлежит» богине Бау; он состоит из участков земли разного качества и распределяется Урукагиной между шестью

лицами. Общая площадь земельных угодий этого комплекса равняется 143 бур 800 сар, т. е. 903,7 (588, 2) га. По качеству угодья комплекса разделяются на следующие разряды:

- 85 бур 100 сар (535,6—348,6 га) — «поле для посева пшеницы»
- 49 бур 1200 сар (312—203,6 га) — «поле заливное»
- 6 бур 800 сар (40,6—26,8 га) — «поле соленое» (солончак)
- 2 бура 500 сар (14,2—9,4 га) — «поле для усадьбы».

Под «полем заливным» понимаются болота, как это разъясняется в заключительных строках текста («поле, на котором имеются болота»). Под «полем для посева пшеницы», согласно толкованию М. В. Никольского, надо понимать не освоенные уже под культуру пшеницы угодья, но только «способные для посева». Отсюда вытекает, что весь идущий в распределение комплекс представлял собою пустошь, из которой после проведения каналов около 60 проц. площади стало пригодным для земледелия. Из остальной площади для непосредственной эксплуатации несомненно были пригодны только солончаки и 2 бура 500 сар высоких полей, на которых при надлежащем ограждении от разливов могли быть возведены жилые и хозяйственные постройки. Что касается болотистой части комплекса, составлявшей около 35 проц. его площади, то остается неясным, могла ли она быть использована под пастбища или была настолько заболочена, что без проведения каналов ее вообще нельзя было использовать. М. В. Никольский склоняется к последнему заключению, считая, что «поле заливное» было сплошным болотом. Однако, как видно из распределения угодьев комплекса, и заболоченная часть комплекса, с точки зрения Урукагины, представляла собою несомненную ценность.

Распределение угодьев комплекса было произведено следующим образом (в порядке нисходящего размера выделенных участков):

1. Царица Шаг-Шаг — 47,3 бур (298—194 га) заболоченной земли, 1 бур 600 сар (8,4—5,5 га) «поля усадебного удобного»;
2. Шаг-ла-думу — 39 бур 1600 сар (245,4—143,6 га) «поля для пшеницы», 800 сар (2,8—1,8 га) солончака;
3. Эки-эрим-ра — 17 бур (107—69,7 га) «поля для пшеницы», 6 бур (37,8—24,6 га) солончака;
4. Дуль-аб-куш — 18,6 бур (117,2—76,3 га) «поля для пшеницы», 1 бур (6,3—4,1 га) усадебной земли;
5. Имя не сохранилось — 6,5 бур (40,9—26,7 га) «поля для пшеницы», 0,5 бур (3,1—2,1 га) усадебной земли;
6. Ха-хар-ра-ту — 3 бур (18,9—12,3 га) «поля для пшеницы».

К сожалению, из документа не ясно, какое положение занимали пять лиц, удостоенных наделения землей вместе

с царицей. Однако, судя по размерам и качеству полученных ими участков, все это были люди, принадлежавшие к правящему классу. Из них Шаг-га-думу, получивший участки размером лишь немного меньше участков царицы, очевидно был одним из первых сановников Уруагины. Ниже Шаг-га-думу, но все же в ряду важных агентов патеси, были Эки-эрим-ра и Дуль-аб-куш, получившие примерно равные доли. Последние два участника распределения, получившие сравнительно небольшие участки, состояли, очевидно, в числе более мелких агентов патеси. Что касается распределения земли по качеству, то с этой стороны чрезвычайно характерным является то обстоятельство, что вся земля, годная для посева пшеницы, досталась царским сановникам, а царица, самая важная по сану из наделенных, получила только почти все «заливное поле». Вряд ли Уруагина мог иметь намерение обделить царицу; напротив, надо полагать, что он хотел отличить ее от других не только по размеру выдела, но и по его хозяйственной ценности. Отсюда вытекает, что толкование М. В. Никольского термина «поле заливное» в смысле сплошного болота неправильно. «Поле заливное», полученное царицей, надо рассматривать как пастбищное угодье, ибо, как будет показано ниже, скотоводство в царском и храмовом хозяйствах рассматриваемой эпохи играло выдающуюся роль, и имеются документальные данные о крупных стадах, принадлежавших царице Шаг-Шаг.

Условия, на которых даны были участки, обозначены в конце документа термином *tuigid* — «отдал для обработки». Этот термин, встречающийся и в других документах рассматриваемой категории, показывает, что дело здесь идет не о праве владения, а о праве пользования. Лицо, получившее по этому документу землю, должно было освоить ее под какую-нибудь культуру; время пользования землей вряд ли было бессрочным, так как Ха-хар-ра-ту, получивший 3 бура поля для посева пшеницы, ранее, при Лугальанде, получил 3 бура «засеваемой земли», т. е. земли, уже освоенной под посевом, из земель царицы Барнамтарры ²⁹.

Таким образом, анализ документа Уруагины показывает, что наделение земель производится на основании права пользования и, повидимому, на известный срок; в распределение идут земли, еще никем не занятые и не освоенные и лишь частью пригодные для земледельческой культуры. Другими словами, это были земли из свободного фонда, находящегося в непосредственном владении и распоряжении патеси, как государя Лагаша. Но в связи с этим выводом приобретает особый интерес документ от четвертого года Лугальанды. Этот документ является отчетом о хозяйстве на крупном комплексе полей, принадлежащих патеси и его жене Барнам-

гарре. Всего в комплексе 9 полей общей площадью 54,8 бур (346—227 га); из них 7 полей общей площадью 38,8 бур (245—161 га) принадлежат патеси и два поля, площадью 16 бур (101—66 га), принадлежат царице; средний размер поля равен 6,1 бур (38,4—25 га)³⁰. Несомненно, что эти поля, подобно полям комплекса разобранного выше документа Уруагины, были также освоены из заболоченных полей, которые после проведения каналов стали пригодны для земледельческой культуры.

Из таких же фондов, очевидно, были выделены участки и по прочим документам рассматриваемой категории. Мы должны остановиться еще на двух документах о разделе крупных комплексов земли. По документу, изданному М. В. Никольским под № 40, разделяется комплекс земли между двумя лицами, из которых одно является дамкарром, а другое, повидимому, начальником над арип — пахарями, или земледельцами. Последний получает 22 бура (138,6—90 га); данные о размере участка, полученного дамкарром, не сохранились, но, вероятно, и его участок был также не менее 20 бур, так как дамкары принадлежали к числу важнейших агентов патеси³¹. Согласно другому документу, комплекс в 33 бура (209—137 га), состоящий из двух полей в 18 и 15 бур, распределяется между 94 лицами, получающими мелкие и мельчайшие наделы. Из этих 94 лиц только 35 могут считаться агентами патеси; из них 10 получают участки от 12,6 до 6,3 (8,2—4,1 га) и могут быть приравнены к третьей категории получателей по документу Уруагины, а 25 лиц составляют еще более низкую группу получателей, наделяемых участками от 5,3 до 2,1 (3,5—1,3 га). Остальные 59 лиц получают только мелкие участки от 1,75 до 0,35 (1,15—0,23 га), из них больше половины (31 лицо) получают мельчайшие участки — от 0,7 до 0,35 (0,46—0,23 га). Несомненно, что эти последние 59 лиц являются не агентами патеси, а непосредственными производителями, работающими на его земле³².

Остается рассмотреть 9 документов, изданных М. В. Никольским, по которым производится распределение мелких комплексов земельных угодий³³. В нижеследующей таблице мы даем анализ данных этих документов. Данные расположены в нисходящем порядке размеров выделенных участков (графа 4); там, где точные размеры участков в документе отсутствуют, дается курсивом средняя цифра.

Размер комплекса	Число наделенных	Наименование получателей	Размер выдела для каждого лица	Характеристика выдела	№ документа
11,6 бур (73,5—49,9 га)	1	Жена патеси	11,6 бур (73,5—47,9 га)	Освоенные поля	42
7,4 бур (46,5—29,5 га)	1	—	7,4 бур (46,5—29,5 га)	Часть освоена,	35 37
16 бур 975 сар (104—67,3 га)	3	—	5,5 бур (34,7—29,4 га)	часть целина Освоенные	
5,3 бур (33,2—21,6 га)	2	—	4 бур 300 сар (26,2—17,1 га)	Освоенные	34*
3,8 бур (23,7—15,5 га)	1	Жена патеси Барнамтарра	3,8 бур (23,7—15,5 га)	Освоенные	39
1,35 бур (9,2—5,9 га)	1	Лугальра-муги	1,35 бур (9,2—5,9 га)	Освоенные	36
5,3 бур (33,2—21,6 га)	2	—	1 бур 200 сар (7,3—4,5 га)	Освоенные	34*
4,5 бур (28,8—18,7 га)	6	—	0,55 бур (4,8—3,2 га)	См. ниже в тексте	
6,5 бур (40,9—26,7 га)	23	—	0,27 бур (1,7—1,14 га)	Освоенные	38 30
2,7 бур (17,3—11 га)	16	—	0,17 бур, (1,1—0,7 га)	Освоенные, из полей царицы	32

Как видно из этой таблицы, кроме царицы Барнамтарры (№ 39) и не названной по имени жены патеси Энлитарзи (№ 42) пять пользователей принадлежат к средней категории служащих патеси (№ 35, 37, 34а), два — к числу мелких служащих (№ 36, 34б), а остальные лица, получившие самые мелкие участки, в большинстве, вероятно, были не служащими, а непосредственными производителями. Это вполне ясно по отношению к 39 лицам, наделенным по документам № 30 и 32, но не вполне ясно по отношению к 6 лицам, наделенным по документу № 38. В нем речь идет о шести полях, находящихся в пользовании шести лиц, в том числе самого Лугальанды; но поля относятся к особому разряду ka-dingir-Enlil-la-an-ku, т. е. к разряду «обетных полей», сбор с которых должен был итти на приношения Энлилю³⁴. М. В. Никольский замечает по поводу этих шести лиц, что «роль участвующих непонятна». Надо полагать, что эти шесть лиц, в том числе и царь, должны были обрабатывать поля за свой

счет и своими средствами; пользовались ли они некоторой частью дохода, неизвестно, но ясно, что они вряд ли были непосредственными производителями.

Из нашего обзора 13 документов, касающихся распределения земельных угодий, явствует, что в эпоху первых трех веков III тысячелетия еще нет документальных данных, которые свидетельствовали бы о появлении частного землевладения. Такими данными могли бы служить акты на куплю-продажу земельных участков. Однако в Лагашском архиве первых трех веков III тысячелетия таких актов не имеется. Тюрю-Данжен опубликовал два документа III тысячелетия о продаже земельных участков, из них одного застроенного, но эти документы происходят не из Лагаша, а из Шуруппака, и точная дата их не может быть установлена³⁵. Первые точно датированные акты на куплю-продажу земли относятся к эпохе царей Аккада, и об этих документах будет идти речь ниже; надо полагать, что и две таблички, опубликованные Тюрю-Данженом, относятся к той же эпохе. Таким образом, отчетливо и несомненно вырисовывается только право частного землепользования, притом не имеющего еще устойчивого характера, ибо, по усмотрению патеси, выделенный участок мог быть всегда изъят или заменен другим. Но если в первой четверти III тысячелетия еще нет частного землевладения, то уже есть частное сельское хозяйство. Возникает вопрос об удельном весе этого хозяйства, включая и личное царское хозяйство, в экономике южного Двуречья этой эпохи. Правда, при разрешении этого вопроса, как и при разрешении общего вопроса о землевладении, мы можем опираться только на материал из Лагаша; однако нет никаких оснований думать, чтобы в других сумерских патеснатах этой эпохи имелись какие-либо существенные отличия от лагашских условий и норм.

Прежде всего остановимся на количественных показателях. Женульяк, комментируя документы о полях Лугальанды и Барнамтарры, высчитал, что площадь этих полей (227 га по его счету) составляла только $\frac{1}{725}$ всей территории Лагаша, которую он на основании одного документа из эпохи царей Аккада, т. е. на 100—150 лет позже, определяет в 164,626 га³⁶. Если принять во внимание имевший место прирост царских полей при Урукгаине и земли, выделенные в пользование савонникам и другим агентам патеси, то указанная доля несколько увеличится, но не настолько, чтобы общее соотношение между площадью частного сектора и общей площадью территории Лагашского патесната могло принять иной вид. Другими словами, с количественной стороны сектор частного сельского полевого хозяйства составлял ничтожную величину в общем комплексе сельского хозяйства Лагашского патесната.

К такому же выводу мы придем, если рассмотрим каче-

ственную сторону частного сельского хозяйства в области земледелия. Шесть документов в издании М. В. Никольского, касающихся организации царского земледельческого хозяйства, говорят об огородных культурах лука и других овощей³⁷. Посевы пшеницы производились на полях частных пользователей и, несмотря на довольно значительные размеры некоторых из этих полей, все же количество зерна, поступавшее с них в распоряжение хозяина, вряд ли могло превышать потребительские нужды хозяев полей, так как сановные хозяева крупных участков, вероятно, подобно царю и царице, также выделяли из полученной ими площади поля своим агентам в качестве вознаграждения за службу. Также и общее количество зерна, собиравшегося со всей площади частного сектора, не могло представлять значительной величины, поскольку общая площадь земель частного пользования исчислялась лишь тысячными долями всей территории Лагашского патесиата. Но в то же время имеется большое число таблеток о приеме зерна в закрома патеси, о выдачах растительных продуктов на прокормление рабочих людей, рабочего скота, для жертвоприношений; однако почти нет документов о выдаче зерна для посева³⁸. Отсюда следует, что основная масса зерна, поступившего в кладовые патеси, состояла из обязательных поставок (*maschdaria*) зерна крестьянскими общинами в качестве десятины³⁹. Отсюда следует также, что основная масса земель, освоенных под земледельческие культуры, находилась во владении крестьянских общин.

Но кроме земледельческих общин в Лагаше рассматриваемой эпохи существовали также более древние рыбацкие общины и родовые скотоводческие общины, также обложенные натуральными налогами в пользу патеси⁴⁰. Скотоводческое хозяйство сравнительно с полевым хозяйством играло в экономике Лагаша первостепенную роль. Если организации полевого хозяйства посвящено всего 23 таблетки из 324 таблеток I тома «Документов» М. В. Никольского, то скотоводству посвящено 118. Из этого числа большая часть (50 таблеток) посвящена мелкому скоту, 23 таблетки — крупному скоту, остальные 45 таблеток касаются продуктов скотоводства. В данном случае для нас важнее всего то обстоятельство, что царицы Барнамтарра и Шаг-Шаг владели крупными стадами скота. Документы упоминают о 6 стадах мелкого скота, всего 382 головы, принадлежавших Барнамтарре, и о 33 быках-производителях в её стадах крупного рогатого скота; эти данные, конечно, неполные⁴¹. Относительно Шаг-Шаг мы узнаем, что она продавала большие партии кож крупного скота (905 кож) и мелкого скота (1737 кож) с убитых животных из её стад⁴². Она же распоряжалась стадами богини Бау, о количестве которых можно судить по числу 17 быков-производителей⁴³. После этого нам становится понятным, почему Урукagina даж

Шаг-Шаг большую площадь «поля заливного», которое, как было указано выше, представляло собою болотистую местность, годную под пастбище. Кроме того, имеются указания на большие стада, принадлежавшие частным хозяевам⁴⁴. Исходя из этих данных, надо считать, что общая площадь пастбищных земель в Лагашском патесиате составляла значительный процент его территории. Отсюда обнаруживается, что сумерские патеси, храмы, а также и крупные сановники рассматриваемой эпохи были в первую очередь скотоводами и что земледельческое хозяйство имело для них подсобное значение⁴⁵. Частная собственность существовала только на скот, на рабов, бывших предметом купли-продажи, и на движимое имущество всякого рода, особенно на медь и серебро.

Через 100—150 лет после рассмотренной нами эпохи первых трех веков III тысячелетия, при династии царей Аккада, замечаются уже некоторые перемены. К сожалению, в связи с тем обстоятельством, что документы из Лагаша и из других центров этой эпохи, касающиеся землепользования и землевладения, опубликованы в незначительном числе⁴⁶, мы не можем учесть полностью все перемены и выяснить исчерпывающим образом их значение. Однако можно сделать некоторые надежные основные выводы.

Прежде всего отметим, что и в эпоху царей Аккада сохраняются в неизменном виде те формы землепользования на основе царских раздач, какие мы обнаружили в первой четверти III тысячелетия. В Лагаше и в эту эпоху земли выделяются в пользование сановникам, в числе которых фигурирует, между прочими, виночерпий, жрецам и другим агентам управления⁴⁷. Существует также личное царское огородное хозяйство в тех же масштабах, как и раньше; так, поле в $\frac{3}{4}$ гана раздается под посев лука мелкими участками ряду непосредственных производителей для обработки⁴⁸. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что в лагашских документах эпохи царей Аккада мы уже не встречаем таких крупных комплексов земли, как в предшествующую эпоху. Наиболее крупные комплексы равняются 72 бурам (но в четырех разных местах), 30 бурам и 18 бурам⁴⁹; далее идут комплексы уже от 8 бур и ниже⁵⁰. Соответственно с этим нет и таких крупных выделов, как раньше. Наибольший размер выдела, точно указанный в двух случаях, равняется 5 бурам (31,5—20,5 га); в остальных случаях преобладают мелкие выделы от 2 бур и меньше, причем точные их размеры на основании описи Делалпорта выяснить невозможно⁵¹. Надо полагать, что такое уменьшение масштабов раздач земли в Лагаше эпохи царей Аккада не случайно. Оно, по всей вероятности, объясняется тем обстоятельством, что к этому времени в Лагашской области и, вероятно, также в других областях фонд неосвоенных и могущих быть обра-

щенными под сельскохозяйственную культуру земель значительно сократился.

Это соображение находит для себя подтверждение также в двух других документах, к рассмотрению которых мы теперь переходим. Эти документы — № 1400 тома I описи Делапорта и известная надпись на обелиске царя Маништусу. Они имеют для нас огромную ценность, ибо они не только подтверждают наш приведенный выше вывод, но также дают возможность установить появление известного сдвига в формах и отношениях землепользования и землевладения в эпоху династии Аккада.

Основное значение имеет надпись Маништусу. Эта надпись, найденная Морганом и впервые опубликованная Шейлем, настолько трудна для толкования, что она, по выражению французского ассириолога Флака, представляет для нас «настоящий ребус». Поэтому в литературе до сих пор нет согласного понимания этой надписи не только в подробностях, но и по существу. Особенно резко выступают расхождения по важнейшему вопросу о социальном характере продавцов полей: в то время как Флак, Кюк и в настоящее время акад. Тюменев считают продаваемые земли принадлежащими общинам, Грозный и акад. Струве считают продавцами земель частных владельцев. Наш подробный анализ содержания надписи Маништусу по существу и ее терминологии с полной несомненностью вскрывает целый ряд любопытных черт, свидетельствующих об общинном землевладении и в то же время о начале новой эпохи в развитии права владения землей⁵².

На четырех сторонах обелиска Маништусу начертаны четыре акта о покупке этим царем четырех комплексов земли. Лучше всего сохранились акты на сторонах А и С; текст актов на сторонах В и D содержит ряд пробелов, в том числе и относительно размеров комплексов земли, купленных по этим актам. Однако эту важную деталь можно с известной точностью восстановить на основании других данных надписи. Все четыре акта составлены по одной и той же схеме: перечисление полей, входящих в состав покупаемого комплекса, с указанием их размеров и местоположения, указание покупной цены, уплачиваемой продавцам, и дополнительных «подарков» последним с обозначением продавцов, указания о наряде рабочих людей для обработки покупаемых земель и, быть может, и тех местностей, которые должны дать этих людей, и, наконец, перечисление 49 лиц, которым передаются все четыре комплекса земли, с обозначением их служебного или общественного положения. Перечисление этих 49 лиц повторяется с буквальной точностью в конце каждого акта. Из содержания актов можно заключить, что в коренных областях Аккада свободных царских земельных фондов уже не

было, вероятно в связи с тем, что заболоченных пространств в этой части южного Двуречья вообще было значительно меньше, чем в сумерских областях, и поэтому царю для обеспечения кормлениями своих слуг пришлось прибегнуть к необычному способу покупки земли.

Переходя к анализу содержания актов, остановимся сначала на вопросах о размерах покупаемых царем комплексов земли и о их получателях. Первый комплекс (А) состоит из трех полей площадью в 437, 821 и 73 ган, всего 1333 гана (74 бура) = 466,5 — 306,6 га. Третий комплекс (С) состоит также из трех полей площадью в 2340, 3834 и 306 ган, всего 6480 ган (360 бур) = 2268—1490,4 га. Данные о составе и размерах комплексов В и D утрачены; но сохранились сведения о количестве рабочих людей, наряжаемых для обработки всех четырех комплексов. Для А и С наряжено 1390 рабочих, для В и D — 174 рабочих, т. е. в 8 раз меньше, чем для А и С. Отсюда мы можем заключить, что и общий размер комплексов В и D был в 8 раз меньше общего размера комплексов А и С — 434 бура, т. е. равнялся примерно 54 бур = 342—224,5 га. Общий размер площади всех четырех комплексов составит тогда 488 бур = 3076—2022 га⁵³. Таким образом, оказывается, что Маништусу купил весьма крупные по тогдашнему времени земельные фонды.

Царь передает купленные земли 49 лицам, поименный список которых повторяется в конце каждого акта. В надписи не указывается, каким образом купленные земли были распределены между этими 49 получателями. Такое умолчание объясняется, конечно, характером надписи — это акт покупки, и потому в нем должны быть указаны новые владельцы для обеспечения их прав, но нет надобности указывать конкретно доли каждого, так как формально единственным покупателем является царь. Вероятно, распределение земли было оформлено особыми актами, которые до нас не дошли. Мы можем только установить средний размер выделяемых участков. Он будет равняться около 10 бур на каждого участника, т. е. 63—41,4 га. Этот размер соответствует тому положению, какое получатели занимали в тогдашнем обществе. В их числе значатся брат царя, четыре сановника из фамилий патеси Уммы, Лагаша и Басиме⁵⁴, великий суккаллу, шакканакку, два дубсара, начальник одной области, два лица жреческого происхождения и ряд других сановников и служащих царя, в числе которых имеются и более мелкие люди, как, например, галлабу (клеймильщик рабов). Несомненно, что лица высшей по положению группы получили выделы выше среднего размера, вероятно, приближавшиеся по размерам к выделам для высшей группы лиц по надписи Уруагины, а низшая группа получила выдел по размерам значительно ниже среднего. Все получатели названы *maḡ Agane (Agade)-ki*, т. е. «люди

Аккада»⁵⁵. Отсюда вытекает, что и члены домов царя и павтеси были наделены землею не как таковые, а как сановники, занимавшие высокие должности при царском дворе и в царском управлении. Вопрос об условиях наделения — на праве владения или на праве пользования — остается неясным. Получатели названы AB + ASCH, AB + ASCH GAN, т. е. тем же термином, каким названы и получатели покупной цены, или продавцы земли, например, AB + ASCH, AB + ASCH ali Dur-sin, т. е. господа или старейшины ali Dursin, общины, у которой, как мы покажем ниже, были куплены земли по первому акту⁵⁶. Но само собою разумеется, что господа или старейшины Дур-Сина могли быть только распорядителями, а не владельцами земли. Применение того же термина для обозначения прав лиц, наделяемых землею, может обозначать также только право распоряжения или пользования землей, но не владения. Такое толкование подкрепляется также тем обстоятельством, что царь обеспечивает наделяемых рабочей силой на основе применения своего права требовать наряды крестьянского населения на работы для дома царя. Но если работа на купленных землях рассматривается как царская работа, то и купленные и распределенные между 49 лицами земли должны рассматриваться как царские земли. В данном случае аналогию представляют часто встречающиеся факты нарядов крестьян в порядке работы на дом царя, на работы по ремонту и сооружению храмов и на храмовых землях. Таким образом, выясняется, что, вероятнее всего, формы и условия наделения землею царских сановников и служащих по актам надписи Маништусу сохраняются прежние, именно на праве пользования⁵⁷.

Напротив, фонд, из которого производится наделение, совершенно другого порядка, чем тот фонд, какой шел в разделы в эпоху Лугальанды и Урукагины. Последние распределяли незанятые земли, находившиеся непосредственно в царском распоряжении. Маништусу распределяет, повидимому, также незанятые земли, однако они не находятся в его непосредственном распоряжении, ибо он вынужден их покупать. Этот факт весьма знаменателен. Во-первых, он показывает, что в Аккаде свободный фонд земель, не имевших никаких формальных хозяев, сократился до минимума. Во-вторых, он показывает, что существует уже не только право пользования землей, но и право владения землей, что земля приобрела меновую ценность и становится предметом купли-продажи. Отсюда возникает чрезвычайно важный вопрос о характере владельцев, продающих земли царю Маништусу.

Как указано выше, в литературе по этому вопросу высказывались разные мнения. Флак и Кюк высказали мнение, что продавцами земель были общины⁵⁸. Другой точки зрения держатся очевидно те ученые, которые отрицают существование

общинного землевладения в Двуречье до касситской эпохи. Кинг высказывается неопределенно, говоря о собственниках (proprietors) и прежних заведующих (overseers or managers) продаваемых земель⁵⁹; отсюда как-будто вытекает, что Кинг допускает возможность владельцами проданных царю земель считать общины. Акад. Струве сначала держался мнения, что Маништусу купил земли у родовых общин, но затем изменил эту точку зрения и высказался в том смысле, что владельцами проданных земель были «богатые семьи», или «местная знать»⁶⁰. Если признать правильной эту последнюю точку зрения, то придется допустить, что в эпоху царей Аккада существовала уже весьма крупная частная собственность на землю, ибо в числе проданных земель имеются поля площадью в 819 и даже 1341,9 га (акт С). Сторонники этой точки зрения, и в их числе особенно Струве, выражают свой взгляд в общей форме, не входя в анализ соответствующих данных надписи Маништусу. Для разрешения этого спорного вопроса необходимо произвести анализ тех данных надписи Маништусу, которые прямо или косвенно касаются продавцов земли по всем четырем актам.

Кюк основывался главным образом на том, что в числе местных названий, встречающихся в надписи Маништусу, имеется не вызывающее никаких сомнений название Bit-Gišmanu, которое может обозначать только общину, поскольку термин bitu в касситскую эпоху является специфическим термином для обозначения общины. Это дало Кюку право сделать заключение о существовании в эпоху Аккада общинного землевладения в Кише и его окрестностях, т. е. на всей той территории, на которой, по мнению Кюка, были расположены местности, упоминаемые в надписи Маништусу. Как мы увидим ниже, территория определена Кюком не совсем точно; однако его общее соображение является вполне основательным. Далее Кюк подчеркивает, что в надписи Маништусу имеются еще «незамеченные детали», указывающие на существование различных категорий людей, которые извлекали для себя выгоды из общинного хозяйства, но конкретно таких деталей не указывает⁶¹. Это второе соображение Кюка является особенно важным, и мы начнем наш анализ с раскрытия подобных деталей.

В первую очередь мы должны обратить наше внимание на состав и порядок уплаты покупной цены за землю. В соответствующих частях актов А и С имеются некоторые пробелы, но все же текст этих частей настолько сохранился, что можно сделать некоторые бесспорные выводы. За каждое поле того или иного комплекса уплачивается его цена по формуле: поле x ган, стоимость его — x гур зерна (т. е. количество нормального урожая с поля), по цене один секель за один гур зерна. Кроме этой цены, даются особые «подарки за поле»

(NIN BA GAN), состоящие отчасти из серебра, а главным образом из разных предметов и материалов — одежд, орудий, меди, серебряных вещей, масла, олив, — а также рабов. Покупная цена поля не делится, а уплачивается целиком, повидимому, тем же лицам, которые получают подарки. Эти лица перечисляются персонально, с обозначением должности или звания каждого, и точно указывается, какие подарки получает каждый. В надписи мы находим совершенно ясные указания, что это за люди. В акте А на первом месте среди них назван *abu ali Dur-Sin*, т. е. старейшина местности, или области, или общины Дур-Син, которой принадлежат все три поля комплекса А; в акте С на первом месте фигурируют члены рода Ур-Марадда, по имени которого называется и местность, или область, или община, владеющая полями комплекса С⁶². Отсюда совершенно ясно, что покупная цена вносится какому-то коллективу, представителями и администраторами которого являются лица, совершающие сделку и получающие покупную плату и личные «подарки», или попросту бакшиш, за свое согласие на отчуждение общественной земли. Но таким коллективом может быть только община, — родоплеменная, родовая, сельская, а не местность и не область.

Что в данном случае под *alu Dur-Sin* разумеется именно община, это видно из терминологии и подтверждается также условиями местоположения Дур-Сина. Прежде всего чрезвычайно характерен тот термин, которым определяется звание или должность главы Дур-Сина. Он назван термином *AB ASCH*, имеющим значение *abu* или *schibu*, а не терминами «исак» или «хазанну» или «нубанда», как обычно называются правители городов и областей в текстах III тысячелетия⁶³. *Abu* чаще всего употребляется в значении «отец», но это древнее слово употребляется также в значениях «дед», «предок», «родоначальник», а также в значении «старейшина» *schibu*⁶⁴. Термин, следовательно, целиком связан с патриархальным, родовым и семейным бытом. В данном случае не может быть и речи о семейной или домашней общине; речь может идти только о родовой или родоплеменной общине. Этому заключению нисколько не противоречит применение к Дур-Сину термина *alu*, обозначающего в текстах II и I тысячелетий чаще всего город. Термин *alu* имеет целый ряд других, более древних значений. Он восходит к тому же древнему общесемитскому корню, от которого происходит коптское *one* — «загон для скота», евр. *'ohel* — «шатер кочевого скотовода», сабейское *'hl* — «семья», сирийское *'ahal* в значениях «жилище», «семья», «род», «община». Соответственно с этим и вавилонско-ассирийское *alu* имеет значение в смысле «поселение «вообще», включая сюда и села и маленькие деревни, далее «область», «местность», «община». В последнем значе-

нии «община» *alu* употребляется в кодексе Хаммураби, именно в статьях 23—24, устанавливающих в определенных случаях коллективную ответственность жителей *alu*; такие крупные юристы, как Колер и Пейзер, а в последнее время Эйлерс, переводят термин *alu* в этих статьях терминами *Gemeinde* и *Mark* ⁶⁵. Отсюда мы должны считать имя Дур-Син одновременно наименованием общины и ее центрального поселения. Территория трех полей, проданных царю из земель Дур-Сина, примыкала на востоке к Тигру, где находился и местный центр *Vaz-ki*, в секторе которого числились проданные поля ⁶⁶. Но за Кишем к востоку, за каналом Куты, лежали уже слабо заселенные местности со слабо развитым хозяйством; расположенные там общины могли иметь ближе к Тигру ряд свободных земельных фондов, часть которых в III тысячелетии могла пускаться главами общин в продажу. Судя по общей площади проданных полей (466,5—306,6 га), община Дур-Син была родоплеменной, раскинулась на значительной территории и состояла из нескольких более мелких родовых общин; имена некоторых из них фигурируют в надписи, именно *alu UD, Lamum* и *Vaz-ki*, в которой был свой местный бог ⁶⁷. Если мы добавим сюда любопытные параллели из двух кудурру царя IV династии Мардука-надинахе, то круг наших наблюдений замкнется. Именно при покупке земли у общины Бит-Ханби, крупнейшей касситской родоплеменной общины, расположенной между Тигром и предгорьями Загроса, представителю общины, «сыну Ханби», совершающему сделку, уплачивается за землю колесница с запряжкой, шесть конных упряжек или седел, скот, одежды, зерно и масло, а при покупке земли у общины Бит-Ада глава её (*bel biti*) получает лично в подарок целый табун из 30 лошадей ⁶⁸.

Таким образом, не остается никакого сомнения, что продавцом земли по акту А была родоплеменная община Дур-Син. Не так легко разрешается вопрос о продавце земли по акту С, но и в этом случае в конце концов мы приходим к такому же выводу. Три поля, проданные по этому акту, по своей общей площади в 2268—1490,4 га значительно превосходят все другие комплексы земли, с какими мы встречаемся в III тысячелетии. Область (или город) Марад (Марадда), которая является владельцем и продавцом земли по акту С («землю Марадда Маништусу царь Киша купил») ⁶⁹, очевидно, располагала огромными фондами земли, если могла выделить для продажи такой крупный массив. Это обстоятельство находит для себя объяснение в условиях местоположения области Марада. Она была расположена у канала Борсилпы и на западе граничила с «камышами Нинхарсаг», а на юге её граница примыкала к общине Бит-Гишману ⁷⁰. Другими словами, область Марад была расположена на границе с пустыней, в ко-

торой кочевали родоплеменные общины амореев, и этим объясняется наличие у нее больших пространств свободной, неосвоенной земли⁷¹. Распределителями земли и совершателями акта продажи здесь являются АВ ASCH Maradda-ki⁷²; кроме них подарки получает еще жрец бога Марата, а также «люди поля (GAN) GID-DA и, как уже было упомянуто выше, несколько членов рода Марат⁷³. Уже этих данных вполне достаточно для установления того факта, что и по акту. С продавцом земли была родоплеменная община. Однако у нас есть еще одно свидетельство, удостоверяющее, что в эпоху царей Аккада Марат был еще свободной родоплеменной общиной, подобно его соседу, общине Бит-Гишману. Именно в эпоху III династии Ура Маратом управляли уже не АВ ASCH, а патеси Maradda-ki, очевидно, назначавшиеся туда царями Ура⁷⁴. Община Марат была весьма древней, ибо она упоминается в эпосе о Гильгамеше, который якобы принес жертву богу Марата Лугалю⁷⁵.

Наше заключение, что Дур-Син и Марат были родоплеменными общинами, может быть подкреплено также и сравнительно-историческими данными. Совершенно невероятно, чтобы в Аккаде середины III тысячелетия были такие «богатые семьи», которые могли продать из своих владений земли площадью до 400 и даже свыше 2.000 га. Напротив, для родоплеменных общин это вполне возможно, как показывают факты из истории и быта североамериканских индейских племен первой половины XIX века. Так, родоплеменная ирокезская община Тускарора владела в порядке резервации, т. е. в значительно меньшем масштабе, чем раньше, до проведения резервации, 3200 га земли, из которых только часть была разделена на наделы под пашню, а остальная оставалась в запасе, из которого молодым людям, вступающим в брак, давался надел установленной нормы — 16 га. Другая родоплеменная община, Шауни, в Канзасе, имела под пашнями и садами только 400 га земли, разбитой на мелкие наделы; остальные общинные земли не обрабатывались, но размеры их были весьма значительными, так как правительство Соединенных Штатов в 50-х годах XIX века нашло, что этих земель «слишком много», и откупило их у общины⁷⁶. Эта справка проливает свет также и на факты отчуждения земель у родоплеменных общин касситской эпохи, о чем будет идти речь в разделе IV.

К сожалению, вследствие больших пробелов в тексте актов В и D мы не можем установить с точностью продавцов по этим актам. Однако, исходя из того, что и в этих актах фигурируют подарки продавцам (по акту В — 11 лицам), мы должны признать, что и Бараз-эдин в акте В и Риттаб в акте D были названиями общин более мелких, чем Дур-Син и Марат. Такой вывод соответствует местоположению Бараз-эдина в области Киша по соседству с патесиатом Казаллу, который был

побежден и подчинен Римушем, предшественником (старшим братом) Маништусу. Местоположение Риттаба нам неизвестно; поле, проданное Риттабом, носит характерное название «гора Милким». Судя по размерам площади полей, проданных по актам В и D, общины, продававшие землю по этим актам, были скорее родовыми или сельскими. Однако точное определение их характера, за недостатком данных, определить нельзя.

Таким образом, наш анализ надписи Маништусу показывает, что в эпоху династии Аккада право владения землей принадлежало общинам. Несомненно, что этим правом общины пользовались и в предшествующие эпохи. Хотя цари и патеси были верховными собственниками и распорядителями всех земель в своих владениях, они, однако, должны были считаться с правом общинного землевладения, правом традиционным, восходящим еще к первобытно-общинной эпохе, особенно тогда, когда дело шло о землях крупных родоплеменных общин. Поэтому Маништусу, как впоследствии касситские цари и цари IV династии, избегает прямого захвата общинных земель и предпочитает формальную куплю-продажу. Но возможно, что эта форма не всегда соблюдалась. На это указывает упомянутый выше документ № 1400 по описи I тома Делапорта, находящийся в коллекции Оттоманского музея в Стамбуле. В этом документе перечисляются четыре участка земли, расположенные в четырех различных местностях общей площадью 672 бура (457—295 га), т. е. в среднем по 114—74 га на участок⁷⁷. Документ ничего не говорит об отчуждении этих участков посредством покупки; если эти участки, что весьма вероятно, были взяты также из общинных земель, то в данном случае имело место отчуждение их без всякого вознаграждения не от крупных родоплеменных, а от более мелких и слабых родовых или сельских общин.

Мы видим, что ни документы Лагашского архива, ни надпись Маништусу не содержат никаких данных, которые с полной очевидностью удостоверили бы существование в эпоху царей Аккада частного землевладения. Но, повидимому, оно в эту эпоху уже начало появляться. В числе документов, изданных Тюрю-Данженом, имеется свыше десятка актов о купле-продаже разного имущества, в том числе и небольших участков земли⁷⁸. Остается неизвестным, каким образом продавцы получили эти участки в свое владение; по этому вопросу мы можем строить только догадки. Застроенные (усадебные) участки, конечно, и в общинах были, согласно обычаю, в наследственном семейном владении; но поля и сады могли стать наследственными владениями только либо в результате прекращения переделов и закрепления наделов в наследственное пользование, подобно римскому гередию, либо в результате выделения из общины ее членов с выделами им во владение

земельных участков. Относительно переделов внутри сельских общин Двуречья у нас нет никаких сведений; из этого, конечно, нельзя выводить заключения, что переделы уже в III тысячелетии вышли из практики, но нельзя также и утверждать, что они существовали. Что касается выделов из общин, то существование таких случаев вполне допустимо. Из касситских кудурру мы знаем, что даже в родоплеменных общинах существовали «поля вождя» — земельные участки, выделенные в исключительное пользование главам общин и превращающиеся с течением времени в наследственное владение⁷⁹. Такие же «поля вождей» выделялись вождям в древнем Израиле при распределении общинных земель на наделы по жребию, причем вождь первым, до жеребьевки, выбирал себе лучшее (re'schith) поле. Такие же «поля вождей» мы встречаем и в родоплеменных туземных общинах Америки, где также может быть прослежен процесс возникновения таких полей⁸⁰. Из надписи Маништусу мы видим, что в эпоху царей Аккада старейшины общин выделялись уже в правящую верхушку, которая не только распоряжалась общинными землями, но также извлекала из этого права материальную выгоду, в форме получения «подарков» при отчуждении общинных земель. Характерно, что в числе «подарков» фигурируют рабы и рабочий скот; это обстоятельство показывает, что у старейшин уже были свои частные хозяйства, нуждавшиеся в рабочей и тягловой силе. Как мы увидим ниже, практика выделения «полей вождя», неизменный спутник повторяющихся несколько раз периодов частичного разложения общинного быта, была основным источником частного землевладения в Двуречье. Весьма возможно также, что сановники и агенты царей и патеси, получавшие в кормление за службу участки земли от своих государей, имели одновременно свои наследственные выделы в тех общинах, из которых они происходили.

В эпоху III династии Ура, к которой мы теперь переходим, никаких качественных перемен сравнительно с эпохой царей Аккада не замечается. Однако документы из этой эпохи имеют большую важность, так как, с одной стороны, мы находим в них ряд данных, выясняющих многие существенные черты явлений, отмеченных выше, и, с другой стороны, мы встречаем в них указания на известный рост частного землевладения.

В эпоху III династии Ура попрежнему существует царское хозяйство, сливающееся с храмовым, и попрежнему практикуется раздача участков земли из царских фондов в кормление сановникам и другим служащим царя. Но, как показывает анализ документов, в некоторых отношениях замечаются количественные изменения. В числе царских земельных фондов в эту эпоху одно из первых, если не первое место занимает поле Камари (KA-MA-RI). Оно состояло из пяти участков:

936 ган	= 327,6 га «хорошей земли»	} 1458,5 ган = 510,5 га
194 гана	«пустоши» (?)	
540 ган	болота	
364 гана	глинозема (?)	
360 ган	неизвестного качества	

2394,5 ган = 838,1 га⁸¹

Таким образом, только около 40 проц. этого поля было пригодно для земледелия; две трети этой части поля, 622,5 ган = 217,8 га, было занято под царское хозяйство. Эти 217,8 га в четырех участках и составляли ту «латифундию», которую «открыл» акад. Струве. Все четыре участка были заняты под пахоту; кроме того, на одном из остальных участков, самом крупном (поле Агештин, 140,2 га) были виноградники, а часть была заболочена и покрыта зарослями тростника. Хозяйством на четырех лучших участках и на поле Агештин заведывал царский управляющий Лугальгудэ. Из того же поля Камари производились выдачи небольших участков в кормление царским служащим; так, некий Ур-дингир получил в поле Камари участок в 4 гана (1,4 га). Из других царских фондов упоминаются поля Lal-tur и Lal-mah*), составлявшие, по-видимому, один фонд Lal. Поле Лальтур заключало в себе 566 ган (198 га) хорошей земли и 330 ган (115,5 га) земли «другого качества», а всего 896 ган = 313,5 га; из этого поля также выделялись кормления. Назначение и размеры поля Лальмах неизвестны⁸². Надо отметить, что все описанные выше фонды находились на территории прежнего патесиата Уммы, примыкавшего по своей южной границе к территории Лагаша и занимавшего такое же окраинное положение, как и Лагаш. Очевидно на территории патесиата Уммы еще были неосвоенные и заболоченные пространства, которые находились в непосредственном распоряжении царей Ура.

Кроме земельных фондов в области Уммы, в распоряжении и эксплуатации царей III династии Ура находились также земельные фонды в области Лагаша. О двух таких фондах, общей площадью 747,1 га, свидетельствует один документ из Телло (Лагаша), опубликованный Бартоном. Документ назначает эти два фонда двум лицам, из которых одно было из Эриду. По-видимому, Бартон затрудняется определить условия назначения, так как в документе они не указываются. Но, судя по тому, что каждый фонд состоит из нескольких полей различного размера и качества и по своей площади представляет весьма значительную величину (276,5 и 470,6 га), в данном случае не может быть и речи об акте пожалования или кормления. Лица, которым передаются эти два фонда, были,

*) Латинское *x* здесь и во всех последующих вавилонских словах обозначает звук, соответствующий русскому *х*.

несомненно, такими же царскими управляющими, как Лугальгудэ на поле Камари. Размеры и категории угодий этих двух полей видны из следующей таблицы:

Поле I

17 бур 675 сар «хорошей земли» = 107,4 га	
11 бур 500 сар земли под посевом пшеницы = 71,1 га.	
12 бур 525 сар земли под посевом другого сорта пшеницы = 77,4 га	
2 бура 900 сар заболоченной земли = 15,8 га	
800 сар у дамбы канала = 2,8 га	
<hr/>	
43 бура 1600 сар = 276,5 га	

Поле II

35 бур 50 сар «хорошей земли» = 220,7 га	
11 бур 500 сар земли под посевом пшеницы = 71,1 га	
11 бур 250 сар земли под виноградником = 70,2 га	
14 бур 500 сар земли под посевом пшеницы = 90 га	
2 бура 400 сар «хорошей земли» = 15,8 га	
325 сар у дамбы канала = 2,8 га	
<hr/>	
74 бура 1225 сар = 470,6 га.	

Из таблицы видно, что по качеству почвы эти оба фонда стоят несравненно выше, чем фонды области Уммы. Очевидно, патеси Лагаша были гораздо более рачительными и богатыми хозяевами, чем патеси Уммы, и царям Ура досталось в Лагашской области хорошее наследство. В составе первого лагашского фонда все участки, кроме двух последних, одного заболоченного и другого, лежащего под угрозой весеннего затопления, пригодны для земледельческой культуры и составляют 93 проц. всего фонда. Во втором фонде для земледельческой культуры непригоден только маленький последний участок, составляющий всего около 1/2 проц. общей площади фонда. Судя по другим документам из того же собрания, изданного Бартоном, часть доходов от этих фондов поступала на содержание лагашских храмов⁸³; отсюда следует, что если не все фонды целиком, то весьма значительная их часть находилась в эксплуатации царей Ура.

Если по отношению к царскому хозяйству мы не встречаем в документах эпохи III династии Ура ничего нового, то по отношению к системе раздач мы находим там ряд данных, не встречающихся в документах предшествующих эпох. Новыми все такие данные назвать нельзя, ибо большая часть их только скончательно разъясняет некоторые стороны системы кормления, недостаточно освещенные в нашем предшествующем положении. По существу новым явлением представляется как будто сокращение среднего размера участков, дающихся в качестве кормлений. И. М. Дьяконов указывает, что самое круп-

ное по размерам кормление, встретившееся ему в документах эпохи III династии Ура, равняется 10 ган = 3,5 га; другое кормление, которому специально посвящена его статья, имело площадь всего в 4 гана = 1,4 га⁸⁴. Однако эти данные нельзя признать полными. В инвентаре Делапорта мы встречаем документы, свидетельствующие о существовании кормлений и большего и меньшего размеров в сравнении с данными Дьяконова. В одном документе, дошедшем в фрагментарном виде, дается запись количества зерна, снятого с нескольких полей, каждое из которых находилось в распоряжении одного «земледельца». Эти «земледельцы», судя по размерам полей, не могли быть непосредственными производителями; скорее всего они были либо царскими агентами, либо кормленщиками. Размеры полей следующие:

7 бур	17 ган = 50 га
6 бур	19,25 ган = 44,5 га
6 бур	7,5 ган = 40,4 га
5 бур	11 ган = 35,3 га
4 бура	12,75 ган = 29,7 га

Если «земледельцы» этих полей были царскими агентами, — что всего вероятнее, так как урожай зарегистрирован в одном общем документе царского хозяйства, — то, по всей вероятности, они получали за свою службу определенную долю дохода, каждый со своего поля, и, таким образом, одновременно были и кормленщиками. В таком случае доля дохода за службу, вероятно, была не меньше $\frac{1}{3}$ всего сбора с каждого поля; тогда, в переводе на земельные меры, кормления будут от 17 до 10 га. Этот размер в 4 раза меньше того среднего размера кормлений (10 бур = 63 — 41,1 га), какой устанавливается по надписи Маништусу. Если «земледельцы» были только кормленщиками, то тогда средний размер (40 га) их кормлений будет меньше среднего размера кормления по надписи Маништусу, если считать бур в 6,3 га; но если в эпоху Маништусу применялся более ранний, меньший расчет бура, то тогда средние размеры кормлений — по документу Делапорта равные 40 га и по надписи Маништусу 41,1 га — будут почти равными. Таким образом, вопрос остается не вполне ясным. Мы полагаем все же, что вероятнее всего средний размер кормлений в эпоху III династии Ура уменьшился, хотя и не в такой значительной мере, как это выходит из статьи И. М. Дьяконова. Что касается минимального размера кормлений, то о нем дает представление другой документ из инвентаря Делапорта, по которому одному лицу дается в кормление участок всего в $8\frac{5}{6}$ сар, т. е. 310 кв. метров⁸⁵.

В документах эпохи III династии Ура мы находим данные, освещающие систему кормлений во всех ее существенных отношениях. Участок, выделенный в кормление за службу назы-

вался *schukim*, специальным термином, имевшим значение, по толкованию М. В. Никольского, «средства питания»⁸⁶. Кормленщик обрабатывал полученный участок своими средствами, если участок был небольшой; в других случаях часть работ производилась за счет царского хозяйства, и в таком случае участок включался по работам в царскую хозяйственную отчетность⁸⁷. В числе кормленщиков встречаются лица самых разнообразных положений, начиная от патеси, превратившихся в эпоху III династии Ура в царских наместников, дубсаров и жрецов, и кончая *maschkim*, т. е. мелкими служащими — сборщиками податей, храмовыми служителями, гонцами⁸⁸. Наконец, из документов эпохи III династии Ура выясняется одно важное условие пользования кормлениями, на которое в документах первой четверти III тысячелетия имеются только намеки. Упомянутый выше Ур-дингир имел кормление в поле Камари, но затем при царе Шу-сине это кормление перешло к другому лицу, а Ур-дингиру было дано взамен кормление такого же размера в поле Лаль-тур⁸⁹. Отсюда вытекает, что кормления не были постоянными и давались на неопределенный срок; во всякое время царь, а ранее и патеси, мог отобрать выданный участок или заменить его другим, на других условиях. Подобная текучесть системы кормления была основным препятствием для развития из права частного землепользования права частного землевладения. Здесь перед нами выступает традиционная восточная форма кормлений на основе землепользования, пережившая не только века, но и тысячелетия, ибо ее встретил во второй половине XVII века в государстве Великого Могола известный французский экономист Бернье⁹⁰.

Что касается частного землевладения, то из эпохи III династии Ура до нас дошло гораздо больше актов о продаже недвижимости, чем из эпохи Аккада, хотя все же число их незначительно в сравнении с числом актов этого рода из эпохи первой вавилонской династии. В ряду продаваемых участков земли на первом месте стоят сады, а не поля⁹¹. Это вполне естественно, ибо наиболее доходной земледельческой культурой в южном Двуречье с конца III тысячелетия становится культура финиковой пальмы, которую, по выражению традиционной песни Двуречья, можно было использовать на 360 ладов. Песня конечно, преувеличивала; но, по словам Страбона, упоминающего об этой песне, финиковая пальма «давала все»: хлеб, вино, уксус, мед, муку, всякого рода плетеные сосуды, кузнечный уголь, в качестве которого применялись пальмовые орехи, корм для скота из тех же размягченных орехов. В эпоху династии Ура финиковая культура занимала важное место в царском хозяйстве. При Гимиль-Сине в области Уммы было восемь царских финиковых садов разной величины, из них три в 341, 391 и 214 деревьев, два — в 176 и 126 деревьев и

три в 72, 61 и 55 деревьев, всего 1332 дерева. Исходя из обычного расчета посадки по 100 кв м на одно дерево, общую площадь этих восьми садов надо определить в 13,3 га. Также и частные землевладельцы старались насаждать эту культуру как своими средствами, так и посредством сдачи в аренду земельных участков под сады⁹². Кроме актов на продажу садов и полей, встречаются акты на продажу «домов», т. е. участков земли с усадебными постройками, обычно небольших размеров порядка 10 сар=350 кв м⁹³. Из документов видно, что бывали случаи, когда кормленщики пробовали продавать полученные в пользование участки, так как в одном документе предоставление поля в $8\frac{5}{8}$ сар=310 кв м сопровождается оговоркой, запрещающей продавать это поле⁹⁴.

Однако решающее значение для выяснения вопроса о росте частного землевладения в эпоху III династии Ура сравнительно с эпохой династии Аккада имеет не факт значительного увеличения числа документов о купле-продаже недвижимости, дошедших до нас из рассматриваемой эпохи. Последний факт может быть случайным явлением, ибо не из одной эпохи документы не дошли до нас в полном числе, и точное число их, хранившихся в архивах дворцов, храмов и частных лиц, нам неизвестно. Основное значение для разрешения указанного вопроса имеют законодательные постановления эпохи III династии Ура. Из этой эпохи дошли до нас отрывки шумерийского кодекса, который, как видно из некоторых его статей, считается с частным землевладением и, что всего важнее, становится совершенно определенно на защиту прав частных владельцев. Кодекс устанавливает высокие штрафы за вторжение в чужой сад (10 секелей серебра), за порубку в чужом саду ($\frac{1}{2}$ мины серебра с дерева) и устанавливает строгую ответственность за могущие быть убытки владельцу дома, если сосед последнего оставляет рядом с домом никем не охраняемую и неогражденную пустошь. Кодекс охраняет также интересы владельцев садов, сданных в аренду, от могущих быть убытков вследствие небрежности арендаторов⁹⁵. Появление законодательных постановлений такого содержания показывает, что частное владение недвижимостью уже приобрело известный удельный вес, и что отсутствие обычных традиционных норм возмещения за вред и убытки в результате нарушения прав частных владельцев побудило составителей шумерийского кодекса выработать новые соответствующие нормы. На этом основании мы имеем полное право констатировать заметный рост частного владения недвижимостью в эпоху III династии Ура сравнительно с эпохой династии Аккада.

Документы эпохи III династии Ура вскрывают еще одну важную черту в характере частного землевладения и домовладения, черту, конечно, традиционную, но выступающую в

писанном праве только теперь! Именно частное право владения землей или домом нельзя понимать строго в смысле индивидуального, личного владения. Владельцем земли или дома была семейная или домашняя община, и глава последней — дед, отец или старший брат — был только распорядителем общего имущества и руководителем общего хозяйства, как ясно говорит шумерийский кодекс: «Если кто скажет своему отцу и своей матери: ты не мой отец и не моя мать, — то должен он покинуть дом, поле, сад, рабов, движимое имущество, скот, и ему должна быть выдана целиком его доля. Его отец и мать скажут ему: ты не наш сын, — и он должен уйти из пределов дома»⁹⁶. Под «домом» в конце статьи разумеется домашняя община, а в начале статьи — дом, как жилище, принадлежащее семейной общине. Возникает, однако, вопрос, почему эта статья была включена в кодекс. На это косвенным образом дает ответ следующая статья; она гласит: «если его отец и его мать скажут: ты больше не наш сын, — то он должен покинуть общину»⁹⁷, причем разумеется, что выдел доли отвергнутому сыну не имеет места. Эта статья, несомненно, фиксирует традиционное право отца и матери признавать или не признавать детей и тем самым определять состав членов домашней общины. Но когда появилось право частного владения землей, тогда, очевидно, зародились также тенденции к распаду семейной общины, навстречу которым идет шумерийский кодекс и устанавливает для сыновей право выхода из семейной общины, согласно выраженному ими желанию, и право на выдел соответствующей доли общего имущества. Этот процесс разложения семейной общины продолжается и усиливается в эпоху I вавилонской династии.

Таким образом, к концу III тысячелетия право частного землевладения уже существует и пользуется охраной закона. Однако появление института частного землевладения не вносит каких-либо принципиальных изменений в социально-экономическую структуру общества южного Двуречья. В эпоху III династии Ура, как и раньше в хозяйстве Сумера, продолжает занимать первостепенное место скотоводство. Огромными стадами владел храм Энлиля в Ниппуре; в Лагаше этой эпохи зарегистрированы 7 стад крупного и мелкого скота, всего 3372 головы, и стадо храма Нисабы, для пополнения которого за один раз было прислано царем 1530 голов; в области Уммы были большие царские стада, о численности которых можно судить по назначениям из них тысяч голов скота для жертвоприношений богам; огромные стада были также в Эрехе (Уруке), Шуруппаке и Эриду⁹⁸. Более быстрый рост частного землевладения мы обнаруживаем в эпоху первой вавилонской династии.

III. ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ ВАВИЛОНСКОЙ ДИНАСТИИ

РАЗМЕРЫ ВЛАДЕНИЙ И МОБИЛИЗАЦИЯ НЕДВИЖИМОСТИ

Эпоха древневавилонского царства обычно считается эпохой расцвета частного землевладения и домовладения, и именно на документах этой эпохи основываются те ученые, которые считают частное землевладение основной формой после царского и храмового землевладения. Действительно, из этой эпохи дошло до нас значительное количество разнообразных документов, свидетельствующих о существовании частного землевладения и домовладения. Кроме актов купли-продажи, к этой категории относятся документы о семейных разделах и дарениях и договоры об аренде полей и садов, а также судебные акты и некоторые письма, в которых затрагиваются вопросы землевладения. Значительно меньше дошло документов, говорящих о раздачах царями участков земли сановникам и служащим; в количестве документов о землевладении и землепользовании в эту эпоху наблюдается соотношение, обратное тому, какое мы видели в эпохи царей Аккада и III династии Ура. Однако вопрос о степени роста размеров и удельного веса частного владения недвижимостью в эпоху древневавилонского царства не решается простым констатированием наличия значительного числа документов, так или иначе касающихся частного землевладения и домовладения. Число таких документов весьма значительно в сравнении с числом документов подобного рода из эпох царей Аккада и III династии Ура. Однако абсолютные цифры, в которых выражается численность документов этой категории из эпохи древневавилонского царства, неизмеримо ниже, чем, например, цифры, которыми измеряется число хозяйственных документов из различных эпох III тысячелетия: если число последних достигает цифры порядка не менее 20—25 тысяч, то общее число всякого рода документов, касающихся частного землевладения и домовладения, из эпохи древневавилонского царства вряд ли намного превышает цифру 200 из общего числа 1250 юридических документов, дошедших из

этой эпохи⁹⁹. Если при этом принять во внимание, что первая вавилонская династия правила в течение трёх веков, то это число окажется совсем незначительным. Оно, конечно, ниже действительности, так как известная часть документов, несомненно, утрачена; но в данном случае весьма важное значение имеет то обстоятельство, что подавляющее число документов о купле-продаже происходит из Сиппара, главного судебного и юридическо-административного центра Вавилонии, архив которого дошел до нас почти целиком. Но все же решающее значение имеет не общее число документов этого рода, а их содержание. Дело не в количестве сделок на землю и дома или семейных разделов; дело в масштабах частного землевладения и домовладения и в их хозяйственной значимости. А с этих сторон документы, интересующие нас, до сих пор не подвергались разработке. Их рассматривали с юридической стороны, со стороны истории цен¹⁰⁰; но ни юридическая форма, ни движение цен не имеют решающего значения. Ниже мы рассмотрим эти документы по существу, со стороны их конкретного содержания; выводы, к которым мы придем, внесут весьма существенные принципиальные поправки в общепринятую точку зрения о ведущей роли частного землевладения в эпоху древнеавилонского царства.

Однако сначала мы должны остановиться на вопросе о частном землепользовании в эпоху древнеавилонского царства. И здесь сравнительная численность документов не имеет решающего значения. Документов, говорящих о частном землепользовании в той форме, в какой оно существовало в III тысячелетии, дошло очень немного, всего около десятка царских распоряжений по этому вопросу. Однако из кодекса Хаммураби мы знаем, что в эпоху первой вавилонской династии получила широкое развитие система раздачи за службу небольших участков воинам (реду и баиру) на право пользования с запретом продажи, но с правом наследования, если наследник будет нести военную службу отца. К сожалению, никаких документов о наделении воинов землей на этих условиях до нас не дошло; в других документах разного рода реду и баиру нередко фигурируют только в качестве контрагентов или свидетелей, а реду и в качестве членов суда. Так как категория баиру состояла из рядовых воинов, а категория реду, вероятно, из чинов младшего командного состава, то число держателей земли этих категорий могло достигать лишь одной-двух тысяч человек, ибо из них состояло только небольшое постоянное войско царя, организованное рядом с традиционным общим ополчением, в которое по специальным спискам призывалось в случае надобности все мужское население, способное носить оружие¹⁰¹. У нас имеется очень мало сведений о размерах участков, получавшихся за службу воинами разрядов реду и баиру. Три показания документов

говорят об участках в 10 ган (3,5 га), 12 ган (4,2 га) и 16 ган (5,6 га); отсюда можно заключить, что высший размер воинского участка для этих разрядов вряд ли был выше бура (6,3 га), а низший вряд ли был меньше 0,5 бура (3,15 га)¹⁰². В царских распоряжениях относительно землепользования мы встречаем указания на участки для деку — чинов среднего командного состава, — размером в 40 и 50 ган (14 и 17,5 га); в числе других участков, пожалованных разным лицам, должности которых не указаны, встречаются как более мелкие участки в 12 и 14 ган (4,2 и 4,9 га), так и более крупные участки в 1 и 2 бура (6,3 и 12,6 га). Таким образом, бросается в глаза отсутствие таких крупных пожалований размером в десятки и сотни бур, с которыми мы встречались в III тысячелетии. Это свидетельствует о несомненном количественном снижении уровня частного землепользования, притом, весьма значительном, и о соответствующем снижении его удельного веса. Возможно, что это явление объясняется чрезвычайным сокращением того свободного земельного фонда, каким могли распоряжаться цари первой вавилонской династии. Что касается юридической стороны дела, то в ней ничего нового не замечается. Царские распоряжения касаются как назначения различных категорий участков в пользование сановникам, служащим и воинам, так и передачи участков от одних землепользователей другим, причем иногда прежние пользователи получают в возмещение другие участки¹⁰³. Таким образом, в общем сохраняется система, установившаяся в эпоху III династии Ура.

В связи с сокращением свободного земельного фонда в эпоху древнеавилонского царства произошли значительные перемены и в царском хозяйстве. Как мы указывали в предшествующем разделе, свободные земельные фонды имелись главным образом на юге, в сумерской части южного Двуречья, где вплоть до халдейской эпохи продолжали существовать обширные низменные заболоченные пространства. Сумерские патеси и цари старались по возможности освоить эти пространства посредством проведения каналов и обращения известной части заболоченных земель под земледельческие культуры. В эпоху возвышения вавилонского царства положение существенным образом изменилось. Сумер был жестоко разорен и опустошен эламским нашествием, положившим конец царству III династии Ура. Эламские цари, однако, не овладели прочно югом и мало заботились о восстановлении разрушенного там хозяйства. В течение двух с половиной веков Сумер был ареной внутренних войн и, кроме того, жестоко страдал от борьбы между царями первой вавилонской династии и эламскими царями. Как известно, только царю Хаммураби удалось завершить борьбу за юг и прочно присоединить сумерские области к своему царству. К этому

времени на юге уже не было никаких патесиатов даже в качестве административных областей. Весь сумерский юг был объединен в одну область под управлением царского наместника Синидиннама. В противоположность густо населенной собственно Вавилонии с ее цветущими садами и пашнями сумерский юг стал малолюдной страной с запущенными каналами, где вновь увеличились заболоченные пространства, и земледелие стало трудным и невыгодным промыслом. И мы видим, что, в противоположность царям Ура, Хаммураби не организует на юге своего полевого хозяйства и не раздает там земель. На юге Хаммураби организует свое большое скотоводческое хозяйство, основным фондом которого были, очевидно, стада, перешедшие во владение Хаммураби от Римсина, последнего царя эламской династии на юге. О значении этого хозяйства мы можем судить по тому обстоятельству, что одна из основных функций Синидиннама заключалась в заведывании царскими стадами. Ему был подчинен большой штат пастухов разных категорий (главные пастухи и просто пастухи), он следил, чтобы не было убыли в стадах, чтобы в точно установленные сроки доставлялись царскому двору и храмам положенные партии скота на убой, чтобы во время и аккуратно производилась стрижка овец. О всех этих задачах и мероприятиях царь Хаммураби постоянно напоминал Синидиннаму в своих распорядительных письмах; такую же заботливость о скотоводстве на юге проявляют и преемники Хаммураби¹⁰⁵. Мы видим отсюда, что личное царское хозяйство в эпоху первой вавилонской династии претерпевает серьезные изменения. Исчезает личное царское полевое хозяйство, а вместе с тем и царь перестает выступать как личный земледелец. Зато в соответствующей степени усиливается роль и значение царя, как верховного собственника и распорядителя всех земель вавилонского царства. В этом отношении весьма показателен один случай при царе Аммитане. Один царский служащий, ранг которого остается неизвестным, жалуется царю на нарушение его прав старейшинами общины (alu), к которой он, повидимому, принадлежит. Старейшины отдали ему «для пропитания» (akal) поле, находившееся во владении (szibtu) какого-то реду, повидимому, выморочное, и жалобщик пользовался этим полем 30 лет. Но под конец старейшины, воспользовавшись пребыванием жалобщика в Сиппаре, куда он должен был отправиться в связи с исполнением своих обязанностей, отняли у него половину этого поля и отдали ее другому лицу. Жалобщик просит царя восстановить его право и заставить старейшин вернуть ему отнятую часть поля, «чтобы ему не умереть»¹⁰⁶. Жалоба эта могла основываться только на том положении, что царь является верховным собственником и распорядителем всех земель, как свободных, так и общинных.

Это положение, как и в предшествующие эпохи, в равной степени относилось также и к храмовым землям. В эпоху первой вавилонской династии мы почти не встречаем документальных данных относительно существования самостоятельного земледельческого хозяйства храмов, а также относительно пожалований и дарений храмам земельных угодий. Встречается упоминание о «поле храма Шамаши»; кроме того, имеется одно место во введении к кодексу Хаммураби, где говорится, что Хаммураби «расширил насаждения (*merieschtim*) Дильбата, насыпал бессчетные горы зерна для Ураша». Под *merieschtim* понимаются обработанные земли, поля и сады; в данном случае понимаются, конечно, поля. Но остается неясным, кому принадлежали эти «насаждения», городу Дильбату или храму бога Ураша. Последнее, конечно, весьма возможно, особенно в виду того, что Ураш был богом-покровителем земледелия и подателем зерна, и потому с точки зрения даяр имел специальные права на собственные пашни. Других данных из эпохи первой вавилонской династии о предоставлении храмам земель мы не имеем. Храмовые закрома наполнялись зерном и другими растительными продуктами за счет специальной десятины в пользу храмов и за счет выдач из царских запасов; за царский счет производилось также строительство храмов и их украшение статуями и тронами богов; на это цари не жалели золота и серебра. Таким образом, земельные владения храмов в эпоху древневавилонского царства не могли представлять сколько-нибудь значительной величины. Храмы и жрецы прѳмышляли, главным образом, не сельским хозяйством, а ростовщическими операциями¹⁰⁷.

Переходя теперь к вопросу о частном землевладении в эпоху древневавилонского царства, остановимся сначала на некоторых новых правовых нормах, свидетельствующих о несомненном развитии частного землевладения и домовладения и частного хозяйства. Во-первых любопытны некоторые постановления кодекса Хаммураби, свидетельствующие о росте значения частного полевого и садового хозяйства. Кодекс Хаммураби повторяет постановление сумерийского кодекса о штрафе в $\frac{1}{2}$ мины серебра за порубку дерева в чужом саду (ст. 59); но к этому прежнему постановлению кодекс Хаммураби добавляет еще целый ряд новых постановлений, ограждающих интересы владельцев садов и полей. Устанавливаются весьма высокие нормы штрафов в зерне, налагаемых на пастухов, допустивших потраву скотом чужих земель (ст. 57 и 58). Самым придирчивым и беспощадным образом устанавливается материальная ответственность арендаторов полей и садов за невыполнение договорных условий, за небрежность в работе и даже при некоторых условиях за невзнос арендной платы в случае гибели урожая от стихийных бедствий (ст. 42—52, 60—65). Наконец, кодекс Хаммураби учитывает также

рост частного доходного домовладения и регулирует отношения между домовладельцами и с'емщиками жилых и хозяйственных помещений (ст. 78). К этому надо добавить, что кодекс весьма заботливо охраняет интересы ростовщиков (дамкаров), которые нередко были одновременно также домовладельцами и землевладельцами. Все эти новые нормы свидетельствуют о том, что характер хозяйства правящих групп вавилонского общества значительно изменился сравнительно с характером хозяйства тех же групп в III тысячелетии. Если прежде представители правящих групп, царские чиновники, служащие и дамкары строили свое хозяйство и свое благополучие на царских кормлениях и дарениях, то теперь они имеют свои частные владения и хозяйства и получают с них доходы, не брезгуя, конечно, и царскими пожалованиями.

Во-вторых, в связи с новыми явлениями в быту и праве появляются и новые более точные термины, которыми обозначаются различные оттенки и варианты права владения и права пользования землей. Наряду со старым сумерийским термином *schuku*, обозначавшем кормление, для наименования царских пожалований землей иногда употребляется термин *isqu* (*ischqu*) от *aschaqu* — «наделять», «жаловать», «дарить», — обозначающий «доля», «надел», «пожалование», «дар» и отсюда иногда «владение», но в условном смысле. Но чаще всего в эпоху древнеавилонского царства для обозначения царских пожалований землей употребляется термин *ilku*, обозначающий «служба» и «кормление за службу»¹⁰⁸. Безусловное владение обозначается другим термином, чрезвычайно характерным. Этот термин — *szibtu*, от *szabatu*, глагола, означающего «схватывать добычу», «овладевать силой», отсюда «брать в свое владение»; *szibtu* первоначально обозначает «схватывание», «овладевание силой», «взятие в плен», и от того же корня *szabatu* происходит редко встречающееся ассирийское «*szabutu*» — «военная добыча» и общеупотребительное *szabtu* — «пленник»¹⁰⁹. Как показывает терминология кодекса Хаммураби и документов, *szibtu* строго различалось от общего семейного владения. По статье 165 кодекса Хаммураби, о которой будет еще речь ниже, отец имел право выделить из «имущества отцовского дома» (*makkur biti abu*) в качестве подарка сыну, «первому в его глазах», поле, сад или дом. Этот подарок не шел в общий раздел наследственного «имущества отцовского дома» (*makkur*) и в документах называется *szibtu* — безусловным владением сына, одаренного отцом. Таким образом, перед нами вырисовываются две новых формы личного владения: *isqu*, владение на основе царского пожалования, условное и временное, и *szibtu*, владение на основе собственного права владельца, безусловное, подобно владению охотника или воина его добычей. Ниже мы особо остановимся на источниках права этой последней формы вла-

дения и тогда увидим, имели ли место случаи насильственного захвата земли в частное владение.

Степень роста и удельный вес частного землевладения сравнительно с другими формами землевладения в эпоху первой вавилонской династии мы можем более или менее точно определить на основании анализа соответствующих документальных данных. К сожалению, до сих пор нет полного собрания документов этой эпохи, касающихся частного землевладения. Они разбросаны по разным отдельным изданиям, и в условиях моей работы в Минске в 1940—1941 гг. я не мог всеми этими изданиями воспользоваться. Мною разработаны только документы, изданные Фридрихом, Шорром, Унгнадом, Дайхесом, Рифтиным и использованы таблицы в работе Швенцнера. В общей сложности это составляет 163 документа, из них 87 документов о купле-продаже, в том числе 39 документов о продаже полей, 23 документа о продаже садов и 25 документов о продаже домов, 28 документов о разделах наследственного имущества (актов и судебных решений) и 48 писем частных землевладельцев. Если принять во внимание, что основная масса актов о купле-продаже недвижимости, опубликованная Пинчсом в автографическом издании клинообразных текстов Британского музея, содержит в себе 76 документов, и что письма использованы мною по полному собранию их, изданному Унгнадом, то окажется, что мною использовано, вероятно, не менее 80—90 проц. всех документов этого рода¹¹⁰. Поэтому я полагаю, что мои выводы будут базироваться на вполне достаточном материале, ибо, как будет видно ниже, основные данные о размерах продаваемых полей, садов и домов варьируют в очень ограниченных пределах. Кроме того, надо учитывать, что Швенцнер и Шорр выбрали наиболее важные документы как со стороны данных о размерах продаваемых объектов, так и со стороны условий продажи. Путем анализа данных вышеуказанного документального материала мы попытаемся разрешить следующие вопросы: 1) о размере частного землевладения по площади отдельных владений, 2) о покупателях и продавцах, 3) о характере права частного владения недвижимым имуществом, 4) об источниках этого права, 5) об эксплуатации частных владений. Разрешение этих вопросов даст нам возможность ответить и на общие вопросы, поставленные в начале этого абзаца.

Прежде всего остановимся на размерах частновладельческих полей. В нашем распоряжении имелись сведения о размере 56 полей по актам купли-продажи и по письмам и о размере 20 полей по актам разделов семейного имущества; из последних 10 полей были предметом раздела и 10 полей перешли в индивидуальное владение в результате раздела. При определении размеров полей встретилось одно затруднение,

закрывающееся в том, что в трех документах, первоначально переведенных и истолкованных Дайхесом, а потом вторично Шорром, показания о размерах полей и садов у Дайхеса и Шорра оказались истолкованными различным образом ¹¹¹. Это заставило меня произвести проверку перевода и толкования также и других документов у Дайхеса. В результате выяснилось, что Дайхес в некоторых случаях понимал термин *ган* в смысле *бура*. Из этого толкования Дайхеса исходили, между прочим, некоторые ученые, делая вывод о существовании в эпоху древневавилонского царства частных владений площадью порядка 60 и даже 90 га ¹¹². На самом деле, как показывают точные истолкования знаков, обозначающих разновидности гана, у Шорра, Унгнада и Рифтина, толкования Дайхеса были ошибочными, и максимальные размеры отдельных полей оказываются значительно более низкими.

Все указанные выше 76 полей ¹¹³ по своим размерам могут быть распределены на следующие четыре категории (проценты даны в приблизительных круглых цифрах):

- I. 16 карликовых полей от 700 кв. м. до 1 га — 21,05 проц.
- II. 42 мелких поля от 1,4 до 4,2 га (из них 29 меньше 3 га) — 55,3 проц.
- III. 16 средних полей от 5,15 до 19,8 га (из них 11 меньше 10 га) — 21,05 проц.
- IV. 2 более крупных поля в 25,2¹¹⁴ и 31,5 га — 2,6 проц.

Из этой таблицы мы видим, что 77 проц. всех полей — мелкого размера, а в числе 16 средних полей 11 по своим размерам также приближаются к мелким. Отсюда мы можем упростить наше деление и разделить все поля только на две категории:

1. 69 поле от 700 кв. м. до 8,4 га — 90,8 проц.
2. 7 полей от 11,45 до 31,5 га — 9,2 проц.

Если исходить исключительно из вышеприведенных данных, то придется признать, что частное полевое хозяйство в эпоху первой вавилонской династии в своей подавляющей части носило мелкий характер. Но и та оговорка, какую необходимо сделать по отношению к этим данным, не может изменить по существу указанного общего вывода. Оговорка заключается в том, что общее число более крупных хозяйств размером от 20 га и выше, несомненно, было больше, чем представляется из наших таблиц. Прежде всего необходимо учесть, что некоторые продавцы мелких участков земли продавали только часть своих земельных владений, и что, следовательно, количество средних и крупных владений было больше, чем это видно на первый взгляд из актов купли-продажи. Далее, у нас имеются также и документальные

данные о таких владельцах полей, у которых было по несколько полей, хотя и в разных местностях, и о таких, которые округляли свои владения посредством покупки или обмена. Так, один крупный сановник царя Самсуилуны Адад-Раби, о хозяйстве которого мы будем говорить подробно ниже, раздавал в аренду не менее 4—5 полей и имел сверх этого еще поля; а предприимчивая жрица Шамаша (в Сиппаре) Ламази, дочь Шерум-или, обменивала свои чересполосные поля на поля соседей и при этом даже мошенничала¹¹⁵. Однако, как показывает эта справка, приобретение полей не было широко распространенным явлением, и потому наш вышеприведенный общий вывод о мелком характере частного землевладения надо считать в основном правильным.

Та же самая картина обнаруживается и при рассмотрении размеров садов. Не считая одного документа, в котором не обозначены размеры продаваемого сада, в нашем распоряжении были данные о 25 садах в документах тех же категорий, как и относительно полей. Из этих 25 садов 24 сада имеют размеры от 0,22 до 0,8 га, и только один сад имеет площадь в 2,1 га. Правда, имеются данные, свидетельствующие, что некоторые лица владели несколькими садами и резервами целины для разведения новых садов; но такие случаи были, повидимому, редкими¹¹⁶, и во всяком случае они не изменяют общего вывода о преобладающем характере мелкого садовладения. Вышеприведенные данные не дают оснований говорить о существовании крупных частных садовых плантаций в эпоху древнеавилонского царства. Владельцы нескольких садов могли иметь под садами и под целиной для разведения новых садов общую площадь до 10 га; но крупными садовладельцами таких хозяев можно назвать только по тогдашним вавилонским масштабам. Весьма важно отметить, что к такому же выводу об общем мелком характере древнеавилонского частного землевладения приходит также и такой рьяный сторонник взгляда о господстве частновладельческой системы в древнеавилонском сельском хозяйстве, как Мейсснер. Центральными фигурами древнеавилонского сельского хозяйства были, по его выражению, «мелкий садовладелец и его сотоварищ мелкий землевладелец, которые владели жалкое существование, постоянно попадая в хищнические лапы ростовщиков и «крупных землевладельцев», сдававших свои поля и сады в аренду¹¹⁷. С этой характеристикой тяжелого положения мелких землевладельцев нельзя не согласиться; но она коренным образом противоречит взгляду ее автора о господстве частного землевладения в древнеавилонском царстве и упускает из виду, что «крупные» землевладельцы и садовладельцы тогдашней эпохи могут быть названы таковыми только в рамках тогдашних мелких масштабов частного землевладения.

Особое место в ряду частных земельных владений занимают застроенные участки с жилыми и хозяйственными постройками, или с теми и другими вместе. Число документальных данных о разного рода сделках с такими участками (купле-продаже, разделах, сдаче в наем) и о тяжбах по поводу владения ими весьма значительно в сравнении с данными о полях и садах. В документах и таблицах цитированных выше изданий идет речь не менее, как о 212 таких участках, в том числе о 20 участках, идущих в раздел, и о 20 участках, образовавшихся в результате разделов. Размеры застроенных участков в подавляющей части очень мелкие, чаще всего в пределах до 1 сара (35 кв. м); но их средняя величина варьирует в зависимости от характера застройки и местоположения участка.

В зависимости от этих двух признаков застроенные участки причисляются в документах к различным категориям, называемым специальными терминами. Термины — традиционные, восходящие к шумерийской эпохе¹¹⁸. Самая крупная по числу участков категория называется E—DU—A. Это участки, на которых выстроены дома, чаще всего жилые, но иногда и коммерческие — лавки или мастерские; в своей подавляющей части это городские участки в Вавилоне, Сиппаре, Ларсе, Ниппуре, Эрехе. Участки E—DU—A отличаются чрезвычайно мелкими размерами: чаще всего это участки от $\frac{1}{3}$ до 1 сара (12—35 кв. м), но встречаются и совсем карликовые участки в $5\frac{1}{2}$ и $5\frac{2}{3}$ гин, т. е. 3 — 3,2 кв. м. В одном случае такие карликовые участки образовались в результате раздела¹¹⁹; но некоторые участки таких размеров являются предметом купли-продажи и продаются по очень дорогой цене, а это обстоятельство, несомненно, указывает на то, что в данных случаях дело идет о ремесленных или коммерческих ларьках на людных улицах и площадях. Участки E—DU—A размером свыше 1 сара очень редки; наиболее крупные, от 3 сар и выше, насчитываются единицами — 14 участков по 3 сара (105 кв. м), один участок около 4 сар (136 кв. м), три участка по 5 — 5,5 сар (175 — 192 кв. м) и один участок 12 сар (420 кв. м)¹²⁰. К ряду городских участков надо относить также три категории, фигурирующие под местными названиями. Из них название категории E—BUR—BAI обозначает, вероятно, Дильбат; размеры участков этой категории такие же мелкие, как и участков E—DU—A; только два участка имеют площадь в 12 сар (420 кв. м), а один, очень дорогой, всего в 1 гин (0,6 кв. м). Две другие категории, под терминами E—NUN—NA и E—KI—SCHUB—BA, эквивалентными вавилонскому kintup, обозначают дома в Эрехе (Уруке); размеры участков этих категорий не превышают $3\frac{1}{2}$ сар (122,5 кв. м). Всего городских участков из вышеуказанного общего числа 212 застроенных участков насчитывается 169, т. е. 80 проц.; из них участков

более крупных размеров, от 3 сар и выше, только 19, т. е. 11,2 проц.¹²¹.

Кроме охарактеризованных четырех категорий, имеются категории E—KIS—LAX и E—KI—GAL. Различие между ними установить невозможно; повидимому, эти два термина служили обозначениями одной и той же категории застроенных участков, поскольку один документ с термином E—KI—GAL был найден в глиняном футляре с надписью E—KIS—LAX¹²². Значение последнего термина определяется на основании словоупотребления в документах Шорра №№ 104,1 и 192,9, где говорится о земельных участках, застроенных амбарами¹²³. Отсюда следует, что оба термина обозначают участки, занятые хозяйственными постройками. Большая часть таких участков, упоминаемых в документах, расположена в сельских местностях; но изредка участки под такими названиями встречаются и в городах, и поэтому часть их включена мною в указанный выше итог 169 городских участков. Сельских участков двух рассматриваемых здесь категорий, по нашим данным, насчитывается 43, или около 20 проц. общего числа (212) всех застроенных участков, служащих предметом нашего анализа. В среднем сельские участки имеют более крупные размеры, чем городские. Такие карликовые участки, как участки в 0,6—3,2 кв м, в числе сельских участков не встречаются; наименьший размер участков E—NUN—NA и E—KIS—LAX, по данным Швенцнера, от $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$ сара (12—26 кв м), и таких участков всего 4. Участков более крупного размера, от 3 сар и выше, насчитывается 9, или 21 проц. всех участков сельской категории. Из этих 9 участков 3 участка имеют площадь от 3 до 3 $\frac{1}{2}$ сар (105—122,5 кв м), 3 участка — по 4 сар (140 кв м) и три участка — 5, 6 и 8 сар (175, 210 и 280 кв м). Остальные 30 сельских участков имеют средние размеры между этими двумя группами. Далее следует отметить, что сельские участки ценятся дешевле городских. Эти отличия, по размерам и цене, вполне понятны, так как в сельских местностях земли было больше, чем в городах, а доход был ниже, чем в городах, и стоимость хозяйственных построек была ниже, чем стоимость жилых домов и коммерческих помещений¹²⁴.

Мизерные размеры древневавилонских домовых участков кажутся неожиданными и не вяжутся с широко распространенным представлением о Вавилоне и других больших городах Вавилонии, как о богатых городах с великолепными зданиями. Можно подумать, что здесь вкрались какие-то ошибки в расчетах и что вышеприведенные исчисления размеров вавилонских городских домов преуменьшены. Однако археологические данные целиком подтверждают вышеприведенные расчеты размеров застроенных участков и строений в вавилонских городах, сделанные на основании показаний документов

и на основе древнеавилонской метрологии. Как показывают раскопки в Вавилоне, Уре и других городах, огромными и великолепными зданиями были только царские дворцы и храмы. Что касается жилых домов, то последние строились из легких материалов и отличались небольшими размерами. Древнейшие дома, остатки которых были открыты в Уре и Шуруппаке, были маленькими круглыми хижинами на тростниковом каркасе, обложенном глиной. Такой тип домов существовал в Уре в эпоху III династии Ура, существовал и позднее на всем протяжении истории древнего Двуречья во всех городах последнего, существует и теперь в Ираке и в городах и в деревнях. Рядом с примитивным круглым типом в III тысячелетии появляются дома обычной четырехугольной формы; в городах они строятся на кирпичном фундаменте, но стены часто остаются попрежнему глинобитными, хотя иногда складываются также из необожженного кирпича. Остатки глинобитных домов открыты повсюду, остатки кирпичных — в Ашнунаке, в северной части Двуречья. Площадь домов, как показывают раскопки в Фара (Шуруппаке) и в Вавилоне, была размером от 1 сара до 3 сар, но иногда и выше. Это зависело от семейного положения владельцев домов. Обычно в домах древнего Двуречья жилые комнаты и помещения хозяйственного назначения группировались вокруг центрального помещения с очагом и циновками или лежанками; это помещение служило и столовой, и местом для домашних собраний и бесед, и для приема гостей. Оно чаще всего было открытым двором, а иногда, в северной части Двуречья, — внутренней большой комнатой. Такие дома были обычно во владении неразделившихся патриархальных семейных общин и не могли иметь площадь менее 100 кв м, т. е. 3 сар. Но дома для разделившихся семейных групп были обычно меньшего размера и часто не имели общей центральной комнаты¹²⁵. Это чрезвычайно важное обстоятельство еще будет предметом нашего рассмотрения. Что касается порядка расположения домов на городских улицах, то, как показали раскопки Кольдеева в Вавилоне, оно и в древнеавилонскую и в халдейскую эпохи сохраняло один и тот же вид. Дома в Меркесе, в том квартале Вавилона, где жили ростовщики, купцы и ремесленники, буквально громоздились один на другой на узеньких улицах; дома были построены на кирпичном фундаменте с толстыми глинобитными стенами. застройка была настолько тесной, что вся площадь домового участка обычно была занята под домом; никаких наружных дворов или садов в центральных кварталах города не было¹²⁶. Но и такие уродливые и тесные дома, как мы видели, имели значительную ценность, тем большую, чем выгоднее был расположен дом. С этой стороны весьма интересно, что в актах о купле-продаже городских, а также некоторых сельских застроенных участков, кроме точных указаний прилегающих до-

мов и угодий, заботливо указывается также выгодное расположение участка, если таковое имеет место. Так, подчеркивается, что продаваемый участок выходит фасадом на «широкую улицу», т. е. на главную, бойкую улицу, и притом по фасаду, а не боковой стороной или торцом; об одном участке указывается, что он стоит «у моста», т. е. у реки или у канала, может быть, близко к пристани; в актах о сельских участках подчеркивается расположение их у канала или на проезжей дороге к какому-либо местному центру, вероятно, по связи с базарной торговлей¹²⁷. В качестве примера можно привести детали из одного любопытного документа, происходящего из Сиппара. Покупательница, жрица сиппарского храма Шамаша, купила участок E—DU—A площадью в 2 сара 10 гин (76 кв м) «при улице» фасадом на главную площадь, рядом с bit maxirim — меняльной лавкой Илушубани и его брата, задней стороной рядом с «домом заклания» (bit zibim), т. е. двором для убоя скота братьев, сыновей Авилума; кроме того, та же жрица купила у трех братьев две меняльные лавки на главной площади¹²⁸. Размер купленных меняльных лавок не указан; но такие помещения обычно были весьма небольшими, от 1/2 до 1 сара (17,5—35 кв м).

Переходя теперь к выяснению вопроса о покупателях и продавцах, остановимся предварительно на количественных показателях купли-продажи. Всего в нашем распоряжении имелось 87 документов этого рода, из них 39 о продаже-покупке полей, 29 — садов и 25 — домов; это число составляет, вероятно, не менее 90 проц. всех дошедших документов этой категории. Если учесть, что указанные 87 документов по времени происхождения располагаются в течение трехсотлетнего периода существования древневавилонского царства, то нельзя не признать, что мобилизация земельных и других недвижимых владений имела довольно слабое распространение. Было бы весьма важно и интересно сопоставить это наблюдение с характеристикой социальной физиономии покупателей и продавцов. К сожалению, во многих документах покупателей и продавцы только названы по имени, и их социальное положение остается неясным. Однако в ряде актов эта сторона дела выступает совершенно ясно, и поэтому мы можем сделать несколько весьма интересных наблюдений. Мы узнаем, что покупателями полей, садов и застроенных участков чаще всего являются отдельные лица; коллективы выступают редко. В числе отдельных лиц встречается одна специфическая группа, довольно значительная по своей численности, именно жрицы, и притом почти исключительно жрицы Шамаша в Сиппаре. В качестве покупателей они выступают 73 раза (в том числе две жрицы Мардука и одна жрица Ниниба), в качестве продавцов—23 раза (в том числе две жрицы Ниниба). Кроме того, в категории отдельных покупателей и продавцов надо от-

метить членов семьи: в пяти случаях брат покупает у брата, а в одном случае отец продает сыну. Коллективы, выступающие в качестве контрагентов актов купли-продажи, чаще всего семейные; в 35 случаях они выступают в качестве покупателей, в 63 — в качестве продавцов. Из других коллективов один раз в качестве продавца выступает алу в лице старейшины; в продажу идет участок E—KIS—LAX, и отсюда можно заключить, что продавцом является, вероятнее всего, сельская община. Кроме того, один раз в качестве продавца выступает дворец.

Таким образом, нашему анализу подлежат две категории контрагентов актов купли-продажи, жреческая и семейно-коллективная. Сразу бросается в глаза обратное соотношение между этими группами: жрецы в каждом трех случаях из четырех покупают, а семейные коллективы в каждом двух случаях из трех — продают. Надо оговориться, что фактически и для семейно-коллективной категории пропорция по существу, только в обратном направлении, совпадает с пропорцией сделок жреческой группы, ибо из 35 случаев покупки недвижимости семейными коллективами в 23 случаях покупателями являются братья Силли-Иштар и Авиль-Илим из Эреха, специально занимавшиеся скупкой домов и застроенных участков¹²⁹. Если принять эту поправку, то пропорция для семейных коллективов будет несколько иная — коллективы продают в каждом трех случаях из четырех, в то время как жрицы покупают в каждом трех случаях из четырех. Первое общее заключение, которое мы можем сделать из этого наблюдения, состоит в том, что здесь мы имеем несомненное свидетельство о процессе разложения семейной общины и о росте права частного индивидуального владения. Другое общее заключение состоит в том, что основной группой, выигрывающей от этого процесса, является группа представителей ростовщического капитала, ибо к их числу, несомненно, принадлежали жрицы Шамаша, к их числу принадлежали также братья — скупщики домов в Эрехе и, конечно, многие другие покупатели, названные в документах только по имени.

Не менее интересные наблюдения можно сделать, если дифференцировать общие цифры сделок по предметам купли-продажи. Тогда обнаружится, что по группе жриц-покупательниц на первом месте по числу стоят сделки с покупкой домов (45 покупок), затем полей (24 покупки) и на последнем месте — садов (4 покупки). Но пропорция между этими тремя цифрами значительно расходится с пропорцией общего числа актов о сделках с домами (172 акта), полями (53 акта) и садами (21 акт). Учитывая эти последние цифры, мы обнаружим, что наибольший процент из общего числа сделок по каждой из вышеуказанных трех категорий для жриц-покупательниц будет по полям (45%), затем по домам (25%) и, наконец,

по садам. Что касается продажи, то жрицы больше всего продали полей (12), затем домов (10) и, наконец, садов (1). Ниже при рассмотрении вопроса об эксплуатации частных владений мы поймем значение этих цифр.

Группа семейных коллективов участвует в продаже 41 дома, 18 полей и 4 садов. В процентном отношении к общему числу сделок с этими объектами на первом месте стоит продажа полей (33%), затем домов (23,8%) и, наконец, садов (20%). Покупают семейные коллективы 27 домов (из них 23 дома покупает упомянутая выше семья братьев-ростовщиков из Эреха), 5 полей и 3 сада. Было бы чрезвычайно важно рассмотреть вопрос о социальном характере коллективов покупателей в тех 12 случаях, в которых покупателями не являются братья-ростовщики из Эреха. Но, к сожалению, в большей части актов о покупках недвижимости семейными коллективами не имеется данных, которые позволили бы точно определить принадлежность покупателей к определенной социальной группе. Только в четырех случаях этот вопрос ясен. Именно один дом, один сад и два поля покупаются семьями, членами которых являются жрицы Шамаша¹³⁰. Таким образом, число неясных покупок, при которых покупателями могли быть и трудовые семейные общины, сокращается до восьми. Из последних в двух случаях покупателями были, несомненно, ростовщические семьи, так как в одном случае покупаются за очень дорогую цену небольшие участки E—DU—A, один в 2 сара (по 50 секелей за сар), другой всего в 5½ ган (по 30 секелей за сар). Из случаев покупки полей в двух случаях покупателями могли быть крестьянские семьи, так как покупаются небольшие поля и по дешевой цене — одно поле в 100 сар, другое — в 150 сар (0,35 и 0,52 га), по цене: первое по 2 секеля и второе — 1⅓ секеля за ган. В третьем случае покупаемое поле имеет площадь в 3,5 га по цене 6 секеля за сар, и покупателем его была, конечно, состоятельная семья¹³¹. Таким образом, из разбираемых нами 12 случаев в семи покупателями являются представители богатой верхушки, в двух случаях покупателями были, быть может, крестьянские семьи и в трех случаях вопрос не ясен; но из этих последних в двух случаях идет дело о покупке садов, и потому вероятнее всего покупателями были также представители состоятельных групп общества. Следовательно, в 31 случае из 35 покупателями являются богатые семьи. Этот вывод весьма показателен, и мы к нему еще вернемся.

Не менее важен вопрос о социальной принадлежности семейных коллективов, продающих поля. Тут в трех случаях продавцами являются жреческие семьи. Затем имеются 7 случаев, когда семейные коллективы продают небольшие участки земли от 1,4 до 3,5 га (400—1000 сар). В этих случаях можно допустить, что продавцами были крестьянские семейные кол-

лективы¹³². В остальных случаях продаются более крупные поля, и потому в этих случаях продавцами, вернее всего, были состоятельные и богатые семьи дамкаров, или сановников. В качестве рабочей гипотезы можно принять, что 18 случаев продажи земли семейными коллективами распределяются поровну между трудовыми и нетрудовыми семейными коллективами. Трудовые, или крестьянские семейные общины, продававшие свои поля, принадлежали, конечно, к сельским общинам. В связи с этим необходимо особо рассмотреть несколько документов, в которых дело идет о продаже полей и домов в сельских общинах. Тогда мы получим еще весьма важный дополнительный материал для выяснения вопроса о степени роста частного землевладения за счет разложения общинного крестьянского землевладения.

В документах о продаже недвижимости в числе владений, граничащих с продаваемыми владениями, чаще всего называются владения отдельных лиц, реже — братьев. Но и в том и в другом случае это, конечно, частные владения. Лишь в немногих документах имеются указания на то, что продаваемое владение находится в общине. Относительно полей мы имеем четыре таких указания. В первую очередь остановимся на документе из сборника Шорра № 95 (Daiches № 5). Продано двумя братьями поле площадью в 5 ган = 1,75 га; поле расположено в ugar Тепипат, т. е. в общине Тенунам¹³³; с одной стороны поле примыкает к водопою общины Тенунам, с другой стороны — к дороге в Аштабаза и с двух остальных сторон — к частным владениям, из которых одно принадлежит дворцовому служащему, (mag ekallim). В конце акта о продаже имеется оговорка, что за могущие быть претензии со стороны братьев и сестер продавцов ответственность несут продавцы. Эта оговорка свидетельствует, что проданный участок был частью семейного владения, быть может, еще не поделенного. Участок был расположен на краю общинной территории, так как с двух сторон он граничил с частными владениями, отчужденными, вероятно, также у прежних членов общины Тенунам. Имело ли в данном случае место продажи надела, находившегося в наследственном пользовании семьи продавцов, или семья продавцов уже вышла из общины с выделом прежнего надела во владение, сказать очень трудно. Но совершенно ясно, что в данном случае перед нами выступает один из фактов, свидетельствующих об известном разложении общины. Другие два документа носят иной характер. В одном (Рифтин, № 22-а), по своей схеме сходном с предшествующим документом, дело идет о продаже более крупного участка площадью в 15 ган (ику), т. е. в 5,15 га. Расположение участка почти такое же, как и участка в общине Тенунам: он расположен в ugar Schuplanum, т. е. в общине Шупланум, двумя сторонами примыкает к полям двух братьев, одной стороной - -

к заливному луку Евфрата и одной—к проезжей дороге. Покупает поле жрица Мардука. Отсюда ясно, что проданный участок был частью разделенного семейного владения, общая площадь которого, если считать, что братья поделились поровну, равнялась примерно 15,5 га. Ясно также, что владение такого размера вряд ли могло принадлежать семье простого общинника, и что владельцы его, по всей вероятности, принадлежали к числу «вождей» общины и получили в наследственное владение выдел, «поле вождя». Этот документ показателен как свидетельство о случае разложения общины изнутри. Третий документ говорит о продаже поля площадью в 15 бур 100 сар = 6,4 га¹³⁴; покупает жрица Шамаша. Поле находится в игар Нагум, т. е. в общине Нагум, граничит с полем покупательницы, с полем другой жрицы, полем некоего Ибку-Шала и с полем сыновей Ават-Шамаша, к числу которых принадлежат и два брата, продающие поле. Проданный участок был получен отцом продавцов в качестве ики на условии отбывания какой-то службы или каких-то повинностей, которые не выполнялись, так как за владельцем образовался долг. Тогда по поручению царя жрица Шамаша Ниши-инишу покупает участок и покупную цену вносит не продавцам, а во дворец, так что продавцы становятся ее должниками. Здесь интереснее всего то, что продавцами, совершающими сделку, являются два сына Ават-Шамаша и их сестра, также жрица Шамаша. Не следует думать, что в данном случае продавцам грозило разорение или кабала, так как в их владении остались, вероятно, еще наследственные поля. Этот документ интересен в двух отношениях. Во-первых, он свидетельствует о некотором разложении общины Нагум. Во-вторых, он еще раз показывает, что царь был верховным распорядителем и общинных земель, поскольку царским распоряжением проданный участок был ранее выделен из земель общины Нагум Ават-Шамашу, который, очевидно, имел какое-то отношение к дворцу, одновременно оставаясь членом общины. Четвертый документ дошел в дефектном виде и потому остается во многих отношениях неясным. Продано поле в 500 сар (1,75 га) в игар Gula; судя по термину, игар Gula было названием общины. Правда, о понимании сумерийского слова Gula идут споры; но, как мы увидим ниже, не может быть никаких сомнений в том, что в данном случае Gula обозначает общину. Никаких сведений о продавцах не сохранилось; покупатель назван только по имени¹³⁶. В заключение весьма интересно остановиться еще на одном документе, также свидетельствующем о некотором разложении общины и о верховном праве царя. Это — письмо Хаммураби Синидиннаму, в котором царь сообщает, что он утвердил выдачей документа за неким Энкихейта его «старое владение» (szibiszu labiru) размером в 1 бур (6,3 га) в игар Хара, т. е. в общине Хапа, составляющей

часть общины Дур-гур-гурри¹³⁷. Надо полагать, что Энки-хейта еще при Римсине получил выдел из общины в качестве «поля вождя», но, вероятно, после присоединения Сумера к Вавилонии общинные власти или общинники стали оспаривать право Энки-хейта. Царь Хаммураби, опираясь на давность владения, становится на сторону Энки-хейта против общины.

Случаев продажи домов в общинах мы могли отметить только два. В обоих случаях дело идет о продаже участков E—KIS—LAX, т. е. участков с хозяйственными постройками. Один случай не требует никаких разъяснений, так как продавцом является *alu*, т. е. община в лице ее старейшин; продается одному лицу участок площадью в 3 сара = 105 кв м. Другой случай нуждается в пояснениях. Участок E—KIS—LAX в *ugarī Buscha* (в общине Буша) покупается у владельца, одного лица, жрицей Шамаша; площадь участка — 6 сар (210 кв м), он находится на берегу канала и при дороге к городу Ишкун-Иштар, рядом с владениями жрицы¹³⁸. Покупательница, очевидно, округляла свои владения; продавец был, повидимому, членом разделившейся семейной общины. Весьма характерно, что о продаже в общинах участков, застроенных жилыми домами, никаких документальных данных не имеется; повидимому, вообще продажа застроенных участков в общинах была весьма редким явлением. Таким образом, эта категория актов о продаже не дает никаких серьезных показаний о разложении общинного владения в пользу частного владения.

Подводя итоги нашему анализу состава покупателей и продавцов недвижимости, мы, прежде всего, должны отметить, что перед нами вырисовываются две основных категории сделок о купле-продаже недвижимости. Одна категория заключается в себе сделки, в которых контрагентами являются физические или юридические лица, принадлежащие к разным классам, т. е. когда одной стороной являются представители трудового крестьянства и ремесленничества, а другой стороной — представители жречества, дамкаров, сановников и других нетрудовых элементов вавилонского общества. В этих случаях продавцами полей являются крестьянские семьи и отдельные крестьяне, продавцами домов в городах — мелкие ремесленники, а покупателями — представители владеющих группировок. К другой категории относятся сделки, в которых обе стороны принадлежат к господствующему классу; в этих случаях иногда продавцы и покупатели принадлежат к разным группам, иногда — к одной и той же группе. Таким образом, мобилизация недвижимости идет по двум линиям: по линии скупки состоятельными покупателями владений маломощного крестьянства и мелкого ремесленничества и по линии обмена новой землевладельческой и домовладельческой группы, со-

стоящей главным образом из жрецов, дамкаров и сановников. Первая линия ясна и не требует особых замечаний. По отношению к ней следует только отметить некоторую «специализацию» скупщиков владений трудового населения. Так, братья-ростовщики из Эреха, Силли-Иштар и Авиль-Илим, как мы видели, скупали в Эрехе и в других городах мелкие участки, застроенные жильными домами. Из скупленных ими 23 участков только два имеют площадь по 3 сар (105 кв м), четыре имеют площадь по 2 сар (70 кв м), а все остальные — мелкие, из них шесть размерами всего от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ сара, т. е. от 12 до 17,5 кв м. Другими словами, эрехские скупщики скупали хижины бедняков или ремесленные ларьки. С другой стороны, жрицы скупали и обменивали преимущественно поля, как например, жрица Ламази дочь Шерума¹³⁹. По другой линии обмен недвижимости между представителями владеющей группы руководится коммерческими или хозяйственными расчетами, о которых мы будем говорить ниже, при рассмотрении вопроса о способах эксплуатации частными владельцами их полей, садов и домов.

Сопоставляя эти выводы с количественными показателями актов купли-продажи, мы видим, что при общем низком числе сделок на землю за 300 лет сделки на продажу полей крестьянами составляли незначительную долю этого низкого числа — бесспорных сделок такого рода было всего 7 из 39 сделок на поля, т. е. около 18%, и всего около 8% общего числа сделок на землю вообще. Отсюда совершенно ясно, что мобилизация земельных владений происходила почти исключительно в среде владеющих группировок, и что вынужденная продажа крестьянами своих земель была весьма редким явлением.

2. ХАРАКТЕР ПРАВА ЧАСТНОГО ВЛАДЕНИЯ И ЕГО ИСТОЧНИКИ

Следующие вопросы, подлежащие нашему рассмотрению, — это вопросы о характере права частного владения недвижимым имуществом и об источниках этого права. Эти два вопроса тесно переплетаются один с другим, так что резко разграничить их невозможно. Характер права частного владения может быть различным не только в зависимости от формальных признаков, но также и в зависимости от источников этого права. Говоря о частном владении недвижимостью, мы разумеем всякое владение, не являющееся владением сельской или родовой общины, или дворца. Но такие владения могли быть либо во владении семьи, либо во владении одного лица. Семейное владение может быть с известными оговорками подведено под рубрику частных владений, поскольку семейная община не являлась коллективом государственно-правового или публично-правового характера, и поскольку в семье патриархаль-

ного типа, господствовавшего в Двуречье, единоличным господином и распорядителем семейного имущества при жизни был отец или старший брат. Однако все же существовал известный перевес в сторону прав семейного коллектива. Этот перевес сказывался в том, что продажа семейного владения оформлялась или от имени всех членов семьи, или от имени ее представителей; в последнем случае представители семьи, как мы видели выше, должны были брать на себя ответственность за возможные претензии со стороны остальных членов семьи. Характер семейного владения всегда остается постоянным, вариантов его не существует. Но характер частного личного владения варьируется главным образом со стороны его формального обоснования и, следовательно, со стороны его бесспорности или прочности. В основном последние качества личного владения зависят от источников права личного или индивидуального частного владения.

Источником права семейного владения является традиция обычного общинного права; но индивидуальное частное владение является новым институтом, не имеющим в качестве своей основы традиционных норм и обычаев, и может базироваться на разных основаниях. Мы уже видели, что одним из таких оснований является давность владения: «старое владение» (*szibtu labigu*) дифференцируется от недавнего владения, и потому царь старое владение утверждает. Но первичным источником «старого владения» должен быть какой-то акт не формального, а фактического или бытового характера, иначе не может быть нужды в царском утверждении. Таким актом, несомненно, чаще всего являлся захват в личное владение общинного надела или выделенного участка общинной земли («поле вождя»), ибо не только надел, но и выдел формально давался, конечно, на право пользования. Индивидуальное частное владение на основе подобного захвата было непрочным, так как вопрос о бесспорности владения мог быть поднят и общиной, и царским наместником, и самим царем; правда, на практике такие дела нередко разрешались в пользу захватчика, особенно если он принадлежал к числу царских служащих. Два других источника индивидуального частного владения давали более прочное и бесспорное обоснование праву владельца. Один из этих источников — это покупка недвижимости. Но акт купли-продажи сам должен базироваться на бесспорном праве продавца; таким образом, этот источник является не основным, а вторичным. Бесспорное право личного владения могло происходить и протекать только из бесспорных традиционных обычаев семейного быта. По традиции семейная община была такой же наследственной коллективной единицей, как и родовая или сельская общины. Однако, как мы видели, уже в эпоху III династии Ура в этой традиции была пробита первая брешь — сын получил право выйти по своему желанию из се-

мейной общины и получить при выходе свою долю наследственного имущества. В эпоху первой вавилонской династии семейная община дает новую, еще более серьезную трещину. Появляется и оформляется кодексом Хаммураби практика разделов имущества «отцовского дома», т. е. имущества семейной общины, на наследственные доли, обычно после смерти отца, главы общины. Каждый член разделившейся семьи становится при таком разделе индивидуальным владельцем полученной доли при условии, если он еще не обзавелся своей семьей. Такое владение является формально бесспорным, если оно закреплено в официальном договоре. Однако все же и при таких условиях не создается права единоличного владения в чистом виде, ибо, как уже замечено выше, обзаведясь семьей, наследник становится главой новой семейной общины, и тогда вступают в силу обычные нормы общего семейного владения. Таким образом, и при разделах традиция семейной общины держится цепко, задерживает и ограничивает развитие и укрепление нового права личного владения. Документы о разделах наследственного семейного имущества в этом отношении имеют огромную важность и дают нам возможность окончательно выяснить все специфические противоречивые черты древневавилонского права частного землевладения и домовладения.

Чтобы правильно разобраться в материале документов о разделах, необходимо сначала остановиться на нормах семейного и наследственного права, установленных кодексом Хаммураби. Тут прежде всего надо отметить, что постановления кодекса Хаммураби в этой области не являются простым повторением норм сумерского кодекса или закреплением норм обычного права. Напротив, составители кодекса Хаммураби немало поработали над прежними традиционными и законодательными материалами и при этом в одних случаях видоизменяли прежние нормы, в других давали им дальнейшее развитие в связи с ростом частновладельческих и частнохозяйственных отношений и интересов, на защиту которых постоянно становится кодекс. Однако видоизменения и нововведения, внесенные кодексом Хаммураби в прежние нормы семейного и наследственного права, не носят принципиального характера, стремятся лишь облегчить развитие частновладельческих отношений, не разрушая основ семейной общины. Кодекс не знает частного единоличного владения как такового; он знает только *takkur biti abu*, т. е. имущество, достояние отцовского дома¹⁴⁰. Таким образом, исходная точка кодекса заключается в признании существования и прав семейной общины; право владения отдельных лиц по кодексу существует рядом, но мыслится как подчиненное, обусловленное, ограниченное явление. Кодекс стремится, по возможности, легализовать это право и облегчить ему путь для дальнейшего развития. По этой линии прежде всего необходимо отметить известное

умаление неограниченного права отца в отношении признания или отвержения сыновей как членов семейной общины. Мы видели, что шумерийский кодекс закрепил это традиционное право, признав, что отец в любой момент может отвергнуть сына и выгнать его из дома без всякого выдела; отцовский приговор считается окончательным и никакому обжалованию не подлежит. Теперь статьи 168 и 169 кодекса Хаммураби устанавливают новый порядок, уничтожающий дискреционное право отца исключать из семейной общины сыновей. Если кто-либо вознамерится «изгнать», т. е. отвергнуть¹⁴¹ своего сына, то он должен обратиться с заявлением об этом в суд и изложить мотивы, побудившие его принять такое решение. Если суд при рассмотрении дела признает, что за сыном нет такой большой вины, которая оправдывала бы лишение обвиняемого «сыновства» (*arlutum*), то отец не может лишиться его права «сыновства». Если же такая вина есть, то на первом раз судьи «поддержат лицо его (обвиняемого)», т. е. выступят за сына перед отцом, очевидно, сделав сыну соответствующее предупреждение; но при повторении проступка отец лишает сына «сыновства», повидимому, уже без передачи дела в суд. Возникает вопрос, как понимать в этом случае выражение «лишение сыновства», в прежнем ли смысле полного отвержения, т. е. изгнания сына нищим из дома, или в более ограниченном смысле — лишения прав законного сына. Дело в том, что кодекс Хаммураби различает полноправных сыновей от полноправной жены (*xirtum*), и неполноправных, или бесправных сыновей от рабыни (*amtum*); эти последние получали *arlutum* только в том случае, если отец признавал их декларацией «мои сыновья» (ст. 170). Но сыновья от *amtum* и без признания жили в доме отца, были свободными и пользовались общим имуществом наравне с прочими. Поэтому комментаторы совершенно правильно полагают, что по общему смыслу постановлений кодекса Хаммураби в случае лишения полноправного сына *arlutum*, т. е. прав «сыновства», лишенный прав все же оставался в домашней общине, но становился на положение непризнанного сына рабыни. Это в первую очередь означало, что он лишался права на наследование имущества отцовского дома¹⁴². Таким образом, в данном случае кодекс Хаммураби развивает новую линию шумерского кодекса, который впервые стал на защиту прав сыновей, признав за ними право выхода из семейной общины с выделом наследственной доли. Кодекс Хаммураби, аннулируя традиционное дискреционное право отца на отвержение сыновей, еще сохраненное в шумерском кодексе, отвержение, влекущее за собой изгнание отверженных нищими из домашней общины, наносит еще удар старому патриархальному праву.

Однако все же и этот удар не является принципиальным,

ибо принципиального признания индивидуального права по отношению к владению всякого рода имуществом в кодексе Хаммураби мы не находим. Подобного рода принципиальные постановления, в корне разрушавшие патриархальную семейную общину, имели место в древности. Таким решительным актом были известные постановления римских законов XII таблиц о правах наследования и о завещаниях. Римская *familia*, подобно вавилонской домашней общине, была первоначально семейной общиной, которой принадлежало все имущество; при своей жизни глава общины, *pater familias* («отец семьи»), имел право бесконтрольного распоряжения семейным имуществом, но распорядиться им на случай смерти он не имел права. Согласно обычаю, наследниками были все те лица, которые перед смертью отца находились в его власти, *personae sui iuris*, т. е. сыновья и дочери, внуки и внучки. Они назывались *heredes sui* или *heredes necessarii* — «его наследники», или «необходимые, обязательные наследники», к которым наследство переходило автоматически в определенных традиционных долях. В том случае, когда *heredes sui* отсутствовали, также автоматически наследовали *agnati proximi*, т. е. ближайшие родственники по мужской линии (отца); в случае отсутствия таких агнатов наследство переходило к *gentiles*, «родичам», т. е. к членам того рода, к которому принадлежал отец¹⁴³. Этот традиционный порядок автоматического вступления в наследство трех нисходящих категорий наследников подтверждают и законы XII таблиц, но с одной чрезвычайно важной оговоркой: *si intestato moritur* — если отец умер, не оставив завещания¹⁴⁴. Оговорка понадобилась потому, что законы XII таблиц ввели принципиально новую норму — право *pater familias* завещать семейное имущество по своему усмотрению: «как кто завещает об имуществе и опеке над своими вещами, так и да будет правом (*ius esto*)», т. е. непременно¹⁴⁵. Тем самым *pater familias* из распорядителя семейного имущества превратился в его собственника, и тем самым семейная община была принципиально разрушена. Если мы учтем, что в середине V в. до н. э., как видно из законов XII таблиц, родовые связи еще не распались окончательно, то мы должны признать, что, устанавливая свободу завещания и тем самым право личной собственности, составители законов XII таблиц перешли в открытое наступление против остатков традиционного родового и семейного права и совершили своего рода революционный акт¹⁴⁶. Сторонники взгляда о господстве в эпоху Хаммураби частного права владения, стоявшего «на грани частной собственности», искусственно романизируют правовые отношения в эпоху древневавилонского царства, но весьма погрешают перед исторической действительностью. И постановления кодекса Хаммураби, и бытовые факты по-

казывают, что никакого принципиального наступления на обычное семейное право собственности не было, и что в кодексе Хаммураби проявляются только некоторые тенденции, покровительствовавшие первым росткам права личного частного владения.

В области наследственного права кодекс Хаммураби стоит в основном на позициях сумерского кодекса, повторяя буквально в статье 167 статью 2а, 13 сумерского кодекса¹⁴⁷. Эта последняя статья устанавливала равное право наследования «имущества отцовского дома» для сыновей и от первого и от второго брака; если отец после смерти жены женился вторично, все сыновья получают равные доли. Кодекс Хаммураби не вводит права завещания; наследство разделяется между законными наследниками сообразно постановлениям кодекса, определяющим законные доли сыновей, дочерей и вдовы. Отец получает только одно новое право: при жизни он может выделить сыну «первому в его глазах», т. е. не обязательно старшему, а любому, которого он считает наиболее достойным, в качестве подарка формальным актом поле, сад или дом; этот выдел после смерти отца не идет в общий раздел, но остается во владении избранного сына сверх равной доли остального наследственного имущества (ст 165). Известную параллель к этому постановлению мы находим не в Риме, а в Греции, в Афинах, где в досолоновскую эпоху, т. е. еще до установления права отца на свободный выбор наследников, отец имел право выделить старшему сыну лучшую и большую долю семейного имущества, называвшуюся *presbeia*¹⁴⁸. Самая главная особенность постановлений кодекса Хаммураби в области наследственного права заключается в тщательной разработке норм раздела «имущества отцовского дома». К общей статье о праве всех сыновей от законных жен на равные доли, взятой без изменений из сумерского кодекса, кодекс Хаммураби добавляет ряд статей, определяющих наследственные права законной или главной жены (*xirtum*) и её взаимоотношения с сыновьями, в частности ее право либо жить в отцовском доме, либо отделиться, и ее право на наследственную долю в случае ее вторичного замужества, а также ряд статей о наследственном праве дочерей, в особенности в тех случаях, когда дочери становятся жрицами¹⁴⁹. Особое внимание, уделяемое кодексом Хаммураби вопросу об урегулировании разделов «имущества отцовского дома», находит для себя объяснение в широко распространенной практике таких разделов. До нас дошло много актов о подобных разделах и ряд судебных постановлений по тяжбам, возникавшим между наследниками при разделах. Как мы увидим ниже, практика разделов была в свою очередь связана с ростом частного хозяйства и частного землевладения, ибо она имела место, главным образом, в городе, а не

в деревне, и нередко вела не просто к разветвлению данного «отцовского дома» на несколько новых, более мелких «отцовских домов», но к выбрасыванию из разделявшихся семейных общин части их членов и к опытам создания хозяйств чисто частновладельческого типа. Кодекс Хаммураби не только учитывает, но и облегчает этот процесс, стремясь подвести под него взамен разнообразных обычаев точно сформулированную и детализированную юридическую базу. Мы говорим о *стремлении* кодекса Хаммураби в этом направлении потому, что издание кодекса все же не устранило местных вариантов в области наследственного права, продолжавших в некоторых областях жить и действовать на практике.

Переходя теперь к анализу актов о разделах «имущества отцовского дома», мы должны прежде всего уяснить, из каких материальных ценностей обычно состояло разделяемое семейное имущество. В 29 документах, которые были в нашем распоряжении, фигурируют следующие основные части «имущества отцовского дома»: недвижимость, т. е. поля и застроенные участки разных категорий, но чаще всего E—DU—A (почти во всех документах); сады (7 документов), рабы (13 документов) и скот (6 документов), мебель (5 документов) и двери для дома (4 документа), хозяйственная утварь — повозки (3 докум.), жернова или зернотерки (2 докум.), сосуды для зерна и масла (2 докум.), зерно (2 докум.), серебро (4 докум.) и серебряные кольца (1 докум.), храмовые и царские должности (6 докум.), долговые претензии к заемщикам (1 докум.). Отсюда мы видим, что основная часть «имущества отцовского дома», которая всегда шла в раздел, состояла из недвижимости; на втором месте стоят рабы. Что касается движимости, то она шла в раздел только при полном разделе, по формуле «поделились от соломы до золота»¹⁵⁰; при неполных разделах движимость иногда оставалась в общем владении. Кроме того, имели место эквивалентные разделы, когда отдельные составные части наследственного имущества делились не чисто арифметически, а сообразно их равной (эквивалентной) стоимости, или когда взамен определённого объекта тот или другой участник получал возмещение добавкой в натуре или серебром. Наконец, весьма характерно, что в некоторых случаях сыновья-наследники отступают от установленного законом принципа равных долей и делятся не поровну. Рассмотрим все эти варианты на конкретных примерах.

При одном из полных разделов в натуре доля одного из братьев состоит из 136 кв и участка E — DU — A, 7 рабов, 7 дверей, 2 зеркал из драгоценных камней, 1 зернотерки для тонкой муки, 2 сосудов для масла, 1 каменного предмета неизвестного назначения. Под «дверьми» здесь, вероятно, надо разуметь занавески или покрывала в роде драпри, ко-

торыми и сейчас еще на Востоке завешивается проход из одной комнаты в другую. Это — раздел в состоятельной семье. При другом полном разделе наследственная доля сестры-жрицы, по закону равняющаяся одной трети сыновней доли, заключается в 12 кв м Е — DU — А, 1 рабыне, 1 кровати, одним стуле; значит, сыновняя доля должна была состоять из 36 кв м домового участка, 3 рабов, 3 кроватей, 3 стульев¹⁵¹. Это — раздел, приводивший к очень мелкому дроблению «отцовского дома» средней руки; как мы видели выше, были случаи еще более мелкого дробления домовых участков. К разряду полных разделов надо относить также эквивалентные разделы. Наиболее простой пример эквивалентного раздела такой. Делятся брат и сестра поровну, согласно закону, по которому дочь до замужества или до принятия должности жрицы получала равную долю с братьями, но не во владение, а в пользование. Делятся поровну следующие объекты: домовый участок (Е—DU—А) по 13 кв м на каждого, сад — по 140 кв м; но далее из 5 рабов и поля брат берет себе 2 рабов и все поля (0,26 га), а сестре взамен ее доли в поле дает лишнего третьего раба¹⁵². Другой, более сложный эквивалентный раздел таков: делятся три брата, два берут себе домовый участок и главную часть домашней утвари, а третий брат получает двух рабов, быка, зернотерку и, в качестве эквивалента за часть дома, повозку и прочее имущество, 5 секелей серебра — эквивалент вряд ли достаточный¹⁵³.

При неполных разделах по одному акту в общем владении остается домашняя утварь и служба отца, по другому акту домовый участок и две жреческих должности отца делятся, но домашняя утварь, повидимому, не делится¹⁵⁴. Кроме того, Шорр ссылается на несколько документов, по которым в общем владении остаются водоемы и колодцы¹⁵⁵. Во всех этих случаях хотя дом и делится, но хозяйство, повидимому, продолжает вестись сообща; братья только строго разграничивают свою жилую площадь и получают право на ее отчуждение. Такие неполные разделы, за исключением тех случаев, когда в общем владении остаются водоемы и колодцы, были, повидимому, sporадическими.

Особое внимание мы должны обратить на неравные разделы. К этой категории относятся, прежде всего, такие разделы, при которых одному из братьев выделяется в качестве его *szibtu* — бесспорного личного владения — часть имущества, подаренного ему отцом при жизни, согласно ст. 165 кодекса Хаммураби. Документ, свидетельствующий о таком разделе, имеется только один, из Сиппара: два брата при разделе обязуются не пред'являть к старшему брату никаких претензий в связи с выделом ему отцом 15 кв м Е—DU—А, быка и коровы¹⁵⁶. Но зато имеется несколько актов о нерав-

ных разделах, по которым старший брат получил большую долю, чем младшие, в нарушение постановлений кодекса Хаммураби. Подобная практика в некоторых из этих случаях опиралась, очевидно, на местное право, быть может, обычное, но вернее всего закрепленное в каких-либо не дошедших до нас сумерских постановлениях, так как все документы этого рода, имеющиеся в нашем распоряжении, происходят из Ниппура и Ларсы, крупнейших сумерских центров. По всем этим документам старшему брату выделяется лишняя доля, полагающаяся ему «за старшинство» (*szibta munam scheschgalaschi*). Это особенно четко выражено в двух документах из Ниппура. Один документ начинается такой формулой: «11 *гив* (6,6 *кв м*) E—DU—A», «одно блюдо в преимущественную долю (Апиль-Амуррим), согласно его положению старшего брата»; остальная часть E—DU—A делится затем между всеми четырьмя братьями на равные доли, по 13 *кв м* на каждого, так что вся площадь E—DU—A равнялась 58,6 *кв м*. Другой документ является соглашением между братьями о порядке раздела после смерти отца в силу распоряжения последнего о передаче нескольких земельных участков жене и двум младшим сыновьям в качестве ее наследников. Порядок раздела устанавливается такой: «когда Нинурта-Мубаллит, старший брат, возьмет свою преимущественную долю, разделят они остальное (за исключением *piduppi* матери) на равные доли»¹⁵⁷. В документе из Ларсы отсутствует выражение «преимущественная доля», но зато в первую очередь закрепляется «доля старшего брата». Из этого документа также видно, что по сумерскому обычаю сестры не пользовались равными долями с братьями. Делятся три брата и сестра; из 122,5 *кв м* E—DU—A старший получает 44 *кв м*, два младших брата по 30,5 *кв м* и сестра — 17,5 *кв м*. Жреческие должности отца также делятся не поровну. Сестра, конечно, в них даже не участвует; должность жреца *pamschitu*, очевидно, более доходная, делится таким образом, что старший брат отправляет ее 6 месяцев в году, а младшие — по 3 месяца; должность жреца-заклинателя делится поровну. Последний документ этого рода, из Ниппура, свидетельствует, что бывали случаи, когда старший брат получал не большую, а львиную долю наследства. Делятся два брата; часть имущества неизвестных размеров, состоящая в домовых участках, полях и садах, делится поровну; другая часть делится таким образом, что старший брат получает гораздо больше младшего. Старший брат получает должность жреца Энлиля и 12,6 *га* поля «кормления» за эту должность, 1 *га* другого поля (наследственного?) в точных границах, а всего 13,6 *га* поля, 35 *кв м* участка E—DU—A и блюдо (вероятно, серебряное) «за старшинство». Младший брат получает 3,15 *га* поля, 70 *кв м* E—DU—A, 82 *кв м* участка E—KIS—LAX (с амба-

ром), половину мебели и 6 секелей серебра эквивалента за 35 кв м E—DU—A и 1 га другого поля. Отсюда видно, что сверх эквивалента старший брат получает жреческую должность и 12,6 га поля, ибо совершенно ясно, что 70 кв м E—DU—A и амбар эквивалентом за жреческую должность в таком богатейшем храме, как Экур, и за 12,6 га жреческого поля служить не могут¹⁵⁸. Из Вавилонии имеется только один документ о неравном разделе, несоответствующем постановлению кодекса Хаммураби. Документ происходит из Сиппара и говорит о полном разделе «имущества отцовского дома» между двумя братьями, в то время как остальные братья отсутствуют. Раздел происходит таким образом, что один брат, очевидно, старший, выделяет другому его долю, состоящую из 136 кв м E—DU—A, 7 рабов и 13 предметов домашнего обихода, в том числе два драгоценных зеркала, а остальное имущество, состав и размеры которого не обозначены, но, очевидно, были значительно больше доли младшего брата, берет себе; оба обещают поделиться с остальными братьями, если последние явятся¹⁵⁹. Несмотря на последнюю оговорку, раздел производится чисто хищническим образом. Иногда после первоначального раздела производился новый раздел, улучшавший условия одной из сторон, т. е. также отступавший от принципа равенства. Иногда подобные вторичные разделы оспаривались в суде; один из актов судебного разбирательства такого дела будет ниже предметом нашего рассмотрения.

Неравные разделы, отступавшие от норм кодекса Хаммураби, и в Вавилонии не ограничивались одним случаем, описанным выше. Об этом свидетельствует ряд судебных актов по жалобам сторон, обиженных при разделах. Такие тяжбы почти всегда носят одинаковый характер. Только в одном случае три сестры формально оспаривают наследственные права двух братьев, повидимому, на том основании, что ответчики были не брачными, а приемными сыновьями отца истиц. Спор идет о «полях, домах, рабах и финиковом саде» по соседству с территорией храма Шамаша в Сиппаре; отец истиц, повидимому, принадлежал к богатому и многочисленному роду¹⁶⁰. Во всех прочих случаях истицы жалуются на неправильности, допущенные при разделах; и тут обнаруживаются весьма важные подробности, свидетельствующие о хищнических тенденциях у некоторых участников разделов. Особенно интересны тяжбы братьев с сестрами, свидетельствующие о том, что братья нередко стремились ущемить законные права сестер и ограбить их в свою пользу. Три дела возбуждены сестрами. В первом деле жалвется сестра, у которой брат при разделе отхватил лишних 100 сар (0,35 га) поля, выделив ей только 260 сар вместо законных 360 сар (в поле, захваченном братом, 460 сар), 5 лишних сар сада и три лишних доли в трех домах (17,5 кв м в одном доме и две доли по 3 кв м в двух других

домах). Этот неправильный дележ был зарегистрирован в акте о разделе. Суд не только удовлетворил иск, но еще выделил истице быка и выдал ей исправленный документ о разделе. Другое аналогичное дело, возбужденное тремя сестрами, было ими проиграно. Сестры требовали от брата возвращения излишка в размере 24 кв м дома и шестимесячного дохода с жреческой должности; однако суд не только отказал в иске, но присудил ответчику еще 6 кв м дома и еще двухмесячный доход с жреческой должности. Надо отметить, что по этому делу ответчик обратился в суд царя; весьма возможно, что ответчик был весьма влиятельным лицом в храме Шамаша (в Сиппаре), и что это сыграло известную роль при решении дела. В третьем деле, возбужденном сестрой, три брата, по-видимому, совсем обошли сестру. Истица, жрица Шамаша, обратилась в суд «во дворе Шамаша», т. е. в храме Шамаша в Сиппаре, ana mīnu bit abischuni — «по вопросу об имуществе отцовского дома». Судьи выяснили, какое имущество имеется в наличии, и присудили выделить сестре 10 рабов, 3 быков, 2 зернотерки и еще какой-то предмет и, кроме того, выдать ей 4 мины серебра, подаренных истице отцом¹⁶¹. В этих трех делах сестры защищают свои законные права против посягательств со стороны братьев; в трех других делах братья выступают истцами против сестер, оспаривая их наследственные доли. В этих делах братья действуют грабительно; это видно не только из того, что суд отказывает им в их исках, но также из других подробностей. Так, в одном деле суд утверждает за сестрой против жалобы пяти братьев ее наследственные доли в поле, в участке E—DU—A, в рабах и другом имуществе, по-видимому, на основании представленного сестрой акта о разделе, и разбивает другой документ, «говорящий иное», очевидно, представленный и, вероятно, подделанный братьями. В другом деле четыре брата из богатой семьи оспаривают наследственную долю сестры, требуя от сестры возвращения не только 1 бургана (6,3 га) поля и 35 кв м дома из отцовского имущества, но также рабов и рабынь, купленных сестрой и родившихся в ее доме. Этот явно неправильный и хищнический иск был также отклонен судом и был подтвержен акт раздела, представленный сестрой¹⁶². В третьем деле три брата оспаривают у сестры 1/3 бургана (2,1 га) поля и наложили при этом арест на собранное с поля зерно. И этот иск был отклонен судом; к сожалению, никаких подробностей о деле в документе не сообщается¹⁶³.

Из анализа этих семи актов по тяжбам в связи с разделами, происходящих из богатого города Сиппара с его храмом Шамаша, одним из центров ростовщического капитала, видно, что внутри богатых городских семейных общин на почве роста собственнических хищнических тенденций шла ожесточенная внутренняя грызня. Из семи семейств, члены которых высту-

пают сторонами в этих тяжбах, три семьи богатые, две жреческие и, следовательно, тоже богатые, одна как-будто среднего достатка, и только относительно одной семьи трудно установить степень ее состоятельности за отсутствием конкретных данных. Во всех этих семи делах мы сталкиваемся с противоположностью интересов братьев и сестер: братья стремятся захватническим или обманным образом обделить сестер вопреки постановлениям кодекса Хаммураби. Таким образом, обнаруживается определенный поход против прав матери и сестры, какими последние пользовались еще бесспорно в III тысячелетии; теперь против этих прав начинается открытая борьба. Но и между мужскими представителями семейных общин отношения также отнюдь не всегда были мирными. Об этом свидетельствуют тяжбы, возникавшие в связи с раздѣлами между братьями, причем и тут проявляются те же хищнические тенденции. В этом отношении весьма интересен один акт судебного разбирательства, который уже не раз был предметом обработки и разбора со стороны ассириологов¹⁶⁴.

Дело заключалось в следующем. Два брата, но от разных отцов, один, очевидно, приемный сын отца старшего брата, из общины Бит-Адуркитти в области Ниппура, разделились, но затем произвели новый раздел, согласно которому старший брат Шумум-Либши выделил младшему, Апиль-Илишу, еще два поля сверх выделенных ранее, одно площадью в 6,7 га (1 бур 10 сар), другое — в 0,6 га (175 сар)¹⁶⁵. Семья братьев, очевидно, судя по величине дополнительного выдела младшему брату, была богатая; при этом надо еще учитывать, что старший брат сообразно с местным правом при первом дележе должен был получить «за старшинство» большую долю, из которой затем и выдал дополнительную часть младшему брату, конечно, без ущерба для себя. Младший брат большое поле из нового выдела продал, а маленькое выменял, очевидно, на более выгодный участок. Тогда Шумум-Либши спохватился и, повидимому, пожалел о своей щедрости. Он возбудил дело против покупателей большого поля, жреца Ниниб-Мушаллима и некоего Сагнинбизу, обвиняя их в покупке непринадлежащих продавцу полей, и в доказательство предъявил акт первого раздела. По правилу этот акт подлежал уничтожению после составления акта нового раздела, но Шумум-Либши первый акт сохранил и теперь хотел им воспользоваться. На суде ответчик Ниниб-Мушаллим предъявил акт второго раздела и представил свидетелей, подтвердивших, что второй раздел имел место; в числе свидетелей был и второй покупатель Сагнинбизу. Судьи предложили свидетелям подтвердить свое показание клятвой перед богом Удбануилом (Сином), но Шумум-Либши, видя, что дело проиграно, и не желая нести лишних расходов, связанных с приводом свиде-

телей к клятве и возлагавшихся на истца,¹⁶⁶ заявил, что не требует клятвы, и порешил дело миром: по соглашению с ним Ниниб-Мушаллим дал ему 1½ секеля отступного.

В этом деле все характерно. Семья, из которой происходил Шумум-Либши, либо происходила из общины Бит-Адуркитти, получила выдел и приумножила его скупкой мелких соседских участков, либо вторглась в эту общину прямо как скупщик мелких полей. Ниниб-Мушаллим уже, несомненно, был чужим общине человеком, вероятно, также и Сагнинбизу, который, повидному, был подчиненным лицом Ниниб-Мушаллима, так как принимал в деле пассивное участие и не понес никаких расходов. Что касается братьев, участников раздела, то каждый из них стремится выжать для себя из акта раздела возможно большую выгоду. Когда младший брат совершает выгодную сделку с полученными дополнительно участками земли, старший брат горит завистью и затевает кляузное дело, рассчитывая обманым путем опорочить акт второго раздела. С этим делом любопытно сопоставить другое дело, связанное с разделом лишь косвенным образом, но не менее красочно рисующее «родственные» отношения между разделившимися родственниками. Документ, говорящий об этом деле, происходит также из Ниппура; дело возникло в жреческой семье. У одного ниппурского жреца было два сына, Адад-Раби и Удуду, к которым должны были перейти по наследству жреческая должность отца и «поле кормления» за исполнение этой должности. При разделе должность жреца и «поле кормления» достались целиком Удуду, который за это уступил Адад-Раби из своей наследственной доли в качестве эквивалента 900 сар (3,15 га) поля стоимостью в 10 секелей. Однако каким-то образом после смерти Адад-Раби и Удуду это эквивалентное поле захватили сыновья Удуду. Тогда сыновья Адад-Раби возбудили иск о возврате захваченного поля перед самим царем Хаммураби, очевидно потому, что ответчиками были влиятельные жрецы Ниппура, унаследовавшие это звание от Удуду. По распоряжению царя дело разбиралось судом в Ниппуре. Очевидно, ни царь, ни суд не решились поставить влиятельных захватчиков на место и предложили мировую сделку: поле остается за сыновьями Удуду, но они должны дать истцам в качестве эквивалента 1 сар (35 кв м) E—DU—A, т. е. городской участок, вероятно, в самом Ниппуре с жилым домом. Однако истцы на это не согласились и стали торговаться; им удалось выторговать другой, более выгодный участок, смешанный E—DU—A E—KIS—LAX того же размера и еще дополнительно 4 гина (2,4 кв м) участка E—KIS—LAX¹⁶⁷. Очевидно, это были очень ценные участки, если учесть их ничтожные размеры в сравнении с величиной захваченного поля. Далее, из обстоятельств этого дела вытекает, что обе семейные группы, ответившиеся от первичной

семейной общины деда спорящих сторон, были богатыми: ответчики могли представить истцам на выбор несколько своих городских весьма ценных владений и владели, кроме того, большими полями, а истцы не очень нуждались в полях, но не прочь были стать собственниками в городе. Наконец, самым важным является то обстоятельство, что царский суд по существу санкционировал захват чужого поля, произведенный сыновьями Удуду, наперекор бесспорному праву владения их двоюродных братьев.

Во всех рассматриваемых нами судебных делах мы встречаемся со стремлением более влиятельных и более состоятельных членов разделяющихся семейных общин к укрупнению владений, полученных при разделе, посредством нарушения прав сестер братьями и прав младших братьев старшими и посредством прямых захватов. В связи с этим весьма важно отметить, что на другом полюсе, представленном сестрами и обделенными младшими братьями, наблюдается значительное измельчание наследственных долей. Это измельчание должно было бы носить общий характер, так как по закону братья и при известных условиях сестры должны были получать равные доли. Но даже и при соблюдении этого условия полного равенства не могло быть, поскольку равные по размерам доли далеко не всегда могли быть равноценными по качеству, а при эквивалентных разделах этот момент должен был сказываться и сказывался еще чувствительнее, приводя, как мы уже видели, попросту к неравным разделам¹⁶⁸. Сюда надо добавить, что, как указывалось выше, происходили и санкционировались властями заведомо неравные разделы в прямое нарушение постановлений кодекса Хаммураби. Измельчание долей особенно заметно при дележе застроенных участков E—DU—A: из 18 случаев в 15 случаях наследственные доли при разделе участков E—DU—A равняются только сару и ниже, в том числе по 1 сару (35 кв м) в 5 случаях, в 6 случаях до 15 кв м, в двух случаях по 13 кв м и в двух случаях по 3,2 кв м. При таких условиях личное «владение» долями прежнего общего владения, да еще притом заключающегося в доме, имело ценность только в том смысле, что брат или братья имели право продать свою долю другому, обычно старшему брату. Такие случаи засвидетельствованы документами. Четыре брата разделили поровну 52 кв м E—DU—A, т. е. по 13 кв м на человека; старший брат получил, кроме того, в качестве szibtu отцовский подарок, состоявший из 6,6 кв м E—DU—A, а затем купил у двух братьев их доли, т. е. 26 кв м¹⁶⁹. Таким образом, во владении старшего брата сосредоточилось 45,6 кв м E—DU—A, т. е. 80% всего участка; к сожалению, мы не знаем, какая судьба постигла долю четвертого брата. В другом случае один из поделившихся четы-

рех братьев продает свою долю E—DU—A, 12 кв м, старшему брату; здесь надо заметить, что раздел был, повидимому, эквивалентным, ибо при общей площади E—DU—A около 48 кв м и при участии в разделе матери равная доля равнялась бы всего 9,2 кв м. Конечно, старший брат не мог получить при разделе меньше брата-продавца; вероятнее всего, что матери взамен доли в E—DU—A был выделен какой-то эквивалент. При таком расчете выходит, что старший брат сосредоточил в своих руках уже половину участка E—DU—A. Третий случай продажи одним братом другому своей доли в E—DU—A в размере 12 кв м зарегистрирован в таблице Швенцнера ¹⁷⁰.

При разделах полей, входивших в состав «имущества стцовского дома», карликовые участки образовывались реже: нами зарегистрированы только два таких участка в 0,6 и 0,35 га. Соответственно с этим и случаи скупки таких участков старшими братьями были, вероятно, редкими, поскольку ни одного такого случая в рассмотренных нами документах не встретилось. Но это не значит, что случаев скупки наследственных долей в полях или их концентрации во владении одного наследника не бывало вообще. Мы уже видели, что при неравных и эквивалентных разделах старшим братьям иногда удавалось получать весьма значительные по сравнению с долями младших братьев полевые участки; кроме того, мы встретились со случаем незаконного захвата наследственного поля, а такие случаи вряд ли были единичными. К этому надо добавить, что имеется один документ, к сожалению, не датированный, о покупке братом у брата поля, весьма интересной по своему содержанию. Брат покупает у брата 16 ику (1 бур = 6,3 га) поля после *anduragum* — «свободы». Термин *anduragum* (*anduragum*) встречается в кодексе Хаммураби исключительно для обозначения освобождения от рабства: в статье 117 об освобождении должговых рабов после трехлетней кабалы, в ст. 171 об освобождении отцом своих детей от рабыни и в ст. 280 об освобождении при некоторых условиях купленного раба без выкупа. Кроме того, в одном юридическом документе не вавилонского происхождения этот термин употребляется в более общем смысле, по отношению к свободе от всяких повинностей и обязательств ¹⁷¹. В интересующем нас документе мы должны понимать термин *anduragum* в том специальном смысле, какой он имеет в кодексе Хаммураби ¹⁷². Судя по форме документа и по его палеографическим особенностям, документ относится к началу эпохи первой вавилонской династии, т. е. на 100 лет старше издания кодекса Хаммураби, который, как известно, установил трехлетний срок для долговой кабалы. На основании этого документа мы можем предполагать, что до издания кодекса Хаммураби царям первой вавилонской династии приходилось под давле-

нием снизу объявлять отпущение на волю, «свободу» — *andugagim* — долговых рабов. Очевидно, продавец, фигурирующий в разбираемом документе, был до *andugagim* также на положении долгового раба; но, получив свободу и свое поле, он, повидимому, не имел рабочего скота и инвентаря для обработки поля и поэтому был вынужден продать поле своему брату.

Такова весьма пестрая и богатая всякого рода конфликтами и правонарушениями картина процесса разложения домашней общины и образования на этой почве частных владений. Теперь мы должны остановиться еще на одном вопросе, связанном с этим процессом, именно на вопросе о новых источниках права частного владения землей, которые появляются в связи с бытовыми фактами и законодательными постановлениями в этой области. Этот вопрос в общих чертах уже был нами затронут выше; теперь, после изучения семейного и наследственного права, как оно сформулировано в кодексе Хаммураби, и после сопоставления его с фактами его практического применения в жизни, мы можем углубить и завершить рассмотрение этого вопроса и сделать некоторые весьма важные выводы.

! Право частного личного владения недвижимостью подразумевает, что лицо, обладающее таким правом, распоряжается принадлежащим ему недвижимым имуществом свободно и как ему угодно: может продать, подарить, заложить, завещать все или часть имущества. В рамках древневавилонской семейной общины такого права не существовало. Правда, отец имел право выделить своему сыну, «первому в его глазах», подарок при своей жизни, мог делать такие же подарки жене и дочерям, но право владения и в этих случаях, хотя бы только формально, все же оставалось за общиной, ибо всякий дар отца оговаривался и окончательно закреплялся за лицом, его получившим, либо актом семейного раздела, либо особым актом, дополнительным к разделу. Лицо, за которым таким образом закреплялся дар, становилось уже официально признанным его владельцем. Притом характерно, что владение, возникшее таким образом, называется *szibtu*, т. е. полным владением, таким же, как и владение, возникшее в результате покупки. Таким образом, мы устанавливаем один новый источник права частного владения недвижимостью — отцовский дар из семейного имущества, закрепленный после смерти дарителя формальным признанием этого дара со стороны остальных членов семейной общины. По существу в таких случаях оформлялся неравный раздел «имущества отцовского дома»; отсюда мы логически должны заключить, что в результате раздела устанавливалось *szibtu* — полное владение наследственными долями — также и для всех прочих участников раздела. Так оно и было в действительности, как это

видно из приведенных нами случаев продажи наследственной доли в земле или в доме одним из наследников другому. Наконец, надо отметить, что внутри семейной общины постоянно создавалась личная собственность ее отдельных членов на благоприобретенное посредством покупки имущество: на рабов, скот, вещи и недвижимость. В актах раздела такое имущество в дележ не идет и остается за его владельцем. Таким образом, в процессе разложения семейной общины образуются три источника права частного владения недвижимостью вида *szibtu*: дар отца, раздел между наследниками, приобретение имущества на личные средства любого члена общины. Кроме того, в результате нашего анализа документального материала мы можем выяснить также характер и значение такого источника права владения недвижимостью, как незаконный захват чужого владения. Факты таких захватов существовали; они практиковались и при разделах и при других удобных случаях. В результате захватов возникали судебные дела; захват мог быть признан судом, или суд, становясь на сторону влиятельного захватчика, заставлял истца решить дело миром, и таким путем захватчик мог оформить свое право владения, получив соответствующее постановление суда. При той тесной связи суда с основной хищнической группой жрецов и дамкаров, которая существовала в Вавилонии, и при суверенном праве собственности на землю верховного судьи, вавилонского царя, подобного рода захваты недвижимости сильными у слабых имели всегда шансы на их последующее оформление в судебных инстанциях. Но, повидимому, широкого распространения практика захватов не получила.

Однако мы сделали бы большую ошибку, если бы допустили, что при всех указанных нами условиях создавалось стабильное и безусловное право личного владения недвижимостью. Мы не должны забывать, что семейная община ни по закону, ни на практике не переставала существовать, и должны постоянно учитывать, что практика разделов, поскольку она нам известна из документов, характеризует, главным образом, условия и явления быта городских семейных общин¹⁷³. Но разделы и в городской среде не разрушали семейной общины, как учреждения; формально они вели только к ее дроблению, к разделению на несколько новых, более мелких общин. Поэтому, пока разделившиеся и еще не женатые братья не обзавелись своими семьями, они были личными владельцами имущества, полученного при разделе. Но как только разделившийся женился, и у него появились дети, он становился главою новой семейной общины со всеми правами, но и со всеми ограничениями, какие вытекали из его нового положения. Фактически глава семейной общины мог свободно распоряжаться, повидимому, только своим благоприобретенным имуществом:

но после его смерти и это имущество становилось семейным и шло в общий раздел. Разложение семейной общины выражалось главным образом в том, что в городских семьях разделы нередко приводили к вымыванию из разделяющейся общины части ее членов, иногда всех, кроме старшего, ибо при неравных и эквивалентных разделах, а также и при равных разделах, доли, полученные обделенными и маломощными участниками разделов, были настолько малы, что их владельцы не могли строить на такой базе своей дальнейшей жизни и продавали свои доли или старшему брату или иногда и на сторону. Такие «изгои» имели разную судьбу; к сожалению, проследить ее по документам мы не можем, но весьма вероятно, что именно из них рекрутировались реду и баиру, известные из кодекса Хаммураби, а также мелкие агенты дамкаров, жрецов и сановников. При благоприятных условиях такие «изгои» могли обзавестись своим хозяйством, создать свою семейную общину; но основой последней служила обычно, как будет видно ниже, земля, полученная от господина в кормление, в пользование на праве *ilku*, т. е. под условием несения службы. Отсюда для нас становится также понятным, почему в качестве покупателей земли, а иногда и продавцов, так часто выступают жрицы Шамаша. Все они принадлежат к разряду жриц SCHAL—ME, т. е. являются храмовыми проститутками, которые обычно жили в общежитиях (*gagum*) при храмах и не выходили замуж, а если иногда и выходили, то не имели права рожать детей¹⁷⁴. Такие жрицы не имели семьи, но имели в связи со своей профессией очень большие доходы; поэтому приобретенное ими *szibtu* было личным и стабильным, и они имели полную возможность его приумножать. Становится понятной также и практика скупки-продажи домов и домовых участков дамкарами: это была спекуляция благоприобретенным имуществом, целью которой было накопление денежных капиталов и материальных ценностей. «Овцами» для «волков» той и другой категории были, в первую очередь, младшие члены городских семейных общин, обделенные при разделах.

Таким образом, в городской среде, в среде жрецов, дамкаров и отчасти царских сановников, наблюдаются совершенно определенные тенденции в сторону создания и укрепления права частного владения недвижимостью, ослаблявшие и иной раз разлагавшие те или другие семейные общины. Однако мы не имеем никакого права обобщать это явление и переносить его на сельскую среду. Разделы в крестьянских семейных общинах, конечно, также могли иметь место; но надо полагать, что, судя по документам, практика неравных разделов не имела там распространения, и что принцип общности и неотчуждаемости семейного имущества проводился там строже, чем в городах¹⁷⁵. Мы имеем право так думать, опираясь на факты стойкого существования сельских общин и крепкой спа-

янности общинников, о чем мы еще будем говорить в конце этого раздела. Институт семейной общины является общераспространенным фактом социальной истории не только древности, но также и феодальной и даже капиталистической эпохи многих стран. Он повсюду прошел одну и ту же историю, везде показал свою стойкость, продержавшись в русской и белорусской деревне и в южнославянских странах, а также у кавказских племен вплоть до конца XIX века — до расцвета капиталистического строя в этих странах. Выясненные нами моменты разложения древневавилонской семейной общины и появление в связи с этим разложением новых источников права частного владения также не являются чем-то изолированным или специфической особенностью вавилонской социальной истории. С некоторыми видоизменениями мы встречаем аналогичные явления в истории древних и славянских семейных общин. В древности наиболее характерную аналогию мы находим в истории древнеиндийской семейной общины. Законы Ману, в составлении которых принимали ближайшее участие брахманы, узаконяют и даже одобряют семейные разделы: «пусть они (братья) живут вместе или отдельно, как кто желает... раздел — дело похвальное» (IX, § 111). Законы Ману определяют также «семь законных способов приобретения имущества», в числе которых названы наследование, находка или дружеский подарок, покупка, завоевание, получение взаимобразно под проценты, выполнение работы и получение в дар от достойных людей (IX, § 115). В более позднем законодательном своде Митакшаре устанавливается для сына права выхода из семейной общины с выделом соответственной доли семейного имущества при жизни отца и матери, а также дозволяются дарения из недвижимой собственности семьи как со стороны отца, так и со стороны любого из членов семейной общины, но исключительно в пользу брахманов¹⁷⁶. Эти постановления древнеиндийских законодательных сводов, подобно постановлениям сумерского кодекса и кодекса Хаммураби, отражают симптомы процесса разложения семейной общины как изнутри, так и под ударами извне, и определенно способствуют ускорению и облегчению этого процесса. В семейной общине славянских народов, называемой дворцом, огнищем, братчиной, задругой, заедином и другими подобными терминами, постоянное неделимое имущество заключается в земле, жилище, хозяйственных постройках, орудиях труда и противоплагается личной собственности, приобретаемой отдельными членами общины личным трудом или покупкой и называемой терминами «свойщина», «особина». И эта община разлагается в результате разделов, но только тогда, когда создаются для этого соответствующие условия. Так, белорусская и русская семейные общины стали окончательно разлагаться путем разделов только во второй половине XIX в.; в частности в Бело-

руссии этот процесс происходил в последней четверти XIX в., особенно обострившись в конце века, когда в Полесье и некоторых других уездах бывшей Минской губернии разделы породили массовое распространение. Характерно также, что отношения внутри русских и белорусских семейных общин регулировались обычаями; и всякого рода соглашения, в том числе и разделы, оформлялись волостными судами, сообразно с местным обычным правом¹⁷⁷. Было бы весьма важно и желательное сравнительное исследование исторических судеб славянских и восточных семейных общин, начиная с древневосточных времен; такое исследование чрезвычайно помогло бы прояснению многих спорных и трудных вопросов истории древневосточного общинного быта.

Резюмируя все наши наблюдения и заключения по вопросу о древнеавилонской семейной общине и ее разложении, как источнике нового личного права владения недвижимостью, мы должны отметить, что кроме тех ограничений, которые налагало на личное право владения существование семейной общины, такое право ограничивалось также и верховным правом собственности на землю, принадлежавшим царю. Мы уже встречались с фактами применения верховного царского права по отношению к общинным землям; ниже мы увидим, что царь вторгался также и в право распоряжения землями, находившимися в частном владении. Таким образом, из нашего рассмотрения права частного владения в древнеавилонском царстве с полной определенностью выясняется, насколько далека действительность эпохи первой вавилонской династии от римской действительности эпохи издания законов XII таблиц. В Вавилонии эпохи первой династии право частного владения не только не стояло «на грани полной собственности», нуждаясь, якобы, лишь в оформлении, но, напротив, было еще неустойчиво, ограничено и обусловлено как существованием семейного общинного права владения, так и верховным правом собственности на землю, принадлежавшим царю. Такова юридическая сторона дела. Если теперь мы обратимся к практике, к вопросу об эксплуатации частными владельцами их земель, то мы увидим, что слабости юридической соответствовал и, в известной мере, ее обуславливал низкий удельный вес частного землевладения и частного хозяйства в общей экономике древнеавилонского царства.

3. УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ЧАСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЧАСТНОГО ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИКЕ ДРЕВНЕАВИЛОНСКОГО ЦАРСТВА

Переходя теперь к рассмотрению этого особенно важного вопроса, мы прежде всего должны отметить, что, к сожалению, документов отчетности частных хозяйств эпохи древнеавилонского царства в нашем распоряжении не имеется. Рифтин

издал только 98 документов хозяйственного содержания из этой эпохи, но около $\frac{2}{3}$ их является отчетностью царского хозяйства Римсина, а остальные, повидимому, происходят из хозяйственного архива царя Самсуилуны. Основными источниками для характеристики эксплуатации частными владельцами их земель являются письма делового содержания, касающиеся вопросов эксплуатации частных земельных владений, и договоры на сдачу в обработку (аренду) частными владельцами их полей и садов. Само собой понятно, что эти материалы не могут осветить вопроса во всех подробностях; однако они все же настолько показательны, что дают возможность сделать главные общие выводы.

Первый вопрос, который мы должны поставить для определения удельного веса частного землевладения и частного хозяйства, — это вопрос о числе частных владельцев недвижимости. Конечно, точную цифру определить нельзя, но приблизительный подсчет сделать можно. Прежде всего оговоримся, что такой подсчет важнее всего сделать для категории более крупных частных владельцев, таких, которые могли извлекать и извлекали чистый доход от эксплуатации своих владений. Сюда в первую очередь относится та группа частных владельцев, которая выступает в деловой переписке. Как мы уже указывали, все письма из эпохи первой вавилонской династии собраны и изданы с обработкой Унгнадом; в числе этих писем мы находим переписку крупных владельцев полей, садов и домов с их управляющими и агентами. Таких владельцев в переписке выступает всего 21; из них выделяются в качестве самых крупных шесть владельцев, из которых наиболее крупным является Адад-Раби¹⁷⁸. Кроме этих 21 лиц, в договорах о купле-продаже и в документах о разделах выступают еще 5—6 лиц, владеющих одновременно несколькими полями и садами. Далее до нас дошел 101 договор о сдаче в аренду полей и садов¹⁷⁹. Таким образом, выясняется группа еще в 107 лиц. Эта группа представляет более мелкие владения; особенно это надо сказать о сдатчиках в аренду полей и садов, так как крупные владельцы заключали арендные договоры по большей части через своих агентов, а мелкие — всегда лично; почти все указанные договоры заключены лично владельцами полей и садов. Следовательно, мы имеем сведения о 128 более или менее значительных владельцах полей и садов, эксплуатировавших свои владения с целью извлечения прибыли. Конечно, это только известная часть частных владельцев недвижимости, полное число их было значительно больше. Но даже если мы учетверим эту цифру, общее число более или менее крупных, по древневавилонскому масштабу, частных землевладельцев определится кругло только цифрой 500 лиц. Для тогдашней Вавилонии с населением от 3.000.000 до 3.750.000 человек эта цифра, конечно, совершенно ничтожная¹⁸⁰.

О размерах крупных по древневавилонскому масштабу частных земельных владений и о способах их эксплуатации мы можем почерпнуть весьма интересные сведения из переписки частных владельцев с их управляющими. Из писем землевладельцев выясняется одна чрезвычайно характерная черта крупного частного землевладения эпохи первой вавилонской династии. Все крупные владельцы, письма которых дошли до нас, не живут в своих владениях. Они живут в городе — или в Вавилоне или в других городах, ибо почти все они занимают важные должности во дворце царя или в областном административном аппарате. Управляют и руководят хозяйством агенты владельцев, их управляющие. Другая, не менее характерная черта заключается в том, что владения (поля и сады) указанной группы сановников обычно не составляют цельных имений в одних границах, но состоят из нескольких полей и садов, иногда частью смежных и чаще всего разбросанных в разных общинах и местностях, названия которых нередко приводятся в документах. Эти две характерные черты особенно резко подчеркивают специфический характер древневавилонского крупного частного землевладения в отличие от римского (латифундиального) и средневекового (феодалного); ниже мы увидим, что эти черты обуславливают также и специфические способы эксплуатации древневавилонских земельных владений, также отличающиеся и от римских и от феодальных. Мало этого, мы увидим, что все эти характерные специфические особенности сохранились вплоть до персидской эпохи. Таким образом, выяснится специфика не только древневавилонского частного сельского хозяйства, но и вообще частного сельского хозяйства в Двуречье, в отличие от римского и средневекового частного хозяйства.

Для конкретного ознакомления с организацией крупного частного хозяйства в эпоху древневавилонского царства лучше всего обратиться к материалам, освещающим хозяйство Адад-Раби, не только потому, что из его архива дошло до нас больше всего писем (13), но также и потому, что в сравнении с другими землевладельцами он был по древневавилонскому масштабу одним из самых крупных и притом важным царским сановником. Адад-Раби жил при Самсуилуне; сохранилось 10 писем лично от него и два письма, повидимому, от его сыновей и наследников, адресованных управляющему Липит-Эа. Принадлежавшие Адад-Раби поля и сады были расположены в *ali* Сяникишам, *ali* Куннум и также в других местностях, однако, повидимому, в одной и той же области, так как всеми полями и садами управляет один и тот же Липит-Эа. Сам Адад-Раби жил в 30 км к югу от Вавилона в Дильбате, где был найден его архив¹⁶¹. Точное число полей и садов, принадлежавших Адад-Раби, установить нельзя; но несомненно, что в его письмах упомянуты все его наиболее

важные владения. В письмах называются два «собственных» поля Адад-Раби, т. е. два поля, на которых он вел свое собственное хозяйство, 6 полей, розданных разным лицам, а также «поля реду», т. е. поля, предоставленные царским воинам. Сколько было этих последних, а также исчерпывают ли данные писем весь итог полей «собственных» и розданных, установить нельзя. Если считать, что полей реду было не менее двух-трех, то можно допустить, что во владении Адад-Раби было не менее 11 полей¹⁸². Гораздо труднее выяснить размер полей и их итоговую общую площадь. В письмах указаны размеры только одного поля, отданного в качестве *ilku*, т. е. в пользование за службу, одному из молодых начинающих служащих Адад-Раби. В этом поле 3 гана, т. е. кругло 1 *га*¹⁸³; такой же размер надо предполагать и для полей реду. Тогда мы получим общую площадь для этой группы полей 4 *га*. Пять других полей были розданы крупным служащим; минимальный размер каждого из них надо считать в $\frac{1}{2}$ бура, кругло по 3 *га*; тогда их общая площадь будет составлять не менее 15 *га*. Что касается «собственных» полей, то одно из них было крупных размеров, так как для снятия с него урожая требовалась целая партия сезонных рабочих¹⁸⁴; поэтому его площадь надо считать не менее 3 бур, т. е. кругло 19 *га*. При другом «собственном» поле был дом Адад-Раби, а также финиковый сад и загоны для крупного скота; очевидно, это была сельская резиденция владельца, и потому размеры другого поля надо считать не менее 1,5 бура, т. е. кругло 10 *га*. При таком расчете мы получаем минимальный итог для общей площади полей, принадлежавших Адад-Раби, в 48 *га*; в действительности этот итог был, вероятно, несколько выше, быть может, процентов на 20, и кругло может быть определен в 55 *га*. В числе садов упоминаются три «собственных» сада, из них один новый, только что засаженный, три сада, розданных разным лицам, и, кроме того, «сады Нухи», одного из служащих Адад-Раби;¹⁸⁵ если считать, что последних было два, то всего садов у Адад-Раби было восемь. Принимая для размеров розданных садов наиболее часто встречающийся средний размер частного сада в 0,5 *га*¹⁸⁶, мы определим общую площадь этих 5 садов в 2,5 *га*. Размеры трех «собственных» садов Адад-Раби были, конечно, больше, не менее 1 *га* на сад, и, таким образом, общую площадь всех восьми садов надо считать не менее 5,5 *га*. Но весьма возможно, что у Адад-Раби были еще сады, не упомянутые в письмах, и потому общую площадь под садами следует увеличить до 7 *га*. Тогда общая площадь полей и садов Адад-Раби определится примерно в 62 *га*; если прибавить сюда приусадебный участок около 1 *га*, мы получим общую площадь всех его земельных владений приблизительно в 63 *га*. Для тех средних размеров частных земельных владений, которые были выяснены нами выше, это весьма вы-

сокая цифра, и потому мы с полным правом можем считать Адад-Раби одним из самых крупных землевладельцев древне-вавилонского царства.

Для характеристики хозяйства Адад-Раби следует отметить два момента. Во-первых, в числе его владений не упоминаются застроенные городские участки E—DU—A; во-вторых, о скоте, крупном рогатом, есть только два упоминания, из которых одно относится к четырем рабочим быкам¹⁸⁷. Первый момент, конечно, не означает, что у Адад-Раби не было собственного дома в городе; но он означает, что извлечением доходов из городских домовых владений Адад-Раби не интересовался. Второй момент показывает, что в сельском хозяйстве Адад-Раби скотоводство занимало второстепенное место. Этот вывод подтверждается также содержанием всех писем Адад-Раби и его сыновей¹⁸⁸. Все письма без исключения содержат распоряжения только относительно садов и полей — их распределения, их обработки, снятия с них урожая и т. д. Таким образом, хозяйство Адад-Раби было земледельческого типа, который, судя по письмам прочих землевладельцев, был вообще господствующим типом частного сельского хозяйства эпохи древневавилонского царства.

Для характеристики эксплуатации полей и садов в хозяйстве Адад-Раби надо в первую очередь отметить уже выясненную нами черту, заключающуюся в том, что под личным хозяйством Адад-Раби занято только около 60% площади его полей, упомянутых в письмах, и только около 55% площади его садов, упомянутых в письмах; в действительности этот процент, несомненно, был несколько ниже, и мы с большой вероятностью можем допустить, что в среднем под личным хозяйством Адад-Раби было занято не более половины площади всех его угодий. Остальные поля и сады были розданы разным лицам, которые вели на них свое хозяйство. Возникает вопрос о составе держателей полей и садов Адад-Раби. В числе их, как мы видели, были служащие Адад-Раби; но в числе их могли быть также и арендаторы. Разграничить эти две категории не всегда возможно, так как они называются общим термином *eggeschu* (*irrischu*), который применяется и для обозначения лица, ведущего на поле хозяйство в качестве заведующего или пользователя, и для обозначения арендатора¹⁸⁹. Поэтому приходится разграничивать эти категории по другим признакам. Несколько лиц, называемых по имени, несут с полей, полученных от Адад-Раби, *ilku* — «службу»; правда этот термин употреблен только один раз, по отношению к Иахулину, который назван термином *zihatum* (*szukatum*) — «юноша» (ср. древнерусский термин «отрок»); но и в других случаях дело идет об *ilku*. Так, один из *eggeschim*, Тарибатум, выполняет различные поручения Адад-Раби: привозит корм для скота, следит за посевом на «собственном»

поле Адад-Раби, ему поручается «собственный» сад Адад-Раби. На таком же положении были, очевидно, и те *eggeschim*, поля которых Липит-Эа вопреки распоряжениям Адад-Раби передавал Тарибатуму, и тот Нуха, поле и сад которого Адад-Раби распорядился передать Тарибатуму¹⁹⁰. За несение службы Иахулин, Тарибатум, Нуха и другие лица, упоминаемые рядом с ними, получали для *eggeschitu* — «возделывания» участки земли в свое пользование. Липит-Эа должен был распределять такие участки отчасти по распоряжениям Адад-Раби, отчасти по своему усмотрению, но с последующим утверждением господина¹⁹¹. Сам Липит-Эа также имел за службу землю, но, к сожалению, о числе и характере данных ему участков мы точных сведений не имеем; имеется только глухое упоминание о двух *ikim*, находящихся в распоряжении или эксплуатируемых Липит-Эа¹⁹². Что касается арендаторов, то прямых указаний на эту категорию в письмах Адад-Раби и его сыновей не имеется. Весьма вероятно, что арендаторы были, но случайно переписка о них умалчивает.

Организация хозяйства на «собственных» полях и садах Адад-Раби технически по тому времени была поставлена неплохо. Для орошения его полей и садов применялась водоподъемная машина, приводившаяся в действие быками; в своих письмах Адад-Раби упоминает о трех таких машинах (*partabim*) и четырех рабочих быках при них. В неурожайный год Адад-Раби проявил прежде всего заботу о прокормлении этих четырех быков; люди оказались для него на втором плане¹⁹³. Применение на водоподъемных машинах рабочей силы быков, а не рабов, очень характерно, ибо работа быков была гораздо продуктивнее работы рабов, которые были несравненно слабее быков и, кроме того, могли проявлять леность или небрежность в работе. В садах Адад-Раби культивировались финиковые пальмы; поля засеивались зерном и сезамом (кунжутом). Из этих трех культур Адад-Раби проявляет особенное внимание к культурам фиников и сезама: он дважды напоминает Липит-Эа о его ответственности за полный сбор сезама и для контроля за жатвой сезама даже посылает своего доверенного агента¹⁹⁴. Такое особенное внимание к финикам и сезаму вполне понятно, так как это были промышленные культуры, продукты которых находили себе всегда сбыт по хорошей цене на рынке и при торговом обмене с соседними кочевыми и полукочевыми племенами. Однако в хозяйстве Адад-Раби были слабые стороны, значительно понижавшие его доходность. Прежде всего оно страдало от недостатка рабочей силы. Число рабов, работавших на полях и в садах Адад-Раби, было, очевидно, строго ограничено потребностями постоянной рабочей силы; поэтому, когда по тем или иным причинам постоянной рабочей силы не хватало, дополнительную рабочую силу приходилось искать на стороне. В этих случаях

возникали большие затруднения, выведившие Адад-Раби из равновесия, ибо дело чаще всего шло о сезонных или срочных работах. Так, нужно было засадить новый сад; работа была срочная, ибо высадка финиковых саженцев была строго ограничена определенным коротким сезоном. Липит-Эа должен был обеспечить эту работу партией рабочих (шттапи) со стороны. Но подряженная партия не явилась, и работа была сорвана. Очевидно, была приглашена партия общинников из соседней общины; если они не явились, то, вероятно, потому, что Липит-Эа не заключил с ними соответствующего формального договора¹⁹⁵. Подобную халатность Липит-Эа, должно быть, проявил не первый раз, так как Адад-Раби гневно пишет ему: «Каждый год, когда я тебе поручаю сады, я не могу на тебя положиться! Один убыток!». Такая небрежность заставила Адад-Раби другой раз, одновременно с поручением Липит-Эа снять жатву с поля в алу (общине) Синикишам, лично обратиться к старейшинам и к начальнику (габиани) общины с просьбой прислать партию рабочих людей для снятия жатвы с его поля¹⁹⁶. Неизвестно, прислали ли старейшины рабочих, ибо дело шло не о работах на дом царя, и потому за старейшинами оставалось право отказать в просимой помощи или поставить свои условия, которые для Адад-Раби могли быть невыгодными.

Другая отрицательная сторона организации хозяйства Адад-Раби заключалась в том, что он, будучи вынужден в силу своего служебного положения жить в городе, не мог непосредственно сам руководить хозяйством и должен был доверить ведение хозяйства управляющему и другим агентам. При этом Адад-Раби был также лишен возможности регулярно контролировать своих доверенных на местах, так как не мог часто выезжать в свои имения; в особо важных случаях он либо вызывал к себе Липит-Эа, либо посылал своего доверенного для ревизии¹⁹⁷. Липит-Эа и его подчиненные широко пользовались таким положением дела в своих интересах. Занятый своими собственными делами, Липит-Эа не только небрежно относился к порученным ему садам, но допускал даже прямое невыполнение приказов своего господина, нарушал его указания и даже присваивал себе часть его доходов. Так, Липит-Эа нарушал приказы Адад-Раби о распределении полей для илки, самовольно отбирал поля и сады, уже переданные по приказам Адад-Раби определенным лицам, и передавал их другим, конечно, за взятки, не следил за выполнением его подчиненными их обязанностей¹⁹⁸. Не всегда действительное количество мер зерна и фиников, посылавшихся Липит-Эа господину, соответствовало показаниям сопроводительных документов, ибо в одном случае Адад-Раби дважды запрашивал Липит-Эа по этому поводу, а другой случай был совсем скандальным. Липит-Эа должен был выдать Тарибатуму 12 гур семенного зерна и

якобы выдал, но Тарибатум заявил, что получил только 8 гур. В результате расследования этого дела судом старейшин местного *ali* оказалось, что на 4 гура этого зерна была куплена корова. К сожалению, вследствие плохого состояния текста письма по поводу этого дела нельзя установить, в какой мере к этому мошенничеству был причастен Тарибатум; но, повидимому, он был в нем замешан, так как Адад-Раби пишет, что именно Тарибатуму «было точно доказано, что на мое зерно была куплена корова». Кроме того, в связи с разбором этого дела было обнаружено еще одно воровство, связанное с учетом доходов Адад-Раби и с уплатой 25 проц. царского сбора натурой; подробности для нас неясны вследствие плохого состояния текста письма в этом месте. Здесь, кстати, следует заметить, что все описанные отрицательные качества Липит-Эа как управляющего были проявлены им еще на его предшествующей службе у Адад-Шаррума, который также был крупным землевладельцем. Адад-Шаррум в своем письме к Липит-Эа гневно изобличает его в том, что он самовольно поселился на участке, полученном за службу, вместе с братом и совсем разорил этот участок и, кроме того, требует, чтобы Липит-Эа отобрал другой участок, поля и сад от живущего у него Анум-Хабилы и передал их Этельпи-набиуму. Повидимому, Липит-Эа дал поле и сад Анум-Хабилу, своему человеку, без разрешения Адад-Шаррума¹⁹⁹. В своих письмах Адад-Раби, изобличая Липит-Эа и Тарибатума, грозит при повторении случаев халатности и мошенничества «разбить им нос» и постоянно твердит о строгой ответственности, но эти окрики, повидимому, мало действовали на подчиненных. Мы узнаем из одного письма, что не только Липит-Эа пренебрегал своим *ilku*, но что и другие агенты «бросали» свои участки и числились «беглыми»²⁰⁰. Судя по этим данным, небрежность и воровство управляющих было обычным явлением, и, быть может, Липит-Эа был еще скромнее других, если Адад-Раби взял его к себе на службу, и ни сам он, ни его сыновья не сменили этого вороватого управляющего.

Кроме этих внутренних условий, невыгодно отзывавшихся на продуктивности и доходности хозяйства Адад-Раби, существовали еще некоторые формальные моменты, также ограничивавшие хозяйственные возможности Адад-Раби. Судя по некоторым данным, поля и сады, которыми владел Адад-Раби, не все были в его *szibtu*; некоторые из них, очевидно, были пожалованы ему царем в пользование, так как Адад-Раби не мог ими свободно и полностью распоряжаться и эксплуатировать их целиком в свою пользу. Именно в трех письмах мы находим указания, что из полей Адад-Раби выделялись воинские *ilku* для реду и деку, царских военнотружущих людей, получавших за службу в пользование земельные участки. Так, из одного письма мы узнаем, что Тарибатуму были пере-

даны поля, предназначенные для реду, и Адад-Раби приказывает Липит-Эа немедленно отобрать у Тарибатума эти поля и какой-то сад; в другом письме рядом со служащим самого Адад-Раби, Иахулией, упоминается также деку, повидимому, в связи с земельным участком последнего²⁰¹. Некоторые раз'яснения по этому вопросу дает третье, очень любопытное письмо. В этом письме Адад-Раби сообщает Липит-Эа об аудиенции, которую он вместе с деку Эа-Раби имел у царя по делу о предоставлении Эа-Раби илki из полей Адад-Раби. Заметим тут кстати, что предоставление царем аудиенции Эа-Раби показывает, что деку было званием не для одного из разрядов младшего командного состава, вроде фельдфебеля, как толкуют обычно немецкие комментаторы, но для какого-то разряда среднего командного состава, соответствовавшего разряду командиров манипула в римской армии. Из содержания письма явствует, что Эа-Раби предъявил претензию на получение одного из участков, предоставленных по формальному документу в пользование Липит-Эа. Неизвестно, на чем именно основывал Эа-Раби свое требование, но из письма ясно, что он ссылался на какое-то царское распоряжение или царский указ, касавшийся участка. Адад-Раби эту претензию отклонил; тогда Эа-Раби подал жалобу царю, который и решил дело по выслушанию доводов той и другой стороны. Решение было не в пользу Эа-Раби. Выражения письма, в котором Адад-Раби сообщает Липит-Эа о царском решении, настолько характерны, что их следует привести целиком. Адад-Раби пишет: «Я не дам ему (Эа-Раби) зерна и поля. Царь дал мне справедливый ответ, так сказал он: зерно Нухи, моего akil amigrim²⁰², он (Эа-Раби) всегда будет получать. Я и (слуга) царя пришли к клятвенному соглашению... Не позволяй трогать ни одного ka²⁰³ зерна, если дорожишь жизнью. Никто не смеет никоим образом отнять имеющийся у тебя документ. Я имею при себе документ о клятвенном соглашении, и твой документ мне также поможет²⁰⁴». Это дело показывает, что из тех земельных угодий, которые были пожалованы Адад-Раби царем, он был обязан давать известную часть в кормление царским деку и реду, конечно, при обязательстве последних отдавать известную долю доходов Адад-Раби. Выбор участков при выполнении этого условия производил сам Адад-Раби; но лиц, которым должны были выделяться участки, указывал царь, и вполне понятно, что царским кандидатам не всегда нравились те поля, какие им предлагал Адад-Раби. Тогда возникали недоразумения и споры, доходившие даже до самого царя. В случае с Эа-Раби дело шло о каком-то очень выгодном участке, при этом в такое время, когда уже была снята жатва, и Эа-Раби хотел вместе с полем получить и собранное с поля зерно, посеянное Липит-Эа. Отсюда понятно, почему Адад-Раби так энергично

протестовал против претензий Эа-Раби; с другой стороны, становится ясным, насколько неприятными и в известных случаях убыточными были для Адад-Раби его обязательства, связанные с царскими пожалованиями.

Описанное нами хозяйство Адад-Раби было типичным, ибо письма других частных сельских хозяев рисуют нам ту же самую картину, те же самые условия и отношения. И у других хозяев мы встречаемся с разделением полей на «собственные», т. е. обрабатываемые владельцем непосредственно для себя, и на поля, отдаваемые владельцем в качестве ики своим служащим и царским воинам, и сдаваемые в аренду, о которой письма других сельских хозяев говорят в совершенно точных выражениях²⁰⁵. Мы и здесь встречаемся с особыми заботами владельцев о культуре фиников и сезама, о расширении площади садов с поручением садов особому наблюдению со стороны управляющих²⁰⁶. Так же, как и хозяйство Адад-Раби, и другие хозяйства подавляющей части владельцев были по преимуществу земледельческими; только в письмах трех владельцев наряду с полями и садами упоминается и скот, преимущественно крупный, т. е. главным образом рабочий²⁰⁷. Надо отметить, что если коммерческий характер хозяйства Адад-Раби не показан документально и считается само собою разумеющимся, то в числе других хозяйств имеется одно, коммерческий характер которого в письме его владельца подчеркивается. Зерно с одного из полей этого хозяйства сейчас же после жатвы в самом спешном порядке отправляется в Дильбат. Для этого хозяин приказывает, не жалея расходов, нанять суда и людей и поощряет своего агента напоминанием: «это зерно — все равно, что твое собственное дело», т. е. обещает агенту весьма реальную личную выгоду²⁰⁸. Очевидно, в связи с какими-то неясными для нас обстоятельствами представлялась возможность сбыть зерно в Дильбате по хорошей цене, но срочно, пока не появились другие продавцы, которые могли сбить цену. Организация хозяйства у других крупных землевладельцев была во всем сходна с организацией хозяйства Адад-Раби: те же управляющие и подчиненные им агенты, служащие за ики, с теми же обязанностями и с той же бесконтрольностью²⁰⁹. Мы читаем в письмах, что у одного владельца управляющий был небрежным, не следил за уборкой жатвы, неаккуратно расплачивался с рабочими, не досмотрел за быками, которые были украдены, и должен был покрыть стоимость их из своих средств, что у другого владельца управляющий нарушал правила пользования участками ики в ущерб господину, что у третьего владельца управляющий не выполняя приказов господина о распределении зерна, что у четвертого владельца управляющий неожиданно заявил об уходе и вызвал этим горькие упреки со стороны господина: «десять лет ты кормился у меня — чего ты еще требуешь?»²¹⁰. Арен-

даторы доставляли также много неприятностей, так как не вносили во-время арендной платы, пользуясь слабостью надзора со стороны управляющих, причем были случаи, когда плата просрочивалась за два года. Господам приходилось нажимать на управляющих, которые обычно заключали договоры об аренде, обязаны были контролировать арендаторов и требовать от последних в случае неуплаты присылки *piri-tim* — долговых рабов, с угрозой обращения в суд²¹¹. Таким образом, и прочие крупные сельские хозяева, которые, подобно Адад-Раби, вели преимущественно земледельческое хозяйство, не всегда были удовлетворены его результатами и нередко ошибались в расчетах. Однако не может быть сомнений в том, что при всех этих отрицательных моментах все же и такие хозяйства давали прибыль, достаточную для того, чтобы продолжать это дело.

О хозяйстве земледельческого типа частных владельцев, принадлежавших к категории более мелких хозяев, в деловой переписке мы не находим почти никаких сведений. Имеется только одно письмо от господина к его управляющему, свидетельствующее о том, что хозяйство автора письма было скорее всего средних размеров и потребительского характера. Автор письма жалуется, что зерно, посланное ему управляющим, посланец присвоил себе и ничем не возместил убытка; вследствие этого господин остался «без пищи и содержания» и требовал прислать немедленно другую партию зерна — «пищи и содержания»²¹². Сведения о хозяйстве средних и мелких землевладельцев мы встречаем в договорах об аренде и в договорах с рабочими. Договоры с рабочими дают очень мало материала для суждения о хозяйственной мощи землевладельца, заключающего договор; но арендные договоры дают в этом отношении известный материал. Прежде всего, как уже было сказано выше, в большинстве случаев договоры с арендаторами заключались лично владельцами сдаваемых в аренду полей: это дает нам основание полагать, что в таких случаях владельцы полей не были настолько крупными хозяевами, чтобы держать управляющих, которым надо было выделять за службу значительные участки. Однако и среди таких хозяев мы встречаем владельцев более или менее крупных участков земли, судя по размерам сдаваемых в аренду полей. Так, из 58 полей, размеры которых показаны в рассмотренных нами 67 арендных документах, 25 полей имеют площадь от 0,5 бура (3,15 га) и выше, до 1 бура 1700 сар (12,25 га), в том числе 16 полей от 0,5 бура до 1 бура (3,15 — 6,3 га) и 9 полей выше 1 бура. Из этих полей следует исключить три поля по 0,5 бура каждое, сданных в аренду не частным владельцем, а городом Сиппаром; тогда окажется, что всего полей более значительного размера было сдано в аренду частными владельцами 22²¹³. Это составит 38% всех

указанных выше 58 полей; однако с этого процента надо сделать еще известную скидку ввиду того, что могли быть случаи, когда землевладелец целиком сдавал в аренду свое поле, не заводя собственного хозяйства и довольствуясь арендной платой. Такие случаи были, вероятно, нередки, и потому мы должны понизить указанный процент более или менее крупных владельцев примерно до 25% всех лиц, выступающих сдатчиками в арендных договорах. Арендная плата чаще всего, в 80% случаев, устанавливается твердая, в остальных случаях — на основе издолящины, при сдаче полей обычно из трети урожая, и только в двух случаях — исполу²¹⁴. Твердая плата исчислялась также в натуре; лишь в некоторых случаях арендаторы платят аванс серебром, но эти случаи не относятся к категории трудовой аренды. Тут мы подходим к одной весьма любопытной стороне хозяйствования известной группы частных землевладельцев. Рассмотрение арендных договоров показывает, что в некоторых, правда, редких случаях арендаторами являются представители владельческих групп древневавилонского общества. Так, в трех из рассмотренных нами договоров арендаторами являются жрица Шамаша, дубсар и мать царя. В этих случаях, по всей вероятности, дело идет об аренде полей, смежных с собственными полями арендаторов, которые таким образом до известной степени округляли свои владения. Возможно также, что и в числе других арендаторов, социальное положение которых остается для нас неизвестным, был также некоторый процент владельцев смежных полей. Что касается сдатчиков полей, то в 33 случаях из 60 их социальное положение точно обозначено: это 32 жрицы Шамаша и дочь царя. В остальных случаях социальное положение сдатчиков неизвестно; но мы имеем полное право полагать, что если не все, то подавляющая часть их принадлежала также к владеющим группам древневавилонского общества. Исходя из того, что 24 поля из 58 полей, размеры которых указаны в арендных договорах, т. е. 41 проц., имели размеры от 700 кв м до 1,5 га, мы можем допустить, что значительная часть сдатчиков принадлежала к числу мелких землевладельцев. Приходится ограничиться этими далеко не полными данными для характеристики мелких и средних частных владельцев, которые вели преимущественно земледельческое хозяйство.

Возвращаясь теперь опять к группе крупных хозяев, выступающих перед нами в их деловой переписке с управляющими, мы должны отметить в их числе, кроме группы, ведущей преимущественно земледельческое хозяйство, еще две небольшие, но интересные группы. Прежде всего отметим двух лиц, в хозяйстве которых, повидимому, важное место занимало скотоводство. Первым является Адад-Лусирум, который вел, правда, и зерновое хозяйство, но имел также крупное стадо овец и в своем письме управляющему уделяет

особое внимание овцам-маткам. Другой, Шамаш-Ливир, интересуется в письме исключительно овцами — покупает и продает их, имеет, очевидно, большие стада ²¹⁵. Другая группа состоит также из двух сельских хозяев, которые одновременно занимаются ростовщичеством. Лучшее всего из этой группы нам известно хозяйство Ахума; от него дошло до нас 13 писем, местонахождение которых, к сожалению, не указано ²¹⁶. Ахум был крупным сановником. Судя по одному из его писем, в котором он дает предписания об организации в каком-то аль жертвоприношений и молений Нергалю по случаю вспыхнувшей там эпидемии чумы, он был либо *gabianu*, если под *abu* разумеется город, либо областным начальником, если под *abu* разумеется область или крупная община. У Ахума был не один управляющий, а три; это вполне понятно, так как хозяйство его было весьма разнообразно ²¹⁷. Он имел поля, которые, повидимому, сдавались в аренду, и торговал зерном; но одновременно он покупал и продавал скот, сдавал в наем дома ²¹⁸, а также занимался ростовщичеством. Это последнее занимало важное место в операциях Ахума, судя по тому, что в его доме жили и работали долговые рабы, причем в кабалу к нему попадали даже целые семьи ²¹⁹. На полях и в домах Ахума работали не только рабы, но и наемники, которым управляющие иногда задерживали заработную плату. Следует отметить, что подобное совмещение в одном лице частного сельского хозяина и ростовщика характерно для разлагающегося родоплеменного строя, как показывают параллели из быта меланезийских племен и даяков острова Борнео. В Меланезии ссудными операциями под залог урожая кокосовых пальм или за отработки занимались вожди, а вожди даяков обращали в рабство рядовых членов племени, не уплативших им в срок долга ²²⁰. Рядом с Ахумом стоит Ниши-Инушу, которая, вероятно, была жрицей. Из её двух управляющих один сообщает ей, что поле ее обработано и что ожидается богатый урожай, а другой пишет об операциях с зерном и о том, что «процент хороший», имея, очевидно, в виду какие-то ростовщические операции.

Теперь мы переходим к последнему вопросу, к вопросу об удельном весе сектора частного землевладения и частного сельского хозяйства в общей экономике древневавилонского царства. Из нашего исследования с достаточной определенностью и полностью выяснилось, что площадь частных земельных владений и масштаб организованных на ней частных хозяйств по своим размерам были весьма незначительными. По расчетам Мейсснера, годная для земледельческой культуры площадь территории древней Вавилонии достигала примерно 3 миллионов гектаров ²²². Если увеличить предположительную цифру более крупных частных хозяйств вдвое против нашей пометки 500 лиц и принять средний размер одного частного владения в 30 га (что будет, несомненно, значительно выше

действительного положения), то мы получим общую площадь этих частных владений в 30.000 га, т. е. всего один процент площади культурных земель Вавилонии. Уже этой цифры достаточно, чтобы признать удельный вес частного сельского хозяйства в эпоху первой вавилонской династии совершенно незначительным. Его незначительному весу соответствовали также те ограничительные условия, в которых ему приходилось существовать. Мы видели, что снизу частное хозяйство было ограничено общинным крестьянским хозяйством. Те, кто на основании некоторых редких случаев продажи общинниками своих наделов делали и делают вывод о разложении и ослаблении общинного быта, глубоко ошибаются. Подобные случаи могли иметь место только в таких областях, где в силу условий местности, либо вследствие ее заболоченного характера, либо вследствие горной природы наделы общинной земли вместе с усадьбами располагались отдельными островками. При подобных условиях, как, например, это было в марках средневековой Вестфалии, право частного владения домом и усадебной землей легко могло быть распространено и на наделную землю²²³. Но в древневавилонском царстве заболоченных местностей было уже немного, а горных местностей совсем не было, и потому случаи продажи общинниками своих наделов не могли иметь большого распространения. Таким образом, указанные выше заключения о разложении общины в древневавилонском царстве базируются на неправильном обобщении местных спорадических явлений. При этом те, кто допускает такое обобщение, оставляют без внимания самую важную сторону дела — взаимоотношения между общинами и частными хозяевами. Частные хозяйства *зависели* от общин и самом важном вопросе — в вопросе об обеспечении частных хозяйств рабочей силой. Мы видели, что Адад-Раби переживал не раз тревогу и даже терпел убытки в связи с этим вопросом; к этому мы должны добавить, что широко развитая в эпоху древневавилонского царства практика заключения договоров на поставку рабочей силы, известных под формулой *schubanti*, показывает, что ни одно более или менее крупное частное хозяйство в самую горячую пору уборки урожая не могло обойтись без подсобной рабочей силы, законтракованной заранее в общинах с выдачей вперед задатка, обеспечивавшего приход законтракованных рабочих²²⁴. Сторонники гипотезы о разрушении общины в эпоху древневавилонского царства упускают также из виду крепкую спаянность общинников, которые в силу обычного общинного права были обязаны оказывать материальную поддержку однообщинникам, попавшим в долги²²⁵, всегда соблюдать обычаи родства и товарищества и поддерживать силу и стойкость своей общины. Последние два обязательства носили религиозный характер и, как показывает старинная шумерийская заклинательная фор-

мула, пережившая тысячелетия и усвоенная ассирийцами, за нарушение этих обязательств нарушителю-общиннику, по народной вере, грозила кара от богов болезнью и смертью ²²⁶.

Общинные поля занимали не менее 80—90% всей культурной земельной площади древнеавилонского царства. Это было безбрежное море ячменя, пшеницы и сезама, среди которого редкие, разрозненные и мелкие поля и сады частных владельцев казались незаметными островками. Копотившийся на этих островках мирок был мирком мелких хищников, которые грызли попадавшую в их когти бедноту и грызлись беспрерывно друг с другом, постоянно озираясь в то же время на вавилонского царя, своего верховного господина, который по своему произволу мог их и жаловать и казнить. Их властвование было ограничено его волей, ибо в конечном счете царь был верховным собственником всех земель и при известных условиях мог наложить свою руку даже и на *szibty* любого частного владельца. Как непохожи представители этого мирка на высокомерных римских патрициев и нобилей, которые именно как римские граждане были собственниками своих земель, во II—I в. до н. э. огромных латифундий, повелевали сотнями клиентов и вольноотпущенников и тысячами рабов, строили себе в своих владениях роскошные виллы и располагали большими денежными богатствами! Как далеки представители этого мирка и от гордых феодалов, которые владели на вотчинном праве собственности целыми княжествами, повелевали десятками и сотнями придворных и вассалов и сотнями и тысячами крепостных, жили в замках, каменных твердынях, переживших века, и располагали огромными материальными ценностями! Аналогию этому мирку мы найдем только на том же Востоке, в эпоху на $3\frac{1}{2}$ тысячи лет позднее древнеавилонского царства — в XVII в. н. э. в государстве Великого Могола, как его описывает Франсуа Бернье. Он пишет: «Обратите внимание на то, что Великий Могол является наследником всех эмиров, или вельмож, и мансебдаров, или маленьких эмиров, которые состоят у него на жалованьи, а также на то, что все земли государства — а это имеет важнейшие последствия — составляют его собственность, за исключением кое-каких домов и садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить или покупать друг у друга по их усмотрению». ²²⁷ *Mutatis mutandis* мы узнаем в этой характеристике знакомые черты владеющей и властвующей верхушки древнеавилонского общества. В то же время эта аналогия служит одним из самых лучших показателей специфического застойного характера общественного строя восточных стран, как основной черты последнего. Ниже мы увидим, что эта характеристика целиком приложима и к последующим эпохам социальной истории государств древнего Двуречья, вплоть до персидской эпохи.

IV. ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ С XV ПО VI В. ДО Н. Э.

1. КАССИТСКАЯ ЭПОХА

При двух последних царях первой вавилонской династии, Аммидитане и Аммисадуге, произошло крушение древневавилонского царства. Процесс этот продолжался свыше пятидесяти лет. После ряда внутренних смут и вторжений племен из южного приморья, хеттов и касситов, касситы одержали верх над всеми другими претендентами на наследство первой вавилонской династии и с 1500 г. прочно утвердились в Вавилонии. Династия касситских царей правила Вавилонией до 1170 года. В XIII веке началось ослабление касситского царства в связи с ассирийской агрессией, и в 1176 г. касситское царство было окончательно разгромлено эламским вторжением. Однако ни ассирийским, ни эламским царям не удалось подчинить себе Вавилонию. Над разоренной вновь страной захватил власть один семитский сановник из Исина, Мардук-Шалик-Зери, свергнувший в 1170 г. последнего касситского царя и основавший так называемую IV вавилонскую династию. Эта династия правила Вавилонией 130 лет, после чего опять начались внутренние смуты и ассирийские вторжения, затянувшиеся на два с четвертью века. В конце IX века ассирийский царь Шамши-Адад V установил над Вавилонией ассирийский протекторат, сменившийся в VIII веке формальным подчинением Вавилонии ассирийскому царю.

Пять веков касситской и IV династии составляют в истории Вавилонии единую эпоху, поскольку воцарение IV династии не сопровождалось какими-либо внутренними переворотами и означало только переход власти от одного царского рода к другому. Но зато в течение полувека смут и войн, отделяющих эту эпоху от конца цветущей поры древневавилонского царства, в Вавилонии произошли весьма значительные по своим последствиям внутренние сдвиги. О глубине последних можно судить хотя бы по тому факту, что из пятивековой эпохи касситской и IV династий до нас дошло весьма незна-

чительное число деловых и юридических документов, а те, которые дошли, в своей подавляющей части относятся ко второй половине эпохи — к XIV—XI векам. Это обстоятельство не может объясняться случайными причинами, вроде гибели документальных материалов во время ассирийского и эламского нашествий в начале XII века. Нашествия и смуты, происходившие при последних двух царях первой династии, были несравненно более многочисленными и опустошительными, чем нашествия и смуты при последних касситских царях; однако это не отразилось заметным образом на сохранности архивов древневавилонского царства, как всегда помещавшихся в храмах в целях их наилучшего сохранения. Скучность документов, дошедших из эпохи касситской и IV династий, объясняется теми глубокими внутренними сдвигами, которые произошли в результате пятидесятилетней кровавой борьбы за Вавилонию со стороны ее соседей и завоевания ее касситами. Эта кровавая борьба привела Вавилонию к одной из таких нередких в истории восточных стран катастроф, которые, по выражению Маркса, были способны «обезлюдить страну на целые столетия и лишить всякой цивилизации». «довести до необходимости начинать все сначала»²²⁸.

Касситские племена жили в горах Загроса и страдали там от перенаселения; свои попытки пробиться в Вавилонию они начали еще при преемнике царя Хаммураби Самсуилуне. Касситы жили родоплеменными общинами, и когда им удалось пробиться в Вавилонию, то несколько касситских родоплеменных общин расположились между областью Намар (или Намри) в предгорьях Загроса и Описом на Тигре. Из этих общин особенно выделялась крупная и сильная община Бит-Хаббан, или Бит-Ханби, которая при царях касситской и IV династий пользовалась широкой автономией, а в последующие века временами была самостоятельной и причиняла своим свободолюбивым немало тревог и затруднений ассирийским царям. Другая крупная касситская община, расположившаяся на той же территории, называлась Бит-Карзиябку, или точнее Бит-Карзияшку²²⁹. Ряд более мелких касситских общин расположился здесь же; кроме того, некоторым общинам удалось просочиться и во внутреннюю Вавилонию. Во времена вторжений и смут многие из старых семитских общин, несомненно, были истреблены или разорены; но этот удар по общинному строю был с лихвой перекрыт тем обильным притоком новых общин, полнокровных и сильных, какой принесло с собой касситское завоевание. Все ассириологи единодушно стмечают бросающийся в глаза подъем общинного быта в касситскую эпоху, как специфическую отличительную черту последней.

Но если удар, нанесенный общинному строю кровавыми и разорительными войнами последнего пятидесятилетия эпохи

первой вавилонской династии, был с избытком перекрыт, то удар, нанесенный той же борьбой частному землевладению и частному хозяйству, ничем не мог быть возмещен. Борьба сопровождалась физическим уничтожением многих частных хозяев, которые должны были сражаться против напавших на Вавилонию врагов, и их семейств. Из тех, которые уцелели, далеко не все могли удержать за собой владения. Для этого нужна была санкция касситских царей, которые давали ее с разбором. Царь Агум утвердил владения жрецов вавилонского храма Эсагила и даже освободил их от царских повинностей; но мы ничего не знаем о подобных же актах по отношению к светским землевладельцам. Некоторая часть их все же уцелела, поскольку Каштилиаш I в своем указе о *mescharu* (отсрочке платежей по налогам, арендам и ссудам) дает годовую отсрочку также и арендаторам.²³⁰ Однако арендных договоров, а также документального материала о сделках на куплю-продажу домов, полей и садов и о разделах семейного имущества из эпохи касситской и IV династий, мы не имеем. Это свидетельствует о весьма значительном ослаблении частного землевладения и домовладения в течение рассматриваемого нами периода, является знамением того глубокого хозяйственного и социального регресса, который принесло с собою последнее бурное и кровавое пятидесятилетие древнеавилонского царства.

Единственными и весьма важными документами, в которых мы встречаем данные и формах землевладения и землепользования в эпоху касситской и IV династий, являются кудурру (*kudurru*), царские грамоты о пожаловании земли, начертанные на каменных столбах (стѣлах), которые ставились на границах жалуемых участков земли. В кудурру на первом плане выступает общинное землевладение, ибо жалуемые царями участки земли обычно отчуждались из владений родоплеменных и сельских общин. Но кудурру дают некоторые весьма важные данные также и о частном землевладении. Уже отсюда видно, что Вавилония в области взаимоотношений между общинным и частным землевладением вернулась как будто к условиям, аналогичным тем, какие выступают перед нами в надписи царя Маништусу, т. е. отброшена на полторы тысячи лет назад.

Переходя теперь к анализу данных кудурру, прежде всего отметим хронологические рамки, в пределах которых располагаются кудурру касситской и IV династий. Древнейшие известные нам кудурру относятся к XIV в.²³¹; затем следует перерыв почти на сто лет, после которого в последней четверти XIII века выдача кудурру возобновляется и продолжается почти вплоть до самого конца IV династии²³². Отсюда мы видим, что начало выдачи кудурру совпадает с началом известного общего хозяйственного подъема после четырех

веков глубокого упадка, подъема, внешними показателями которого служат такие факты, как возобновление в конце XV в. царской торговли, особенно с Египтом, царское строительство храмов и оживление деятельности торгово-ростовщического капитала²³³. Однако выдача кудурру в конце XIV в. обрывается и наступает столетний перерыв. Этот перерыв не случаен, и мы увидим ниже, в чем заключается его причина.

Данные кудурру прежде всего характеризует общинное землевладение. Формально оно стоит твердо, ибо по всем кудурру общинные земли, передаваемые царем в пожалование его сановникам и служащим, отчуждаются за определенную плату. Однако на этом основании нельзя говорить о практике вполне добровольных соглашений между царями и общинными коллективами. В кудурру далеко не всегда указываются представители общин, заключающие от имени общин акты о продаже земли; а в тех случаях, когда такое указание имеется, представителем общины является ее глава, *bel biti*, который и обозначается продавцом, причем в одном, уже упомянутом нами случае, глава общины получил от царя за совершение сделки весьма ценный подарок²³⁴. Характерно также, что размер покупной цены и способ ее распределения между общинниками никогда не оговариваются. С другой стороны в кудурру, выданных после указанного выше столетнего перерыва, включается формула угроз и проклятий общинникам и должностным лицам общин, если последние испортят или уничтожат кудурру, или будут оспаривать права нового владельца в суде. И перерыв, и новая формула угроз и проклятий стоят в несомненной связи с восстанием общинников в 1345 году после смерти Бурнабуриаша II и с последовавшими затем случаями возбуждения общинниками судебных исков о возвращении земель, экспроприированных у общин для пожалований по кудурру. Восстание подняли *szabe kaschschí*, т. е. «люди-касситы». Они убили царя Карахардаша, преемника и сына Бурнабуриаша, и посадили на престол Назигубаша, из неизвестного рода, вероятно, из общинных вождей. Жрецы и сановники справиться с восстанием собственными силами не могли и обратились за помощью к ассирийскому царю Ассур-убаллиту, дочь которого была женой Бурнабуриаша II и матерью убитого царя. Ассур-убаллит подавил восстание; но преемникам Бурнабуриаша и Карахардаша пришлось сократить свои аппетиты к общинным землям, ибо восстание было вызвано, несомненно, фактами расхищения общинных земель посредством кудурру, начатого в первой половине XIV в. предшественниками Бурнабуриаша II, а также и чрезмерным злоупотреблением Бурнабуриаша и его предшественников царским правом на принудительный труд общинников в связи с строительством храмов²³⁵. После неудавшегося восстания общинники на время притихли.

тем более, что цари прекратили выдачу кудурру. Но через столет, когда выдача кудурру возобновилась, общинники стали пытаться бороться против расхищения общинных земель путем возбуждения судебных исков, пользуясь ослаблением касситских царей вследствие все усиливавшегося давления на касситское царство со стороны Ассирии. Все эти факты показывают, что система пожалования общинных земель царским слугам фактически носила принудительный характер и по существу была не чем иным, как расхищением общинных земель под формальной маской «покупки» царем общинных земель.

Содействие, оказываемое царям главными и другими руководящими лицами общины при отчуждении общинных земель, несколько не удивительно и вполне понятно, ибо «вожди» общины были обычно сами уже частными хозяевами, занимали нередко одновременно разные должности на царской службе и соблюдали в первую очередь свои интересы, а не интересы общин. С подобным явлением мы встречались уже при рассмотрении надписи Маништусу; через полторы тысячи лет оно возрождается и в кудурру касситской и IV династий выступает в своей ничем не замаскированной откровенности. Таким образом, данные кудурру свидетельствуют о тех же двух линиях зарождения частного землевладения за счет общинных земель, по каким оно началось впервые во второй четверти III тысячелетия: о линии захвата общинных земель в свое владение вождями и о линии расхищения общинных земель, производимого царской властью.

О линии захвата общинных земель вождями имеются важные данные в кудурру царя Мелишипакка, который по этому документу пожаловал землю своему сыну. В этом кудурру мы читаем, что часть жалуемой земли была взята не из общинных владений, а из владений трех домашних или семейных общин (*bitim*), принадлежавших к составу общины Бит-Пири-Амурру. Вся отчужденная земля площадью 84 гур 160 ка находится в этой общине; в том числе (*ina libbi*) значатся один участок собственно общинной земли и три участка отдельных лиц: «дома» (*biti*) Уппуру, царского начальника (*resch scharri*), «дома» Издабада, «начальника стражи ворот» Дур-Куригальзу, царской загородной резиденции, и «дома» Эмалика, плотника²³⁶. При этом из собственно общинных земель взято менее половины всего отчуждаемого комплекса, как это видно из следующей таблицы:

из земель общинного фонда	— 36 гур 110 ка = 167,7 га;
из «дома» Уппуру	— 14 гур 270 ка = 67 га;
из «дома» Издабада	— 26 гур 30 ка = 117,5 га;
из «дома» Эмалика	— 7 гур 50 ка = 32,3 га;
всего	84 гур 160 ка = 380,5 га; ²³⁷

Таким образом, из земель общинного фонда взято около 43% жалуемого владения; остальное взято у семейных общин, владения которых образовались, несомненно, в результате захвата должностными лицами общины выделенных им участков. Характерная черта пожалования заключается в том, что размеры пожалования весьма крупны. Это объясняется тем, что получающий пожалование «слуга царя» Мардук-аплиддин является царским сыном («мое семя», «мой отпрыск»), царствовавшим после Мелишипака, и потому «пожалование» по существу было экспроприацией общинной земли в пользу царского дома²³⁸. Из членов общины, уступивших царю часть своих владений, двое были довольно крупными царскими сановниками, а третий, названный плотником, очевидно принадлежал к числу выборных агентов общины, поскольку он имел довольно крупный наследственный надел. Двое других, быть может, в момент заключения сделки должностными лицами общины не состояли, но это отнюдь не исключено совершенно, поскольку, например, глава другой общины. Бит-Ада, был царским суккалу, а глава общины. Бит-Ахуния был, повидимому, одновременно начальником города (gab alii) Бит-риушу-имаре, как уже говорилось выше, оба они «продали» царям участки общинной земли²³⁹. Сюда надо присоединить еще один интересный случай: царю IV династии «продал» для пожалования 20 гур (90 га) земли из своего «поля вождя», глава общины (bei biti) Бит-пир-шаду-рабу²⁴⁰. Эти факты показывают, что общины касситской эпохи были очень крупными, подобно Дур-Сину и Мараду эпохи Маништусу, и располагали большими территориями, и что их должностные лица получали или захватывали в наследственное владение земельные участки, размеры которых были несравненно выше средних размеров частных владений эпохи первой вавилонской династии и приближались к размерам пожалований первой половины III тысячелетия. По этим данным мы можем также судить о степени опустошения и обезлюдения, какие постигли Вавилонию в течение последних пятидесяти лет первой династии. С другой стороны, эти данные говорят, что поднимавшаяся внутри общин новая родовая и сановная аристократия узурпировала право почти бесконтрольного распоряжения общинными земельными фондами и пользовалась этим правом в своих интересах. В этом отношении очень любопытен еще один случай. Один из членов уже упоминавшейся общины Бит-Хаббан, по имени Сир (Сахан)-Насир, взял из общинных фондов 20 гур (90 га) земли и дал этот участок своей дочери в подарок при выходе ее замуж за царского суккалу Таб-асиб-Мардука, чужого для общины человека. Этот участок был взят Сир-Насиром из специального фонда «женских полей», выделенного в распоряжение общинных вождей для выдачи подарков девушкам,

выходящим замуж внутри общины²⁴¹. Но участок, который подарил своей дочери Сир-Насир, уплыл из общины на сторону.

Лица, получавшие пожалования по кудурру, принадлежали к числу царских слуг, в числе которых, как указано, встречается и царский сын. Только по двум кудурру земли даются храмам. Так, по кудурру Нази-Марутташа из 700 гур (3250 га?) жалуемой земли 494 гура (2123 га?) дается богу Мардуку и 206 гур (927 га?) царскому слуге и по одному кудурру Навуходоносора I даются земли двум вновь построенным храмам. Огромные выходящие из ряда вон размеры этих пожалований вызывают большие сомнения, и возникает вопрос, не допустил ли Штейнметцер, из работы которого мною заимствованы эти данные, ошибки при передаче кудурру Нази-Марутташа²⁴². Но во всяком случае и в эту эпоху не замечается никакого общего поворота в сторону роста храмовых владений; цари чаще всего и теперь, как и прежде, награждают храмы разными льготами и богатыми подарками²⁴³. О размерах нового частного землевладения, как возникшего внутри общин, так и созданного посредством выдачи кудурру, можно судить по следующей таблице (сомнительные цифры кудурру Нази-Марутташа в таблицу не включены, но включена цифра дарения одному храму по кудурру Навуходоносора I, о которой будет еще речь ниже):

I. Владения, возникшие внутри общин:

90+x га (не менее 200) — до продажи части «поля вождя»
117,5 га
67 га
32,3 га

II. Владения, созданные посредством кудурру:

540 га (храму по кудурру Навуходоносора I)
380 га (сыну царя)
225 га
206 га
135 га
90 га (три владения, из них два из эпохи IV династии)
45 га
22,5 га (эпохи IV династии)

Из четырнадцати владений, перечисленных в этой таблице, два наиболее крупные принадлежат храму и сыну царя; далее идут 8 владений средней величины от 225 до 90 га и четыре владения размерами от 67 до 22,5 га — более мелкие. Таким образом, преобладают владения размерами от 90 га и выше. Земли, отчуждаемые по кудурру от общин, даются не в пользование, как в III тысячелетии, а «навечно» (um szati), т. е. в полное владение. Пожалование очень часто

сопровождается дарованием *zakutu*, т. е. освобождением жалуемых земель от всех царских сборов и повинностей и от сборов и повинностей в пользу общинных властей. При этом в кудурру, относящихся к XII—XI вв., как уже было указано выше, прибавляется заключительная формула, запрещающая порчу или уничтожение кудурру и возбуждение судебных исков против новых владельцев, с угрозами самой ужасной карой богов за подобные деяния. Обращение к авторитету богов показывает, что право новых владельцев с формальной стороны было весьма слабо обосновано, по существу вытекало только из царского права распоряжаться всеми землями царства и конкретно базировалось лишь на замаскированном «продажей» расхищении общинных земель. Таким образом, новое частное землевладение, возникшее в XIV—XI в., быстро выросшее и весьма разбухшее, в противоположность частному землевладению эпохи древневавилонского царства было весьма непрочным, несмотря на особое покровительство и льготы со стороны царской власти. Эта непрочность обусловливалась также и тем обстоятельством, что и формально и фактически новое частное землевладение, как и землевладение общинных вождей, было не личным, а семейным, владением семейной общины, которая в касситскую эпоху и в эпоху IV династии заметно укрепилась в сравнении с эпохой древневавилонского царства. Ни о разделах семейного имущества, ни о продаже земельных участков по обычной форме, явлениях, столь частых в эпоху первой династии, мы не имеем из эпохи касситской и IV династии никаких сведений. Но более всего непрочность нового частного землевладения обусловливалась борьбой против него общинников.

Мы уже упоминали, что после восстания 1345 г. общинники не прекратили борьбы, но стали возбуждать судебные дела против новых владельцев. Первый такой факт имел место в сороковых годах XIII века, когда центральная часть Вавилонии была разорена и опустошена ассирийским вторжением. Повидимому, при этом были уничтожены некоторые кудурру, так как одна община, от которой царь Куригальзу III отрезал часть земель для пожалования, возбудила иск к тогдашнему владельцу отчужденных от нее земель, ссылаясь на отсутствие кудурру. Но владелец, получивший землю вскоре после подавления восстания 1345 г., был предусмотрителен и снял копию с кудурру, которую и предъявил суду его потомок-ответчик. Община дело проиграла²⁴⁴. Второй известный нам случай возбуждения судебного иска имел место после смерти Мелишипака, который пожаловал одному из своих сановников посредством кудурру общинные земли, проданные главой общины Бит-Ахуния. Царь умер, не успев оформить акт передачи земли новому владельцу по кудурру при свидетелях. Этим формальным поводом воспользовался один из

членов общины Бит-Ахуня, у которого по кудурру было отрезано 3 гур 20 ка (около 14 га) земли, и предъявил иск к новому владельцу. Царь Мардук-аплу-иддин пустил в ход все свое влияние на должностных лиц общины и на совет города, начальником которого был глава общины, и добился утверждения пожалования. Был составлен дополнительный акт, запрещающий членам общины Бит-Ахуня и соседям возбуждать в будущем судебные иски к владельцам пожалованных земель²⁴⁵. Борьба общин за свои права, однако, не прекращается; напротив, ассирийские вторжения, смуты и эламский погром опять, как и 570 лет назад, чрезвычайно ослабили позиции частного землевладения. Большинство новых владельцев, расхитителей общинной собственности, погибло, а уцелевшие не могли доказать своих прав перед судом после воцарения IV династии, так как эламский царь увез все касситские кудурру в Элам. К эпохе IV династии относятся только пять кудурру; по двум из них дается по 90 га, а по третьему 22,5 га²⁴⁶, так что и размеры дарений стали значительно ниже, чем в касситскую эпоху. По четвертому кудурру, выданному Навуходоносором I и уже упомянутому нами, была дана земля вновь построенному храму, общей площадью в 120 гур (540 га), но в четырех равных участках по 135 га, расположенных в разных местностях и отчужденных, повидимому, не от общин, а от частных владельцев²⁴⁷. Таким образом, при IV династии общинный строй стал опять тверже, как и в первую половину эпохи касситской династии. Кроме указанных здесь фактов, весьма важным показателем укрепления общинного строя при IV династии является пятый кудурру из этой эпохи. Кудурру был выдан также Навуходоносором I и по своему содержанию стоит совершенно особняком от всех прочих кудурру касситской и IV династий. Обстоятельства выдачи этого кудурру таковы. «Города» (пахазани) уже упоминавшейся нами касситской общины Бит-Карзиябку (Карзияшку) при касситских царях получили *zakutu* (освобождение) от всех царских податей и повинностей и от подчинения наместнику области Намар, так что община фактически стала автономной. Но «враги» (ассирияне или эламиты) отняли все льготы и опять включили общину в состав области Намар. Глава общины Ритти-Мардук во время войны Навуходоносора I с эламитами, окончившейся изгнанием эламитов из Вавилонии назад в их горы и опустошением их страны, присоединился со своим ополчением к царю и за это получил от царя кудурру, которым восстанавливалось *zakutu* общины Бит-Карзиябку²⁴⁸. Специфическая особенность этого кудурру заключается в том, что он является льготной грамотой общине, а не грамотой пожалования общинной земли чужому лицу, и укрепляет, а не ослабляет положение той общины, которой он касается.

Таким образом, в противоположность укреплению общинного строя частное землевладение в Вавилонии эпохи IV династии вступает в полосу нового длительного упадка и возрождается только в IX—VII веках, в эпоху великой Ассирийской державы, в состав которой вошла и Вавилония.

2. ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В АССИРИИ

Ассирия до превращения в великую военную державу прошла через долгий период внутреннего развития. В течение этого периода сложился из слияния семитских и хурритских элементов ассирийский народ и разложился древний родоплеменной быт. К середине II тысячелетия разложение последнего уже закончилось и наметились некоторые признаки ослабления также семейных и сельских общин. На этой почве появляются первые ростки частного землевладения в Ассирии. Документальный материал, свидетельствующий о появлении частного землевладения, невелик по своему объему, но весьма показателен по своему содержанию. Он происходит из центра хурритской части Ассирии, города Нузи; но, судя по тому, что некоторые аналогичные обычаи и явления, выступающие перед нами в документах из Нузи, мы встречаем также в ассирийских документах из Каппадокии (второй половины III тысячелетия), надо полагать, что аналогичный хурритскому процесс еще раньше начался также и в семитских частях тогдашней Ассирии.

Из каппадокийских и нузийских документов мы узнаем, что во второй половине III тысячелетия и во II тысячелетии в Ассирии существуют традиционные семейные общины, *nischute*, в состав которых, кроме членов семьи, входили также рабы, купленные или порабощенные иными способами. Эти семейные общины являются в свою очередь составными ячейками сельских общин, которые в документах из Нузи называются сумерским термином *иги*²⁴⁹. Обычное право, которым регламентировался быт семейных общин в Нузи, еще сохраняло некоторые черты, восходящие к эпохе материнских родов. Так, замужняя женщина в Нузи сохраняла право на самостоятельное ведение хозяйства и на самостоятельное владение имуществом, каковые права по кодексу Хаммураби сохранялись только за некоторыми категориями жриц и вдовами. Остатки материнского права особенно ясно выступают перед нами в интересующих нас документах: пионером частного владения полями и садами выступает не мужчина, а женщина, Тулпунаа, из знатного хурритского рода, жена некоего Хашуара²⁵⁰.

В те годы, когда Тулпунаа выступила на поприще стяжательства, в первой четверти XV века²⁵¹, общины области Нузи переживали тяжелые времена. Тогдашний наместник царя

Митанни, Кушшихарбе, проявил себя как наглый грабитель области Нузи. Как видно из жалобы на действия Кушшихарбе, поданной царю жителем иги Аннишу, т. е. общины или общинного центра Аннишу, и из следственных документов по этой жалобе, Кушшихарбе не ограничивался сбором царских налогов и привлечением населения на царские работы, но также заставлял общинников работать и на себя, облагал их поборами в свою пользу и попросту грабил население. Он забирал достойные общинников, чтобы оплачивать работу своих рабочих людей и расширять свои сады; работами на себя он загружал население настолько, что крестьянину приходилось тратить на Кушшихарбе целые дни и работать на себя только по ночам. От Кушшихарбе не отставали его подчиненные, которые даже превосходили своего начальника. Они похищали людей и не выпускали их до тех пор, пока братья похищенных не вносили требуемый ими выкуп; однажды они похитили жену одного общинника и нещадно секли её мужа, чтобы заставить его скорее внести выкуп за жену. Они забирали у населения овец под предлогом требований дворца и якобы в качестве штрафа за небрежную работу по ремонту моста²⁵². Разоренные таким грабительством общинники вынуждены были влезать в долги и попадали в цепкие лапы таких людей, как Тулпунаа и другие, ей подобные. Пользуясь безвыходным положением общинников, Тулпунаа закабаляла их и обращала в рабство посредством разного рода ухищрений и обходов обычая или закона, запрещавшего обращать в рабство своих соплеменников²⁵³. Не ограничиваясь этой формой эксплуатации, Тулпунаа скупала у разорившихся общинников их поля и сады. Способ, посредством которого производилась продажа полей и садов, свидетельствует о том, что Тулпунаа скупала именно наделы и сады общинников, а не частновладельческие поля. Продажа облекалась в форму «усыновления» покупательницы, Тулпунаа, продавцом, т. е. разоренным крестьянином. Последний, став «отцом» Тулпунаа, получал право передать ей, как «дочери», наследственную долю или подарок, не нарушая принципа общинного владения. «Усыновление» производилось перед судьями; затем «отец» передавал своей новоиспеченной «дочери» сад или поле посредством декларации, в которой указывались размеры и границы передаваемого объекта, а «дочь» вручала «отцу» «подарок», т. е. фактически покупную плату. Последняя обычно состояла из одной или нескольких голов скота (быка или нескольких овец) с придачей некоторого количества серебра, а иной раз только из какого-нибудь одного предмета. Обычная формула декларации была такая: «Слово Ватва, сын Табашарри, перед судьями сказал такое: Тулпунаау я усыновил; сад в иги Темтенаш я ей дал, а она дала мне в качестве моей награды лук» (оружие). В данном

случае плата носит чисто формальный характер, так что за этой продажей скрывалось, вероятно, еще долговое обязательство «продавца-отца», который погасил ссуду передачей кредиторам Тулпунае сада²⁵⁴. Только в одном случае «продажа» была облечена в другую форму, так как «продавцами» были три брата, которые, конечно, не могли втроем «усыновить» Тулпунаю; братья передали ей сад в качестве «подарка». Таким способом Тулпунаа приобрела семь садов и не меньше трех полей²⁵⁵, а к стати и нескольких новых «отцов». К сожалению, размеры приобретенных ею садов и полей установить невозможно, так как они указаны лишь в двух документах, но и в этих случаях документы не помогают, поскольку метрические эквиваленты мер длины, применявшиеся в Нузи, до сих пор точно не установлены²⁵⁶. Можно только сказать, что два сада, размеры которых указаны, были небольшими, ибо один имел в длину 20 и в ширину 5 *schepu* или *rigidu*, т. е. «больших локтей», вероятно около 60 см в локте, а четыре стороны другого сада имели в длину 43, 7,9 и 2 таких же локтей.

Мы видим отсюда, что в начале XV века частное землевладение в Нузи делало только свои первые шаги, не было еще признано формально, и покупка-продажа земельных участков, связанных правом общинного или семейного владения, производилась под разного рода маскировками, юридическая фальш которых, конечно, была ясна и для судей. Но в судах сидели старейшины общин, из которых многие сами принадлежали к той же новой группе стяжателей, к которой принадлежала и Тулпунаа, а верховный надзор со стороны царской власти осуществлялся агентами в роде Кушшихарбе и его подчиненных. Как в этом отношении обстоит дело в других областях Ассирии, мы в точности не знаем. Каппадокийские документы конца III тысячелетия говорят, главным образом, о торговых и ростовщических операциях дамкаров, живущих в Ассуре и владеющих там домами; в среде этих дамкаров семейный общинный быт держится еще очень крепко²⁵⁷. Но у нас имеется один очень важный памятник, который показывает, что и в Ассуре, если не в XV, то уже в XIV веке в семейных и сельских общинах весьма усилились богатые элементы, которые тяготились общинными рамками и ограничениями, налагаемыми обычным общинным правом, и стремились завоевать себе формальное право владения полями и садами и свободу распоряжения ими.

Мы имеем в виду таблицу II ассирийских законов, на которую до сих пор обращалось очень мало внимания и которую ни Эгелольф-Кошакер, ни Эбелинг даже не сочли нужным включить в свои издания ассирийских законов, также как и таблицу VI, регулиующую положение долговых рабов в доме кредитора²⁵⁸. Между тем законоположения таблицы II

имеют огромное значение, так как они знаменуют собою поворотный пункт в истории частного землевладения в Ассирии. В этом документе признается право частного владения землею, притом в ущерб семейному и общинному праву, и снимаются основные ограничения, которые до издания этих законоположений препятствовали укреплению и развитию права частного владения землей. Законоположения II таблицы составлены, как и законоположения табл. I, не позднее XIII—XII в.; но некоторые полагают, что они хронологически предшествуют таблице I, и что их надо относить к XIV—XV вв. Во всяком случае этот законодательный акт был издан в связи с ростом частного землевладения и под прямым давлением вновь создавшейся в XV—XIV веках группы частных землевладельцев.

Первая характерная черта законоположений табл. II заключается в том, что они наносят прямой и тяжелый удар семейной общине. Статья I первого раздела табл. II уничтожает традиционное равенство братьев при разделе семейного имущества и при конкретном определении преимущественного права старшего брата идет дальше расплывчатых шумерийских обычаев или норм конца III тысячелетия. Статья точно определяет, что старший брат имеет право на $\frac{2}{3}$ наследственного имущества и, кроме того, предоставляет ему право выбрать и взять себе первую треть по своему усмотрению. Остальные две трети наследственного имущества делятся по жребью, одна идет старшему брату, другая — младшим братьям, которые делят ее поровну. Таким образом, уже при наличии только двух братьев старший получает вдвое больше младшего; если же братьев больше двух, то перевес старшего брата становится еще более ощутительным. Это постановление, точная параллель к которому на древнем Востоке встречается только в израильско-иудейском праве царской эпохи, по существу вело к разрушению семейной общины вследствие неминуемой пауперизации младших братьев: именно на почве такой пауперизации ассирийские цари в IX—VIII вв. могли создать наемную армию, состоявшую не из чужеземцев, а из ассирийцев, а в Израиле могли появиться многочисленные кадры наемников²⁵⁹. Закон не останавливается на утверждении преимущественного права наследования для старшего брата, но идет навстречу индивидуалистическим тенденциям внутри семейной общины также и в некоторых других случаях. Так, по закону первого раздела II табл. выделенные из семейной общины братья не несут ответственности за преступления и правонарушения невыделившихся: если невыделившийся брат убьет «живое существо» (раба, скотину или чьего-либо родственника), то выделенные братья выдают его головой «господину» убитого животного, и к этому лицу переходит также наследственная доля убийцы

(ст. II). Если один из братьев будет прекословить при разделе по новому закону или уйдет из семьи, то царь «сделает с его частью, что захочет» (ст. III). Наконец, закон первого раздела табл. II устанавливает, что если кто-либо из братьев обработает за свой счет и своими средствами участок земли, то весь урожай с этого участка принадлежит ему, и любой из прочих братьев, который стал бы претендовать на этот урожай, несет ответственность перед судом (ст. IV). Эта статья особенно интересна в том отношении, что она открывает лазейку, через которую частнохозяйственное начало могло проникнуть и в неразделившуюся семейную общину²⁶⁰.

Второй раздел таблицы II, из которого сохранилась только статья VI, устанавливает процедуру купли-продажи полей и домов. Эта процедура очень своеобразна; она показывает, что купля-продажа полей и домов была еще новым явлением, и что такие сделки часто опротестовывались лицами, которые имели те или иные права на продаваемый объект. Ст. VI устанавливает, что покупатель обязан огласить во всеобщее сведение свое намерение купить дом или поле, с точным наименованием владельцев и точным указанием местонахождения покупаемого объекта. Оповещение производится через официального глашатая (*naschi*) три раза в течение месяца «посредине Ассура» и «посредине города» в присутствии специального трибунала, который в Ассуре состоит из одного суккалу «со стороны царя», писца Ассура, царских *kipute*, т. е., вероятно, членов трибунала, назначенных царем²⁶¹, и глашатая, а в «городе» — в присутствии хазану, т. е. назначенного царем начальника города, и трех *gabim*, вероятно, старейшин «города». В оповещении покупатель приглашает всех лиц, имеющих документы на право владения покупаемым объектом или какие-либо претензии, пусть представят их (документы и претензии) *kipute* (членам трибунала): «пусть заявят, пусть расплатятся, пусть возьмут в целости дом и поле». О каждом из трех оповещений составляется трибуналом официальный акт. Согласно этим оповещениям, трибунал рассматривает представленные в течение месяца документы и претензии, и «каждый из них (представивших), кто будет в праве по отношению к своему полю, возьмет его себе». Если же в течение месяца никаких документов и претензий не будет представлено, то трибунал выносит такую резолюцию: «кто не заявил, теряет право; они (члены трибунала) берут сторону того, кто делал оповещения».

В описанной процедуре не все для нас ясно, отчасти потому, что в двух местах текст статьи VI испорчен, отчасти потому, что статья подразумевает определенные возможности злоупотребления со стороны продавца, которые обычно встречались на практике и потому не нуждались в разъяснениях, но для нас остаются не вполне ясными. Прежде всего не

совсем ясно, почему оповещение делается в Ассуре и в «городе». Под «городом», конечно, надо разуметь тот город, в котором находится продаваемый дом, или центр той области, в которой находится продаваемое поле. Но непонятно, почему ст. VI не ограничивается указанием на «город», а говорит также об оповещении в Ассуре. Кошакер полагает, что процедура первоначально имела в виду только сделки в Ассуре и лишь впоследствии была распространена на всю Ассирию, вследствие чего и было вставлено указание на процедуру оповещения в местном городе и был определен состав тамошнего трибунала. Исходя из толкования Кошакера, можно было бы заключить, что в окончательном виде ст. VI предписывала производить оповещение или в Ассуре или в другом городе соответственно местонахождению продаваемого объекта²⁶². Однако нам кажется, что такое понимание будет неправильно, ибо из статьи VI совершенно ясно, что трибуналы в Ассуре и в «городе» неравноправны, что решающей инстанцией является не тот или иной трибунал соответственно местонахождению продаваемого объекта, а только трибунал в Ассуре. Оповещение через *paschi*, официального глашатая, производилось только в Ассуре по приказу тамошнего трибунала; этот же трибунал составлял акты о трехкратном оповещении и выносил резолюцию²⁶³; никаких указаний на то, кто и как делает оповещение в «городе» и какие акты там составляются, в тексте ст. VI не имеется. Нам представляется, что оповещение в местном городе имело подсобный характер, производилось там по поручению трибунала в Ассуре, и местная коллегия только пересылала в Ассур поступившие к ней документы и претензии. При таком понимании процедуры её характер будет вполне соответствовать общему принципиальному положению, согласно которому царь на Востоке являлся верховным собственником и распорядителем всех земель и блюстителем прав всех тех коллективов и отдельных лиц, владевших или пользовавшихся землей. Как мы видели выше, в древнеавилонском царстве царь постоянно осуществлял свое право верховного владельца всех земель, хотя в законах, по крайней мере в дошедших до нас, это право не оговаривается. В Ассирии XIV—XIII вв., на поворотном этапе в истории права владения землей, закон, идя навстречу частному новому праву, все же напоминает и утверждает царское право, но делает это в интересах продавцов и покупателей, представителей нового частного землевладения. Трибунал в Ассуре состоит исключительно из царских агентов—«суккалу со стороны царя», «царских *kipute*» и писца Ассура; этот трибунал призван обеспечивать права землевладельцев и домовладельцев не только по старому общинному праву, но и особенно по вновь нарождающемуся частному праву. Ст. VI обеспечивает новое частное право прежде всего тем, что она

гарантирует покупателю прочное беспорочное владение купленным полем или домом, ликвидируя или отстраняя предварительно после истечения месячного срока все возможные протесты и претензии. Выгода покупателей здесь заключается в том, что лица или коллективы, не успевшие в течение месяца заявить свои протесты или претензии, лишаются права спорить против покупки, хотя бы протест или претензия были вполне беспорочны. Но ст. VI обеспечивает новое частное право не только таким способом. Мы увидим это, если рассмотрим вопрос, кто мог заявлять права или претензии по отношению к покупаемым объектам. Совершенно ясно, что такие права или претензии могли предъявлять власти и члены тех коллективов, к которым принадлежали продавцы. Могли быть и, вероятно, бывали случаи, когда маломощный общинник был вынужден продавать свой надел; но, как показывают документы из Нузи, такая продажа не допускалась, по крайней мере без согласия общины. Могли быть и, вероятно, бывали случаи, когда неразделившийся брат пытался продать либо свое право на наследственную долю, либо обработанный им лично и за свой счет участок неразделенного поля. В таких случаях право владения формально оставалось за общиной или семьей, и продавец, хотя бы и был фактическим владельцем продаваемого объекта, права на продажу не имел. Но кроме членов общин могли быть и частные лица, заинтересованные в продаваемом объекте. Тут, в первую очередь, надо иметь в виду кредиторов продавца. Правда, мы не располагаем ассирийскими документами или законоположениями, говорящими об обеспечении долга полем или домом; но такая практика существовала в Вавилонии, и мы имеем право предполагать ее существование также и в Ассирии. Тогда будет понятно выражение в формуле оповещения «пусть расплатятся»: оно может относиться не только к такому протестующему, который уже купил продаваемый объект, но еще не заплатил денег, но также и к продавцу, если он имеет на себе долг, и кредитор предъявил протест против продажи объекта, обеспечивающего уплату долга. К сожалению, в нашем распоряжении нет таких данных, которые характеризовали бы применение ст. VI на практике, и потому мы лишены возможности определить, в какую сторону больше клонились решения трибунала — в сторону защиты общинного права или в сторону защиты частного права.

Третий раздел табл. II, самый обширный, посвящен защите частных владений от всяких правонарушений и убытков. Такая защита, как мы видели в предшествующих разделах нашего этюда, фигурирует в сумерском кодексе и кодексе Хаммураби; с такой же защитой мы встречаемся в законах XII таблиц²⁶⁴ — черта, весьма характерная для всех первых кодексов законов, происхождение которых всегда стоит в связи

с появлением частного хозяйства и частного права владения или собственности, и основная цель которых заключается в подведении под частное хозяйство и владение формальной юридической базы. Постановления III раздела табл. II ассирийских законов особенно интересны в том отношении, что они защищают частного хозяина и владельца от всяких правонарушений и убытков гораздо решительнее, чем сумерские, вавилонские и даже римские законоположения. Последние три кодекса рассматривают нарушение границ, поправу и покражу плодов и зерна только с точки зрения того убытка, какой терпит владелец от подобного рода действий, и устанавливают для каждой категории подобных правонарушений определенное возмещение убытков в серебре или в натуре. Ассирийский закон рассматривает подобные правонарушения как уголовные деяния и кроме возмещения убытков устанавливает еще уголовную кару. Так, за повреждение чужого дома виновный вносит талант свинца, получает 50 ударов плетьюми и посылается на месяц работы «на дом царя», очевидно, вне очереди ²⁶⁵. За злонамеренную передвижку межевых знаков с целью уменьшить чужое и увеличить свое владение виновный отдает потерпевшему участок из своего поля втрое больше захваченного, получает 100 ударов плетьюми, месяц работы «на дом царя», и, кроме того, ему отсекают палец; в других случаях менее важных и злонамеренных передвижений границы отсечение пальца заменяется штрафом в талант свинца и вместо 100 ударов плетьюми назначается 50 ударов, но все же при тройном возмещении захваченной площади. За вырытие водоема или насыпку дамбы целиком или частью на чужой земле виновный лишается водоема и плотины, получает 30 ударов и 20 дней царской работы; за постройку кирпичного завода на чужой земле виновный возмещает втрое захваченную площадь, получает 50 ударов и месяц царской работы, а выделанный кирпич берет себе владелец захваченного участка. Закон II таблицы ограничивается возмещением убытков только в двух случаях. В первом случае, если кто насадит на чужом поле сад и делает водоем для его орошения, и если владелец поля «видит это» (т. е. не препятствует), насадивший берет сад себе, но возмещает владельцу поля своим полем. Во втором случае, если насаждение сада на чужой земле производится в отсутствие владельца поля, владелец по своем возвращении и изобличении насадившего берет сад себе и получает от нарушителя возмещение убытков ²⁶⁶.

Возникает вопрос, почему понадобились такие крутые меры против нарушителей прав и интересов частных владельцев. Мы полагаем, что причина этого заключалась, по всей вероятности, в частых, распространенных фактах нарушения границ и вредительства со стороны соседей или прежних однообщинников, которые твердо держались своего традиционного права

и ненавидели новое грабительское право и, быть может, даже демонстративно производили нарушения границ частных владений, образовавшихся внутри общин, и допускали в разных формах самоуправство. Закон стремится ударить по таким тенденциям и внушить страх перед новым правом владения, приравнивая нарушение его к уголовному деянию. Опять приходится пожалеть, что у нас нет никаких известий о тех конфликтах, которые происходили в процессе образования частных владений и побудили царскую власть принять для защиты нового права такие драконовские меры. Но совершенно очевидно, что общинники вели открытую упорную борьбу за свои права и интересы, и путь, пробиваемый себе новым частным хозяйством и частным правом, давался ассирийским сподвижникам Туллунаи, Кушшихарбе и им подобным хищникам, нелегко и недешево.

Из последующих веков вплоть до начала VIII века, когда Ассирийская военная держава достигает высшей точки своего могущества, до нас не дошло почти никаких документов, которые позволили бы судить о дальнейшем развитии частного землевладения. Из VIII и VII веков мы имеем в своем распоряжении три категории документов, характеризующих частное землевладение и землепользование в эту эпоху. Первая категория — это около двадцати льготных грамот, которые были даны разными царями их заслуженным сановникам и предоставляли их полям и садам свободу (*zakutu*) от всяких царских сборов и повинностей. Вторая категория — это акты купли-продажи полей и домов; в сравнении с эпохой древневавилонского царства число таких актов незначительно. Третья категория, стоящая по числу документов на последнем месте — это договоры на аренду полей. Кроме того, есть несколько упоминаний о частновладельческих полях в письмах из архива ассирийских царей VIII—VII в. Основной недостаток всех документов этих категорий заключается в том, что они не дают вполне точного представления о размерах частного землевладения ни со стороны численности частных владельцев, ни со стороны площади частных полей и садов. Последний пункт в льготных грамотах вообще не оговаривается, а в значительной части актов купли-продажи соответствующие данные в тексте утрачены. Поэтому для Ассирии VIII—VII вв. мы не можем дать такой же развернутой характеристики частного землевладения, какую нам удалось дать по отношению к частному землевладению в древневавилонском царстве.

Прежде всего мы должны остановиться на одной характерной черте, отличающей частное землевладение рассматриваемой эпохи от частного землевладения III тысячелетия и древневавилонского царства. Если судить по дошедшим до нас документам, то в Ассирии VIII—VII вв. частное землеполь-

зование на основе царского пожалования было развито весьма слабо. Ни одной царской грамоты о пожаловании земли в кормление мы не имеем; есть только одно определенное упоминание о таком пожаловании поля в 10 имеров (7,3 га) в царской переписке²⁸⁷. Кормление сановников в Ассирийской державе осуществлялось главным образом другими способами. В провинциях выделялись специальные районы, население которых было обязано выплачивать особые сборы в пользу определенных придворных сановников; последние часто занимали также одновременно должности в провинциальной администрации и в связи с этим также пользовались сборами с местного населения, не брезгуя при этом, подобно своим собратьям из Нузи XV века, прямым грабежом. Грабеж направлялся не только на скот, продукты земледелия и серебро управляемых; некоторые сановники доходили до того, что захватывали дома, поля, рабов и все имущество своих жертв. Ряд жалоб на подобные преступные деяния сановников, управляющих провинциями и областями, и даже жрецов мы находим в переписке ассирийских царей VIII—VII вв. Так, при Саргоне один наместник захватил усадьбы и поля у двух лиц и в свое оправдание ссылался на царское распоряжение, которого он якобы «не понял». Особенно много жалоб было при Асаргаддоне и Ассурбанипале. При Асаргаддоне один вновь назначенный наместник послал вооруженный отряд, который захватил рабов, поля и сады жалобщика; при Ассурбанипале один сановник отнял у царского слуги его кормление (atakal), которым жалобщик пользовался 14 лет, и при этом разграбил его дом. Также при Ассурбанипале один жрец захватил чужой дом, поле и рабов, но постарался обеспечить себя от преследования составлением фиктивного документа. По всем этим делам решения царя остаются неизвестными; есть только указ Ассурбанипала по одной из других жалоб о возвращении жалобщнику захваченного у него поля. Много других жалоб дошло до нас в очень плохом виде, так что невозможно установить в точности их содержание. Так «кормились» провинциальные сановники. Сановники, состоявшие при дворе, кроме указанных выше сборов с населения определенных областей получали еще регулярные выдачи из поступавших в царскую казну натуральных налогов, а иногда также ценные подарки из царской сокровищницы. Кроме того, они не стеснялись и сами воровать из казны дворцов и храмов, так что сложилась даже поговорка: «злодей и его сын во дворце входят и выходят (свободно)»²⁸⁸.

Некоторые наиболее отличившиеся сановники, главным образом из военачальников, получали от царя еще земли во владение, становившиеся «собственным домом» жалуемого сановника. В этих случаях земля давалась не в качестве кормления или регулярного вознаграждения за службу, а в

качестве награды за особые заслуги. Все льготные грамоты на такие земли совершенно одинаковы, составлены по одной и той же форме, в одних и тех же выражениях с различием только в именах царей и пожалованных лиц²⁶⁹; образом для них до известной степени послужила упоминавшаяся выше грамота Ритти-Мардуку, выданная Навуходоносором I, царем IV вавилонской династии. Пожалования такого рода входят в практику при Адад-Нирари IV (805—732), от которого дошли четыре льготные грамоты; далее имеются две грамоты Тиглат-Пилесера III, две — Саргона, четыре — Ассурбанипала и две от двух преемников Ассурбанипала, последних слабых ассирийских царей²⁷⁰. В грамотах освобождаются от всех царских сборов и повинностей поля, сады и люди владельца; льгота дается только на те сады и поля, которые получены данным сановником «под покровительством царя», т. е. по царскому пожалованию. Отсюда мы должны заключить, что у награжденных могли быть и были также наследственные и приобретенные ими посредством покупки поля и сады. Есть документы, свидетельствующие о том, что сановники иногда сразу покупали по несколько домов, садов и полей. Один сановник Санхериба, Илу-амар, бывший где-то царским наместником, купил у одного лица сразу два сада, 2,2 га поля и 6 рабов с женами, всего 12 «голов», в том числе одного садовника и одного пахаря. Другой сановник Ассурбанипала — Римани-Рамман купил сразу три поля, семью рабов в пять «голов» и 44 га поля. Третий, Набулиу, оставил нам любопытный документ — межевой камень (кудурру), в надписи на котором перечислялись все приобретения, сделанные им в течение царствований Салманассара и Саргона, в том числе поля, финиковые сады и дома. Из числа шести приобретений, сделанных Набулиу, три были сделаны посредством покупки, одно получено в обмен и два были присуждены Набулиу судом в возмещение долга прежних владельцев²⁷¹.

Таковы данные о крупном частном землевладении, которое образовалось на почве царских пожалований заслуженным сановникам и в результате их собственного стяжательства. К сожалению, эти данные далеко не достаточны, и остается очень много неясных моментов. Ясно, что эта группа крупных землевладельцев была немногочисленной, насчитывала, вероятно, всего несколько десятков лиц. Но совершенно неясны размеры крупных земельных владений. Льготные грамоты умалчивают о размерах пожалованных полей и садов; один акт о покупке говорит о поле в 44 га, которое покупатель присоединил к своим прежним владениям. Надо полагать, что средний размер владений сановой группы должен был колебаться в пределах между 50—100 га на одно лицо. Такие же размеры надо предполагать и для владений, принадлежавших храмам. Документальных данных о земельных владениях

ассирийских храмов очень немного. Имеются сведения о поле храма Набу в Дур-Шаррукине и о «садах богов» в Ассуре — бога Ассура, в Калахе — бога Набу и в Ниневии — богов Ассура и Сина²⁷²; кроме того, есть несколько общих замечаний о владениях храмов в разных царских надписях. Храмовое землевладение во всяком случае по своим размерам не уступало крупному частному землевладению. В заключение нашего обзора частного крупного землевладения в Ассирии VIII—VII вв. мы должны отметить, что его масштабы по размерам площади владений были значительно выше масштабов крупного землевладения в древнеавилонском царстве. Это отчасти объясняется общими условиями социально-политического развития Ассирии, более благоприятными для частного хозяйства и частного землевладения, чем в Вавилонии, отчасти тем, что в Ассирии самым главным источником этой категории землевладения были щедрые царские дарения.

Более определенные данные мы имеем о размерах полей средних и мелких землевладельцев. В документах имеются следующие данные о размерах площади отдельных полей этой группы: 44 га, 25,7 га, 10,3 га, 8,8 га, 4,4 га, 2,9 га, 2,4 га, 2,2 га и 600 кв м²⁷³. Если эти данные в известной мере отражают действительность, то надо признать, что и средний размер частных средних и мелких владений в Ассирии был также выше, чем в древнеавилонском царстве. Это тем более вероятно, что, как было указано выше, ассирийское право наследования давало огромное преимущество старшему сыну. Из договоров о сдаче в аренду полей мы имеем три размера: 0,73 га, 1,7 га и 4,4 га; следовательно, и в Ассирии, как и в древней Вавилонии, сдаются в аренду главным образом мелкие участки²⁷⁴. Что касается размеров домовых участков или домов, то ни в одном из трех документов о сделках с домами в собрании Пейзера данные о размерах домов не сохранились, но сохранились указания на продажные цены. Если исходить из халдейских цен той же эпохи, то при цене в 20 секелей с сапу = 12 кв м мы получим размер одного проданного дома в 120 кв м, другого — в 36 кв м и третьего — около 20 кв м²⁷⁵. В данном случае никакой разницы с древнеавилонскими нормами не замечается. К сожалению, более точных и подробных выводов о масштабах ассирийского домовладения VIII—VII вв. при наличном материале мы сделать не можем. Отметим только, что число актов о продаже домов вдвое меньше числа актов о продаже полей, в то время как в древнеавилонском царстве отношение было обратное. Отсюда ясно, что владение домами и их приобретение не занимали в Ассирии такого важного места, как в Вавилонии. Но зато ассирийские дамкары усиленно занимались арендой полей с ростовщическими целями. До нас дошла специальная категория «арендных» договоров, согласно которым дамкар

дает владельцу поля ссуду и получает «в аренду» на 4—6 лет поле заемщика; в течение этого срока «арендатор» пользуется всеми доходами с поля и таким путем выколачивает капитал с процентами, доходившими до $\frac{1}{4}$ капитала. Оппер, который первым обратил внимание на эту категорию документов, считает их не долговыми, а документами о покупке или аренде; однако, как совершенно ясно показывает один из документов, хорошо сохранившийся, это были долговые обязательства под маской аренды ²⁷⁶.

Из нашего обзора истории частного землевладения в Ассирии видно, что источниками права частного владения землей там были ростовщические операции, покупка земельных участков, царские пожалования землей в качестве награды за особые заслуги, а также, и в особенности, разделы семейного имущества, о которых речь будет ниже. Захваты общинных и вообще чужих полей также практиковались в Ассирии, но, к сожалению, в документах этот источник права частного владения не выступает с достаточной определенностью. Все это — те же самые источники, с которыми мы встречались в Сумере и в Вавилонии. Из них царские пожалования земли во владение, как и в Вавилонии, выступают позже всех прочих источников частного права, но имеют гораздо большее значение, а покупки земельных участков, судя по числу актов о купле-продаже земли, наблюдались реже, чем в Вавилонии конца III и первой четверти II тысячелетия. Зато семейные разделы играли значительно более важную роль, чем в Вавилонии, благодаря особенностям ассирийского наследственного права.

Эта черта подводит нас к вопросу о взаимоотношениях, существовавших в Ассирии VIII — VII вв. между общинным и частным землевладением. К сожалению, для полного ответа на этот вопрос мы не имеем достаточных данных. Сельская община и ее члены в дошедших до нас документах, касающихся частного землевладения, почти совсем не выступают ²⁷⁷. Что касается семейной, или домашней общины, то последняя не раз выступает в актах и других документах, касающихся частного землевладения. Из некоторых документов видно, что и в VIII—VII вв. продолжалось разложение семейной общины изнутри, ослаблявшее ее позиции. Так, из одного документа видно, что отец делает завещательное распоряжение, не стесняясь установленным по закону кругом обязательных наследников и порядком распределения между ними наследственного имущества. Отец распределяет поле пополам таким образом: 6 имеров (4,4 га) отдает своему брату и по три имера (2,2 га) дает каждому из своих сыновей. Повидимому, здесь по существу идет дело о слиянии двух семейных общин — слабой общины завещателя и сильной общины его брата. Из другого документа, жалобы не-

кого Шузуби царю Ассурбанипалу, видно, что внутри семейных общин происходили весьма острые конфликты из-за владения землей. В данном случае брат Шузуби, повидимому, захватил себе после смерти отца все поля «отцовского дома» и стал, таким образом, единственным наследником²⁷⁸. Такие случаи были, конечно, не единичными и создавали весьма благоприятную почву для развития частного землевладения. Однако семейная община все же была очень живучей и еще могла оказывать известное задерживающее влияние на ход развития частного землевладения. Частное землевладение, несомненно, в значительной мере растет за счет разложения маломощных семейных общин. Так, имеется один акт продажи четырьмя братьями 10,3 га поля, сада и, повидимому, усадебного участка с постройками, т. е. всего владения, кроме хозяйственного инвентаря и скота; плата была получена не в серебре, а в бронзе, из чего мы можем заключить, что братья-продавцы хотели перейти с сельского хозяйства к ремеслу, на весьма выгодную тогда обработку бронзы. Но в этом же акте имеется формула, часто встречающаяся и в других актах купли-продажи земли, обеспечивающая нового владельца от возможных претензий как самих продавцов, так и их сыновей и внуков; в трех документах, где продавец один, формула упоминает также его братьев²⁷⁹. Включение в акты купли-продажи этой формулы показывает, что семейная община нелегко расставалась со своим владением и что далеко не всегда ликвидация семейного владения целиком или частью происходила по доброй воле членов общины. Семейная община стремилась при благоприятном условии возродиться; это учитывали и покупатели и благопритествовавший им закон, и защищавший их права суд, и потому по требованию покупателей включалась указанная выше формула, исключающая в будущем всякие претензии к покупателю со стороны продавцов и их потомства вплоть до внуков. Таким образом, формула по существу имеет в виду права не отдельных лиц, а круга лиц, не лично покупателя и продавца, а их семейных общин.

Резюмируя итоги нашего обзора частного землевладения в Ассирии, мы видим, что частное землевладение в Ассирии в сравнении с древневавилонским развивалось гораздо быстрее и в количественном отношении достигло значительно более высокого уровня, чем в Вавилонии. Частное землевладение в Вавилонии прошло путь от своего зарождения до своего признания и утверждения в законе царя Хаммураби в течение шести-семи веков; в Ассирии частное землевладение прошло такой же путь в три раза быстрее, в течение двух веков, протекших от эпохи нузийских документов до издания ассирийских законов. Как мы видели, и масштаб крупного и среднего землевладения по площади отдельных владений

в VIII—VI вв. также был значительно выше, чем в древневавилонском и, как будет видно ниже, в халдейском царстве. Удельный вес частного землевладения и частного сельского хозяйства в Ассирии мы, к сожалению, не можем определить даже в приблизительных цифрах, так как документы не дают нам никаких точек опоры для определения числа частных землевладельцев. Но вся история частного землевладения в Ассирии и условия его бытования в VIII—VII вв. говорят за то, что и удельный вес ассирийского частного землевладения и частного сельского хозяйства надо считать значительно более высоким, чем в Вавилонии. Такой более высокий и более быстрый количественный рост частного землевладения в Ассирии был обусловлен целым рядом обстоятельств, в особенности более быстрым и более острым процессом разложения семейной и, быть может, сельской общины и широкой практикой царских пожалований земли во владение в VIII—VII веках. Но с качественной стороны частное землевладение не смогло перешагнуть за уровень, достигнутый в древневавилонском царстве. Удельный вес его все же не мог достигнуть такой степени, при которой частное сельское хозяйство становится руководящим, ибо кладовые и закрома дворцов и храмов наполнялись, как и в Вавилонии, зерном и другими продуктами не из частных хозяйств, а от трудового сельского населения, в порядке взимания ренты-налога. И правовое положение частного землевладения в Ассирии не смогло перешагнуть черту, отделяющую право владения от права собственности. Возникает вопрос, весьма важный и интересный, о выяснении тех местных условий, которые в Ассирии способствовали более быстрому и более чувствительному, чем в Вавилонии, разложению семейных и сельских общин, на почве которого главным образом и развивалось ассирийское частное землевладение. Вопрос этот заслуживает специального исследования; при теперешнем состоянии наших знаний о раннем периоде истории Ассирии можно строить только предположения. В частности, можно считать несомненным, что в данном случае значительную роль играли два фактора — фактор физико-географический и обусловленный им фактор рано появившихся симптомов перенаселения Ассирии. Но эти соображения далеко не исчерпывают вопроса и могут служить лишь исходной рабочей гипотезой.

3. ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ВАВИЛОНИИ IX—VI в.

Переходим теперь к последнему вопросу нашего исследования, к обзору частного землевладения в Вавилонии после конца IV династии и далее, вплоть до персидской эпохи. В хронологические рамки нашего исследования войдет период с середины IX до конца VI в., т. е. от времени Салманас-

сара III до Дария Гистаспа. В промежутке между концом VI династии и VIII династией, которая начала править Вавилонией в 990 г., юго-западная часть Вавилонии постепенно была занята семитским племенем халдеев. В IX веке халдеи частично проникли уже в центральную часть Вавилонии, а в VIII в. не раз захватывали даже и Вавилон и сажали там своих царей. Халдеи пришли из оазисов Аравийской пустыни и только при оседании в Вавилонии стали выходить из родоплеменного кочевого быта. Они селились родоплеменными и родовыми общинами; некоторые из халдейских общин известны нам из ассирийских источников, например, крупные общины Бит-Дакури, Бит-Басихи, Бит-Амуккану и более мелкие общины Бит-Хараху, Бит-Нуриа и другие²⁸⁰. Таким образом, общинный быт в Вавилонии опять получил приток новых сил, и это обстоятельство придало своеобразный оттенок общественным отношениям в Вавилонии IX—VI вв. Параллельно усилились оба противоположных сектора вавилонского общества: в то время как усилился общинный быт в южной части Вавилонии и халдейские общины проникли также и в центральную часть Вавилонии, в старых центрах последней — Вавилоне, Сиппаре и Ниппуре — получили новое развитие и усилились частновладельческие элементы. Усиление этих последних шло по линии роста торгово-ростовщического капитала, представители которого, вавилонские, сиппарские и ниппурские жрецы и дамкары, использовали в своих интересах те новые возможности для расширения своих операций, какие открывались перед ними со времени образования великой военной Ассирийской державы и при том покровительстве, какое им постоянно оказывали ассирийские цари. Именно в ассирийско-халдейскую эпоху образовался и расцвел дом ростовщика Эгиби в Вавилоне; несомненно, что и другой крупнейший ростовщический дом, Мурашу в Ниппуре, основался также при халдейских царях, и дошедший до нас из персидской эпохи архив Мурашу составляет только часть архива этого дома. Таким образом, в халдейской Вавилонии усилились оба полюса, — и общинновладельческий и частновладельческий, поскольку многие ростовщики одновременно были также крупными домовладельцами и землевладельцами. Поэтому в документах мы нередко наталкиваемся на известную противоречивость, когда рядом с чертами, свидетельствующими о несомненном усилении позиций частновладельческого сектора, выступают черты, властно напоминающие об обычаях и влиятельности общинно-родового строя.

В этом отношении особенно любопытна одна формула, обычно встречающаяся в документах о купле-продаже домов и полей, начиная с середины IX века и кончая началом V века²⁸¹. Эта формула (с незначительными вариантами) гласит: «На вечные времена: если кто из сыновей, братьев.

рода (kimtu), домашней общины (nischutu) и родства мужского и женского (salatu) продавца скажет: поле или дом не продано, деньги не получены — то платит деньги в двенадцатикратном размере против полученной им суммы»²⁸². Такой формулы в эпоху древневавилонского царства не было; тогда в акты включалось только либо обязательство обеих сторон не возбуждать друг против друга никаких исков, либо обязательство продавца и его наследников не возбуждать никаких претензий к покупателю, иногда подкрепленное обязательством продавца отвечать за претензии, какие могут быть предъявлены его братьями и сестрами, т. е. членами домашней общины²⁸³. Точно так же и аналогичная ассирийская формула, как мы видели выше, имеет в виду устранение претензий только со стороны продавца и его наследников до внуков включительно. Формула вавилонских документов IX—VI вв. имеет в виду устранение претензий не только со стороны семейной общины продавца, но и того рода, к которому принадлежит семейная община продавца, и устанавливает весьма высокий штраф за возбуждение претензий по поводу проданного имущества. И упоминание рода и «родства» продавца, и введение высокого штрафа свидетельствуют о том, что формула имела весьма важное значение и была введена в связи с той борьбой, которую, очевидно, нередко начинали члены рода продавца в случаях продажи земельных участков, находившихся в наследственном пользовании или владении отдельных членов рода и выделенных последним из земельных фондов родовой общины. Один случай такого рода засвидетельствован документально. При Асаргаддоне халдейской родоплеменной общиной Бит-Дакури управлял ее собственный царек или князь (schaggu) Шамаш-Ибни. Община Бит-Дакури была подчинена Ассирии еще Саргоном, и таким образом Шамаш-Ибни был вассалом Асаргаддона. Он восстал против Асаргаддона, отнял поля у жителей Борсиппы и Вавилона и у некоторых вождей Бит-Дакури, в том числе у Мушизиб-Мардука. Последний владел в различных дочерних общинах Бит-Дакури полями двух категорий — отцовскими в Бит-Хараху и купленными в Бит-Нуриа; Шамаш-Ибни отнял у него и те и другие. После подавления восстания сын и наследник Мушизиб-Мардука Рамман-Ибни, получил все эти владения обратно на основании грамоты, выданной ему по приказу Асаргаддона вавилонским царем Шамаш-шум-укином. Мы видим из этого случая, что не только формальное право, но и царская власть решительно становится на сторону права частных владельцев против претензий со стороны родоплеменных и родовых общин, потерявших участки из своих земель в пользу частного владения²⁸⁴.

Как и в предшествующие эпохи, царская власть в Вавилонии IX—VI вв. усердно поддерживала права землевладель-

цев, как частных лиц, так и храмов. Что касается частных лиц, то царская власть не только оказывала им прямую поддержку, но также активно участвовала в нарушениях общинного права владения и в создании новых частных землевладельцев. В последнем отношении царская власть в Вавилонии халдейской эпохи пошла по пути, указанному ассирийскими царями. Подчиненные Ассирии вавилонские цари второй половины VIII века жалуют своим сановникам «на вечные времена» земли, заимствованные из общинных земельных фондов. До нас дошел в очень хорошо сохранившемся виде кудурру Мардук-аплу-иддина II (722—711 гг.), который пожаловал своему сановнику Бел-ахе-рибу, вавилонскому градоначальнику, свыше 99 гур (около 130 га) полей и садов из *ekli rixat schaggi* — «фонда полей царя», находившегося в непосредственном ведении царя, но в пределах четырех общин, Бит-Ашани, общины (*ugar*) канала Сури, общины (*ugar*) Набиру и общины (*ugar*) Дунниедини, и формально, конечно, принадлежавшего этим общинам²⁸⁵. Кудурру не предоставляет Бел-ахе-рибу свободу (*zakutu*) от царских податей и повинностей, ибо такую льготу мог дать только ассирийский царь; но по образцу касситских кудурру и этот кудурру грозит самыми лютыми карами богов всякому будущему нарушителю прав Бел-ахе-риба, будет ли это «царь, или царский сын, или начальник, либо наместник, либо управляющий (дворцом, храмом), либо начальник города», которым даст власть над Аккадом «великий владыка Мардук»²⁸⁶. Таким образом, в этом кудурру предусматривается возможность нарушения прав нового владельца в связи с частыми тогда политическими переменами и переворотами; при этом надо иметь в виду, что в качестве будущих начальников могли выступать и родоплеменные вожди, как это имело место в случае с Мушизиб-Мардуком. Кудурру Мардук-аплу-иддина II был, конечно, не единственным документом этого рода, ибо вполне допустимо, что некоторые из мелких фрагментов кудурру, которые не могут быть точно датированы, являются остатками кудурру халдейских царей. Что касается храмового землевладения, то из халдейско-персидской эпохи о нем имеется так же мало сведений, как и из предшествующих эпох. Судя по имеющимся данным, халдейские цари не столько расширяли владения храмов, сколько обогащали их другими способами. В хозяйственной отчетности храма Шамаша в Сиппаре поля, принадлежащие храму, упоминаются очень редко; есть беглое упоминание о полях храмов Аккада. Саргон, перечисляя свои восстановительные мероприятия в Вавилонии после поражения Меродах-Баладана, говорит о возвращении полей только «сынам» Вавилона, Борсиппы, Сиппара и Ниппура, а специально по отношению к храмам говорит только о восстановлении и возвращении увезенных статуй богов и восстано-

влении культа²⁸⁷. Но отсюда ясно, что, вероятно, и храмовые земли были отобраны Меродах-Баладаном, и столь же ясно, что без возвращения этих земель функционирование восстановленного храмового культа не могло быть полностью обеспечено. Поэтому надо полагать, что в числе «сынов» четырех главнейших городов Вавилонии были и жрецы тамошних храмов. Как мы увидим ниже, храмы в халдейскую эпоху больше всего интересовались ростовщическими операциями, а производительное хозяйство было у них на втором плане.

Нет никакого сомнения в том, что описанные выше приемы и случаи расхищения и захватов общинных земель в Ассирии и Вавилонии не могли поколебать основ общинного строя в Двуречье, как не смогли поколебать их и все последующие завоевания и перевороты²⁸⁸. Но в своем собственном секторе частное землевладение в Вавилонии IX—VI веков столь же несомненно укрепилось и сделало некоторые новые шаги в своем развитии. Как мы видели в III разделе, основным препятствием на пути создания в древней Вавилонии права частной собственности на землю было стойкое существование семейной общины с коллективным владением и наследственным правом на основе равенства всех наследников — законных сыновей и незамужних дочерей. В эпоху древневавилонского царства наблюдаются лишь некоторые слабые попытки, направленные к ослаблению этого препятствия. Они выразились, во-первых, в предоставлении главе семейной общины, отцу, права при жизни выделять избранному сыну часть имущества («поле, дом или сад») в качестве «подарка», который исклучался из общего раздела, и, во-вторых, в случаях открытых или замаскированных неравных разделов по соглашению наследников. В IX — VI вв. эти тенденции получают дальнейшее развитие, отчасти в праве, а главным образом на практике. Так, согласно проекту нового кодекса законов, составленного, судя по характеру начертания знаков, при Навуходоносоре II, уничтожился прежний принцип равенства наследников от первой и второй жены. Проект устанавливал, что дети от первой жены получают две трети «имущества отцовского дома», а дети от второй жены одну треть²⁸⁹; как должно делиться между наследниками обеих категорий, из дошедших до нас фрагментов проекта не видно. Кроме того, на основании ряда документов можно заключить, что в халдейско-персидскую эпоху жена при дележе наследства получает только брачный подарок мужа, а дочери — только приданое, возможно, на основании не дошедшего до нас закона²⁹⁰. Эти тенденции в праве имели второстепенное значение, поскольку проект нового кодекса не получил силы закона, а ограничения наследственных прав жены и дочерей существовали в известной степени и ранее. Гораздо показательнее и действеннее была практика.

Прежде всего практика показывает, что в халдейскую и персидскую эпохи разделы «имущества отцовского дома» были обычно неравными. При разделах обычно выделяется сначала благоприобретенное при жизни отца имущество, движимое и недвижимое; в эпоху первой вавилонской династии такие случаи были редкими, и это показывает, что *szibtu* на основе покупки в VI в. выдвигается на первое место. Остальное имущество делится также не в равных долях и притом вне всякой зависимости от каких бы то ни было юридических норм. Из примеров такого рода мы приведем два, один обычного типа, другой не совсем обычный. В 22 году Дария дядя и племянники (сыновья умершего брата) при разделе выделили благоприобретенное имущество, состоявшее в рабах, домах и движимости, а потом уже поделили «имущество отцовского дома». В 12 году Набонеда разделились два сына жреца; они поделили прежде всего доходы от жреческой должности, причем старший брат получил гораздо большую долю, чем младший; затем поделили рабов «отцовского дома» сообразно «их доле имущества» (*zittischunu*). Здесь под *zittu* разумеется, конечно, наследственная доля, ибо о разделе других составных элементов «имущества отцовского дома» акт ничего не говорит, как, например, о пропорциональном отношении между количеством *всего* имущества каждого брата и благоприобретенного и полученного по наследству²⁹¹. В какой степени при неравных разделах выигрывал старший брат, особенно ярко показывает раздел сыновей умершего в 517 г. тогдашнего главы ростовщического дома Эгиби, Итти-Мардук-Балату. В разделе участвовали три сына. Новый глава дома, очевидно, старший брат, получил 8 домов и два строительных участка в Борсиппе и Вавилоне, 45 рабов и 6 мин серебра сверх денежной доли, равной с долей других братьев; два других брата получили вместе 5 домов и 51 раба. Как поделились младшие братья, неизвестно; неизвестно также, как были поделены деньги; остальное имущество — поля, скот и прочие рабы — осталось в общем владении²⁹². Этот раздел особенно интересен и важен для нас потому, что члены рода Эгиби были тогда наиболее крупными представителями денежного богатства и землевладения. Но и они не могут преодолеть до конца традиций семейной общины. Каждый из них, подобно двуликому Янусу, имеет два лица — лицо члена семейной общины, представляющей коллективное владение и хозяйство, и лицо частного хозяина — рабовладельца, землевладельца, ростовщика. Насколько сильны еще были традиции семейного наследственного права, показывает случай, когда братья, совершенно как в эпоху Хаммураби, поделили между собою дом и перессорились из-за порядка пользования общим проходом — в 529 г. при Камбизе²⁹³. Другой решительный шаг, кроме решительного шага в пользу преимущественного права

старшего сына, делается в направлении утверждения на практике преимущественных прав сыновей на *все* наследство «отцовского дома». Как мы видели выше, по дошедшим до нас документам, жена (вдова) лишается всякого участия в делении «имущества отцовского дома», а дочери получают только приданое, т. е. только в случае выхода замуж. Правда, одновременно из проекта нового кодекса и из практики жизни мы узнаем, что в общем правовом положении женщины произошли существенные улучшения. Проект нового кодекса, опираясь, несомненно, на практику, уничтожает остатки традиционных подарков и взносов, связанных с первобытным обычаем покупки жены, и сохраняет только приданое, которое отец дает дочери при выходе ее замуж. Жена по проекту нового кодекса при разводе получает право требовать возмещения приданого из имущества мужа при всяких условиях. Из деловых документов мы узнаем, что жена может при жизни мужа приобретать и продавать свое личное, благоприобретенное имущество (поля, дома, рабов), совершать деловые акты, в том числе ссудные операции, распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, может быть распорядительницей также и всего имущества домашней общины, заменяя в этом случае мужа, выступать стороной в судебных делах²⁹⁴. Эти перемены в положении женщины свидетельствуют о серьезном изменении старых традиционных обычаев, расшатывающих устои патриархальной семейной общины родового типа. Но в то же время идет также и окончательное утверждение исключительного наследственного права по мужской линии, свидетельствующее о рождении нового типа семьи, характерного для последующих эпох истории восточных обществ. Этот вопрос заслуживает специального изучения.

С той же двойственностью, с сочетанием цепких старых традиций с новыми правовыми нормами и новыми бытовыми явлениями, мы встречаемся в другой категории документов рассматриваемой эпохи. Немецкие ассириологи называют эти документы *letztwillige Verfügungen* — распоряжениями о последней воле, т. е. завещательными распоряжениями. В некоторых из этих документов составители их распределяют все имущество между наследниками, вследствие чего раздел имущества происходит после смерти завещателя в заранее установленном порядке и в заранее установленных долях. Возникает вопрос, имеем ли мы в данном случае дело с новой установленной в законе правовой нормой, аналогичной постановлениям о завещаниях законов XII таблиц или законов Солона, или здесь имеет место только практическое расширение прежнего, установленного кодексом Хаммураби права отца выделять при жизни «подарок» избранному сыну. Проект нового кодекса в том виде, как он до нас дошел, не дает ответа на этот вопрос. Поэтому оценить значение и степень распростра-

ненности этого нового явления мы можем только на основании анализа дошедших до нас завещательных распоряжений.

Прежде всего надо отметить, что нельзя смешивать в одну категорию документы о дарениях, чаще всего о приданом дочерям, выходящим замуж, с документами о последней воле, как это делают Талльквист, Колер и Пейзер. Эти ассириологи объединяют в одну категорию те и другие документы лишь по одному формальному терминологическому признаку — по выражению *uschadgil* = аккад. *iddin* = «дал», «подарил», «предоставил». Наличие этого одинакового выражения в документах о дарениях и в документах о последней воле кажется Колеру и Пейзеру вполне достаточным, чтобы дать исчерпывающее с их точки зрения объяснение происхождения завещательных распоряжений: они «развились из прежних дарений»²⁹⁵. Однако завещательные распоряжения имеют совершенно иное содержание, чем документы о дарениях, покоящиеся на традиционном брачном праве и на древневавилонском праве отца делать подарки сыновьям. Указанных выше ассириологов, следующих прямолинейному формальному методу исследования, ввел в заблуждение старый термин, примененный, как часто бывает в истории, к новому явлению и получивший с этого момента новый смысл.

Документов, являющихся завещательными распоряжениями, или составленными в связи с завещательными распоряжениями, не так много. Из эпохи Навуходоносора II, Набонета (Набунаида) и Кира в наиболее крупном собрании текстов этой эпохи, изданном Штрассмайером, имеется всего три таких документа, позднее обработанных Талльквистом; кроме того, три документа этого рода из той же эпохи изданы Пейзером и еще один — Колером и Пейзером. Кроме этих семи документов имеются еще два документа, изданных Пейзером, один из эпохи вавилонского царя Набу-аплу-иддина (885—852 гг.), и другой из эпохи Камбиза. Таким образом, в нашем распоряжении имелось всего 9 документов завещательного содержания, из них один IX века, остальные восемь VI века, на 300 лет позже. Актов о дарении несравненно больше; только из VI века их насчитывается свыше 30.

Наш разбор мы начнем с документа IX века. Бел-иддин, жрец храма бога Лагамаль в Дильбате, передал (*uschadgil*) своему младшему сыну отправление жреческой должности и доходы с последней, 4 гура (5,3 га) поля и сада и 600 кв м участка с домом в Дильбате. Никакой оговорки насчет того, что до смерти дарителя даруемым имуществом и доходами с него будет пользоваться сам даритель, обычной во всех завещательных распоряжениях VI века, здесь не имеется²⁹⁶. Учитывая это обстоятельство, а также и дату документа, мы имеем полное право относить этот документ к категории тех дарений отца сыну, «первому в его глазах», какие были узако-

нены кодексом Хаммураби. Завещательным этот документ является только в том смысле, что после смерти отца сыновья при разделе должны считаться с этим даром и оговорить в акте о принадлежности указанных земельных угодий и жреческой должности с доходами младшему брату. Совсем иной характер носят завещательные документы VI века. Они вполне заслуживают этого названия и свидетельствуют о том, что в той общественной среде, представители которой являлись составителями таких документов, распад семейных общинных традиций и новые собственнические тенденции давали себя знать весьма ощутительным образом. Мы рассмотрим эти документы не в хронологическом порядке, а в связи со степенью их зависимости от процесса разложения семейной общины.

На первом месте в этой связи надо поставить документ из эпохи Набонеда, дошедший до нас в двух фрагментах и потому в своем конце не вполне ясный. Некий Бел-Касир, не имевший сыновей, предложил своему отцу Надину усыновить сына его жены от первого брака и закрепить за этим вновь испеченным внуком все доходы от должности (вероятно, жреческой) и все имущество. Надину с этим не согласился и сделал завещательное распоряжение другого содержания. Он завещал доходы и должности родному сыну Бел-Касира, если таковой сын родится после смерти Надину; в противном случае (наиболее вероятном) Бел-Касир должен усыновить своего брата, владеющего уже своей наследственной долей; если по каким-либо причинам (текст документа здесь попорчен и неясен) это усыновление не окажется возможным, то Бел-Касир должен усыновить свою сестру²⁹⁷. Из этого документа ясно, что семейная община Надину в момент составления документа уже распалась, так как из нее выделился один сын, вероятно, по своему требованию, получивший свою долю посредством особого акта, выданного отцом. Но Надину все же не хочет, чтобы имущество его дома фактически перешло в другой род, как произошло бы в случае принятия предложения Бел-Касира. Отец и сын разошлись во мнениях. Отец стоит на точке зрения традиционного семейного права; сын стоит на точке зрения личных интересов и в частности личной привязанности к жене и ее сыну от первого мужа. И отец все же распоряжается так, чтобы имущество его дома осталось в его роде и не оказалось окончательно раздробленным: по смыслу его распоряжения имущество должно в конце концов соединиться опять во владении отделившегося сына, и лишь в каком-то крайнем случае может быть разделено между этим сыном и сестрой. Конфликт между старыми традициями и новыми тенденциями выступает здесь совершенно отчетливо; однако последнее слово принадлежит отцу, который наперекор новым тенденциям стремится по возможности сохранить семейное имущество в роде и обеспечить его от дробления.

Попытки подобного рода могли иметь место и успех, конечно, только в тех случаях, когда семья не была многодетной; при многодетной семье, наиболее частой на Востоке, наследственное имущество должно было в той или иной степени дробиться. Практика неравных разделов ослабляла процесс равного дробления, обделяя дочерей и действуя в пользу старших сыновей. В таком же направлении действовали и завещательные распоряжения о разделе всего имущества. Так, один документ из эпохи Навуходоносора II, являющийся скорее актом передачи наследником, сыном Кабрии из дома Эгиби, части имущества матери и сестре, основывается на завещательном распоряжении (kupukku) Кабрии. Согласно этому распоряжению, мать и сестра получают только 10 мин серебра, 100 гур зерна, 100 гур фиников и часть домашней утвари; остальное серебро, зерно, финики и все прочее имущество (nikaschi) Кабрии, т. е. вся недвижимость, скот и рабы, переходят к сыну. При этом характерно, что при расчете наследник удержал с матери и сестры часть денег в возмещение разных расходов и выдач²⁹⁸. Два других документа передают основную часть наследственного имущества старшим сыновьям. В первом документе завещатель, жрец Набу-балатсу-икби, имевший одновременно дело «на улице», т. е. меняльную лавку²⁹⁹, делает распоряжение о распределении наследства между двумя сыновьями, своей матерью и ее сестрами. Все «имущество отцовского дома» в полях, садах, рабах, деньгах, домашней утвари и т. д. он разделит между двумя сыновьями, причем старший получит значительно большую долю, чем младший, около $\frac{2}{3}$ всего имущества; жреческие должности и часть доходов с последних, принадлежавшая матери, также были поделены между сыновьями. Затем младший сын получил дополнительно небольшое поле, мать — дом с обязательством жить в нем вместе с внуками (сыновьями завещателя), она же и ее сестры получили еще запас фиников, владение «на улице», т. е. меняльную лавку, и беглых рабов, какие будут найдены. Передача матери и ее сестрам меняльной лавки не означала, конечно, что к ним переходят и все ростовщические операции завещателя. Поскольку деньги перешли к сыновьям, постольку каждый из них мог вести ростовщические операции самостоятельно, общая меняльная лавка была им не нужна³⁰⁰. В другом документе завещательное распоряжение о разделе всего имущества делает мать, Гугуа, жена или вдова Набу-зир-лишара из дома Эгиби. У нее было пять сыновей; старший был «в отсутствии», т. е., вероятно, в походе, и в это время мать выделила четырем младшим сыновьям особым актом в качестве подарка 1 мину 36 секелей серебра, вероятно, поровну. Когда старший брат вернулся, она составила завещательное распоряжение, повидимому дополнительное, согласно которому старший сын получает кругло две

мины серебра по долговым обязательствам трех лиц и земельный участок размером в 0,26 га и обязуется не предъявлять претензий к четырем младшим братьям по поводу полученных ими 1 мины 36 секелей, а также должен содержать мать до ее смерти. Последнее обязательство свидетельствует о том, что и все остальное, несомненно, крупное имущество Гугуа было оставлено ею старшему сыну по основному завещательному распоряжению, до нас не дошедшему. Гугуа, как и ее муж из дома Эгиби, занималась ростовщическими операциями весьма крупного масштаба, так как в числе ее заемщиков был такой крупный дамкар, как Набу-ахе-иддин, также из дома Эгиби, выступающий контрагентом в 130 документах³⁰¹. Оба последние документа, рядом с указанными выше 55 документами из работы Маркса (см. примеч. 290), свидетельствуют о том, что ростовщическая монополия в женской среде жриц Шамаша, существовавшая в древнеавилонском царстве, в нововавилонском (халдейском) царстве более не существовала.

Следующие два завещательные распоряжения свидетельствуют не только об ослаблении семейной общины, как таковой, но также и об ослаблении ее патриархальных традиций. Некий Набу-аплу-иддин, из жреческого рода и с отцовской и с материнской стороны, получил по завещательному распоряжению своего деда и бабки с материнской стороны поле, дом и рабов. Относительно этого имущества он в свою очередь сделал завещательное распоряжение, передав его на вечные времена своему отцу. Это последнее распоряжение не выходит из рамок патриархальных традиций, особенно в том случае, если, как надо предполагать, Набу-аплу-иддин был бездетен³⁰². Но первоначальное завещательное распоряжение деда и бабки Набу-аплу-иддина нарушает традиции патриархального права, передавая семейное имущество не по прямой отцовской линии, а родственнику, по женской линии. В другом завещательном распоряжении мы встречаемся с вынужденным нарушением патриархального и прежнего наследственного права. Завещатель, сын официального приемщика натуральных поступлений при храмах Ану, Ниниба и Белит, унаследовавший часть должности отца, заявляет в документе своей дочери, что брат его отвергнул, а сын оставил, и потому он отдает все свое имущество ей, своей дочери. Это имущество заключается в наследственной доле, выделенной завещателю его братом при их разрыве, и состоит из части доходов от должности отца и в поле, размеры которого неизвестны. Дочь взяла завещателя к себе в дом и обязалась давать ему до смерти содержание — пищу, умщение и одежду³⁰³. Таким образом, вследствие внутреннего распада семьи после смерти отца завещателя последний в нарушение патриархальных традиций и писаного закона передает свое иму-

щество дочери без всяких оговорок относительно прав ее будущего или имеющегося мужа.

Два последних завещательных распоряжения являются показателями того улучшения общего правового положения женщины, какое замечается в халдейскую эпоху. Оба документа составлены матерями. В одном завещательница Силим-Иштар, принадлежавшая к семье известных в халдейском Вавилоне дельцов, передает все свое имущество, сколько его есть *scha ali u szegi* — «в городе и за городом», своей дочери, состоящей в замужестве также с известным дельцом, Бел-ушаллимом, братья которого также были дельцами. В акте завещательница делает оговорку, что она будет до смерти жить с доходов от завещаемого имущества, а дочь не имеет права давать что-либо из этого имущества никому, кроме своего мужа³⁰⁴. В другом документе мать, дочь золотых дел мастера и вдова одного из членов дома Эгиби, разделяет между двумя дочерьми полученный ею от мужа небольшой (1 гур=1,32 га), но очень ценный участок земли стоимостью в 6 мин; участок был дан завещательнице мужем взамен золота, взятого им из имущества (вероятно, *pidunnu*) жены. Старшая дочь получила $\frac{2}{3}$ участка (0,88 га) и раба, младшая — $\frac{1}{3}$ участка (0,44 га); потом мать изменила свое распоряжение относительно раба и передала его особым актом сыновьям, на что дочери выразили свое согласие перед судьями, и заявление их было занесено в акт³⁰⁵.

Из этих восьми завещательных распоряжений пять содержат в себе специфическую формулу, коренным образом отличающую их от актов выдела подарка сыну, «первому в глазах отца», эпохи древневавилонского царства. Формула эта оговаривает, что в полное право владения передаваемым имуществом получатели вступают только после смерти составителя акта. Схема формулы такова: пока составитель акта жив, он пользуется всеми доходами с передаваемого имущества или получатели должны давать ему полное содержание, и получатели не имеют права это имущество передавать, дарить, делить или отдавать в залог³⁰⁶. Именно эта формула и превращает подобные акты по существу в завещание; наличие ее свидетельствует о том, что законом и в халдейскую эпоху право завещания установлено не было, и что практика завещательных распоряжений, довольно редкая, приспособлялась к дозволенной законом форме дарения, отсрочивая фактическое вступление получателя во владение даром до смерти дарителя. В трех актах, в которых приведенной формулы нет, ее отсутствие объясняется особым характером этих актов. Один из них, распоряжение Надину, дошел без заключительной части, и возможно, что такая формула в нем была; но если ее не было, то это объясняется тем, что Надину предусматривал только возможных наследников в порядке их

родственной близости к нему и поручал сыну их усыновление, т. е. утверждение в правах на наследство. В другом акте (сына Кабрии) такой формулы нет, потому что этот акт сам по себе не является завещанием, а только актом о выполнении завещания, в котором, конечно, формула была. В последнем рассмотренном нами акте отсутствие подобной формулы объясняется, вероятно, тем, что передается только небольшая часть имущества наследодателя (богатая женщина передает одного раба и небольшой участок земли), так что наследодатель не заинтересован в сохранении за собой доходов с передаваемого имущества. Отсюда этот последний акт можно, пожалуй, относить к категории дарений, не обусловливаемых сроком во времени передачи дарений во владение.

Таковы восемь завещательных распоряжений VI века до н. э. Подводя итоги нашему анализу этих документов, мы приходим к заключению, что эта весьма скудная по числу и пестрая по содержанию группа актов ни в коем случае не свидетельствует о том, чтобы в VI в. право частной собственности на землю и вообще на всякое имущество уже установилось на практике и только нуждалось в формальном утверждении законом. Эти восемь документов по своему содержанию совершенно не походят на регулярные завещания; все они вызваны такими случаями, в которых законодательные положения о наследствах не могли дать руководящих указаний либо потому, что такие указания вообще отсутствовали, либо потому, что имевшиеся указания расходились с желаниями и склонностями завещателей. Пять из рассмотренных нами документов имеют дело с «имуществом отцовского дома». В трех из них завещатели были поставлены в затруднение обстоятельством отсутствия прямого мужского потомства: бездетный Бел-Касир и его отец Надину, дед и бабка по матери Набу-аплу-иддина, очевидно, не имевшие сыновей, и сам Набу-аплу-иддин, завещавший полученное от деда и бабки наследство своему отцу также, быть может, по причине своей бездетности, наконец, чиновник храмов Ану, Ниниба и Белит, разорвавший всякие связи с братом и сыном, не имевший других сыновей и потому вынужденный передать свое имущество дочери. Во всех этих трех случаях завещатели стоят по существу на почве семейно-общинного права, но вынуждены искать выхода из затруднительного положения путем самостоятельных распоряжений. В двух остальных документах этой группы завещатели стремятся так или иначе обеспечить любимых ими родных женщин, которых новый, не дошедший до нас закон лишил всякой, хотя бы даже условной, доли в наследовании «имущества отцовского дома». Так, Кабрия, сын Эгиби, обеспечивает жену и дочь деньгами и запасами продуктов; жрец Набу-балатсу-икби обеспечивает мать и сестер, своих теток также запасами продуктов и ме-

няльной лавкой; в обоих случаях подчеркивается, что «имущество отцовского дома» делится только между сыновьями. Из этой последней подробности вытекает, что завещатели обеспечивали женщин из своего благоприобретенного имущества, которым они могли распоряжаться свободно. Три последних завещательных распоряжения составлены матерями; в одном из них мать завещает имущество дочерям, в другом — сыновьям, в третьем — дочерям и сыновьям. Так как в VI в. женщины лишались наследственного права на «имущество отцовского дома», то в этих трех документах передаваемое имущество может принадлежать только к категории благоприобретенного. Отсюда ясно, что и в халдейскую эпоху попрежнему строго различалось коллективное «имущество отцовского дома» и личное имущество на право *szibtu*. Особенность VI века заключается лишь в том, что личное владение сделалось весьма заметной величиной, значительно более распространенной, чем в эпоху древневавилонского царства. Но и эта особенность нуждается в очень важной оговорке. Дело в том, что в рассмотренных нами завещательных актах имеется еще одна чрезвычайно характерная черта. За исключением, быть может, одного, все завещатели принадлежат либо к группе жрецов, либо к группе ростовщиков; ростовщиков четыре, жрецов три, но из них один одновременно занимался ростовщичеством, так что ростовщиков фактически пять, и весьма вероятно, что и те два жреца, о ростовщической деятельности которых документы не говорят, такой деятельностью также занимались. Восьмой завещатель, хотя и не являлся формально жрецом, однако занимал весьма ответственную хозяйственно-административную должность в трех храмах и, следовательно, был тесно связан с руководящим жреческим персоналом и был заинтересован в доходах храмов и их ростовщических операциях, ибо ссуды и в халдейскую эпоху в 50%—60% случаев выдавались в зерне, финниках и других продуктах³⁰⁷. И завещаемое этой, по существу целиком ростовщической группой, имущество также отличается своеобразным составом: во всех документах земельные участки стоят на втором плане и имеют очень небольшие размеры. Отсюда совершенно ясно, что тенденция к развитию и укреплению права частного личного владения, нашедшая для себя выражение в практике завещательных распоряжений, была обусловлена, в первую очередь, ростом ростовщического капитала и не получила распространения в среде землевладельческих отношений. В ростовщической среде, повидимому, проявляется тенденция, прежде всего, к установлению права *szibtu* на рабов и сокровища, к высвобождению этих элементов семейного имущества из их общинной связанности путем приравнения владения ими к владению благоприобретенного *szibtu* или

nikaschu, как было принято выражаться в VI веке. Но земель, правом владения землей, ростовщики интересуются мало. Таким образом, частное землевладение и в халдейско-персидскую эпоху остается по существу все еще на том же недоразвитом правовом уровне, какой нами констатирован в предшествующие эпохи.

Жреческо-ростовщическая группа из недвижимости интересовалась главным образом домами. Особенно ясно этот интерес выступает из цитированного уже выше акта раздела наследников Эгиби в 517 г. Поля и скот остаются в общем владении; но 13 домов и 2 строительных участка идут в раздел и становятся частным владением каждого из наследников. Такой интерес ростовщиков к домовладению объясняется тем, что эксплуатация домов была проще, доступнее для контроля и выгоднее, чем эксплуатация полей. Жрецы и ростовщики были привязаны к городам; дома были у них на глазах и под рукой. При тогдашней дороговизне земельных городских участков, побуждавшей застраивать их почти сплошь, стеной к стене соседа, цены на дома были высокие, и наемная плата также была высокая, поднявшись с уровня $\frac{1}{3}$ до 6 секелей в год в эпоху Хаммураби до размеров от 3 до 48 секелей в год в халдейско-персидскую эпоху, с добавлением обязательства квартирантанимателя производить за свой счет ремонт крыши и трещин в стенах, т. е. в наиболее частых случаях повреждений³⁰⁸. Кроме того, практиковалась спекуляция домами и всякого рода мошеннические проделки при купле-продаже и залоге домов, посредством которых ростовщики приобретали дома почти задаром³⁰⁹. Как показывают раскопки Кольдевей в Вавилоне, техника домостроения и примитивное внутреннее устройство домов со всеми неудобствами остались и в халдейско-персидскую эпоху такими же, как и в эпоху древневавилонского царства. Однако средний размер домов заметно увеличился. Такие крохотные жилые дома, как в Вавилонии эпохи Хаммураби, размерами от 3 до 35 кв. м, теперь в документах уже не упоминаются. Наименьший размер домов теперь в 48 кв. м (один), 60 кв. м (два) и 62,5 кв. м (один); все прочие дома, упоминаемые в документах, значительно больших размеров,—96, 126, 132, 144, 288, 504, 600 кв. м; один дом, раскопанный Кольдевеем, имеет площадь в 1600 кв. м³¹⁰. Соответственно с повышением квартирной платы и увеличением среднего размера домов доходы от домовладения должны были весьма значительно возрасти. Что касается полей, то ростовщики, владевшие полями, преимущественно сдавали их в аренду. В числе 39 сдатчиков полей в аренду в сводной таблице Швенцнера фигурируют 14 жриц Шамаша и около 15 лиц, принадлежавших к ростовщической группе, в том числе к домам Эгиби и Мурашу. Фиксированная арендная плата взималась чаще всего в зерне, с уплатой

вперед определенной суммы в серебре; зерно, поступавшее от арендаторов, пускалось в ссудные операции³¹¹. Здесь кстати следует заметить, что формой аренды иногда прикрывалось фактическое приобретение полей и садов за самую дешевую цену. Так, один ростовщик из дома Мурашу (в середине V века при Артаксерксе I) взял в аренду у одного владельца поле и сад, составлявшие наследственные доли семейного имущества сдатчика и его умершего дяди, с обязательством обработать поле под сад. Арендный договор был заключен на 60 лет — единственный случай! — за ежегодную плату в 20 гур финников. Арендатор внес вперед всю плату за 60 лет и обязал (!) сдатчика в случае, если последний возьмет обратно поле и сад по истечении 60 лет, уплатить ему, арендатору, 1 талант (свыше 30 кг) серебра за произведенные в течение срока аренды работы и насаждения³¹². Так как представляется весьма маловероятным, чтобы сдатчик мог дожить до конца арендного срока, так как права его наследников не оговариваются, и так как совершенно невероятно, чтобы маломощный крестьянин, вынужденный пойти на такую сделку, мог в случае дожития до конца срока аренды выкупить свое поле и сад ценою почти двух пудов серебра, то этот договор превращал сына Мурашу в фактического владельца «арендованных» поля и сада.

Разобранные нами документы и ряд других документов, насчитываемых сотнями, показывают, что центральной фигурой, олицетворявшей собственнические тенденции в высшем вавилонском обществе халдейско-персидской эпохи, был ростовщик — дамкар или жрец. В связи с этим весьма интересно отметить, что в эту эпоху входит в употребление новый термин для обозначения владения, достояния вместо прежнего термина *szibtu*. Это — *pikaschu*, термин, постоянно встречающийся во всякого рода деловых документах, происходящих из ростовщическо-жреческой группы. Общее значение его в смысле прежнего *szibtu* видно из сопоставления *isqeti* и *pikasche* = «кормления и владения». Специфический оттенок дает значению этого термина то выражение, которым определяется происхождение объектов *pikaschu*, именно *pikaschu ereschu* — «делать» имущество, достояние, отсюда вести коммерческое дело, «наживать доход», «приобретать добро». Соответственно с этим выражением *pikaschu* имеет значения также «прибыль», «доход». Если древневавилонский термин *szibtu* был по своему происхождению связан с деятельностью охотника и воина, то заменивший его теперь термин *pikaschu* связан с торговлей, спекуляцией и ростовщицеством³¹³.

Переходим теперь к последнему вопросу, касающемуся частного землевладения в халдейско-персидскую эпоху, к вопросу о численности землевладельцев и о размерах площади их владений. Из халдейской эпохи, включая сюда также цар-

ствование Кира, дошло до нас около 35 документов на куплю-продажу полей и садов; арендных договоров по сводной таблице Швенцнера дошло 60. Если добавить сюда упоминания о полях и садах в документах о разделах, завещаниях и дарениях, т. е. примерно еще в 30 документах, то мы будем иметь данные о 125 частных землевладельцах. Эта цифра почти совпадает с той цифрой 128 более крупных частных землевладельцев, какая документально подтверждается для эпохи древневавилонского царства³¹⁴, т. е. она гораздо меньше того общего числа частных землевладельцев, какое выступает во всякого рода документах той эпохи. Но она, конечно, не может считаться показателем уменьшения общего числа частных землевладельцев в халдейско-персидскую эпоху. Однако, исходя из нее, мы во всяком случае имеем право полагать, что со стороны показателя численности владельцев никакого заметного роста частного землевладения в халдейско-персидскую эпоху не замечается. Несколько иначе обстоит дело по отношению к размерам частных земельных владений. Как и в эпоху древневавилонского царства, сравнительно крупные владения в несколько десятков гектаров в халдейскую эпоху насчитываются единицами. Документально засвидетельствовано только одно такое владение, в 130 га, пожалованное Бел-ахе-рибу Мардук-аплу-иддином II; можно допустить, что некоторые жрицы Шамаша и ростовщики, сдававшие свои поля в аренду, имели в своем владении поля и сады в несколько десятков гектаров и что, кроме пожалования Бел-ахе-рибу, были еще пожалования земельных участков крупных размеров, до 100 га и выше. Таким образом, и средняя и общая площадь крупных частных владений в халдейско-персидскую эпоху, несомненно, была значительно выше, чем в древневавилонском царстве. Но, с другой стороны, из документов явствует, что наиболее часто встречающиеся размеры частновладельческих полей в халдейско-персидскую эпоху колебались в пределах от 0,11 до 8,4 га, т. е. в тех же пределах, как и в древневавилонскую эпоху, когда 90,8% полей имели размеры от 0,07 до 8,4 га. В рамках этих размеров соотношение между более крупными и более мелкими владениями в халдейско-персидскую эпоху несколько иное, чем в древневавилонскую. Если в древневавилонскую эпоху более мелкие поля до 3,5 га составляли около 75% всех полей до 8,4 га, то в халдейскую эпоху такие поля составляли около 69% всех полей до 8,4 га. Правда, разница в пользу халдейско-персидской эпохи получается весьма незначительная, но некоторую показательность, особенно в связи с показателем роста более крупных земельных владений, она имеет³¹⁵.

Таким образом, мы приходим к заключению, что со стороны средней и общей площади частных земельных владений в халдейско-персидскую эпоху замечается некоторое повыше-

ние, не превышающее, однако, примерно 8—10%. Такое повышение совершенно недостаточно для того, чтобы служить показателем какого-либо существенного повышения удельного веса частного землевладения и частного хозяйства в халдейско-персидскую эпоху в сравнении с древнеавилонской. С экономической точки зрения, напротив, можно даже отметить некоторый регресс, заключающийся в том, что в халдейско-персидскую эпоху мы наблюдаем значительное увеличение численности таких землевладельцев из ростовщиков и жрецов, для которых владение полями и садами было спекулятивным делом, источником крупной и легкой наживы при применении методов, разорявших и фактических производителей и самые хозяйства. Частных сельских хозяев в подлинном смысле этого слова в древнеавилонскую эпоху было больше; но и тогда, как мы видели, общий характер частного землевладения и частного хозяйства был хищническим. Теперь хищников стало больше, они стали крупнее, но от этого, конечно, не могло получиться никакого прогресса. Этому выводу вполне соответствует и тот факт, что усиление процесса распада семейной общины и рост частнособственнических тенденций, какие замечаются в юридической практике и в праве халдейско-персидской эпохи, наблюдаются, главным образом, в среде представителей значительно выросшего торгово-ростовщического капитала. Но при азиатских формах ростовщичество не может играть никакой революционной роли; оно, как говорит Маркс, не вызывает ничего иного, кроме экономического упадка и коррупции³¹⁶. Единственный до известной степени положительный показатель в пользу некоторого прогресса в формах использования земли заключается, пожалуй, в том, что в халдейско-персидскую, как и в позднеассирийскую эпоху, мы не встречаем уже системы частного землепользования на основе царского пожалования сановникам; встречаются только наделы за службу мелких воинов и мелких служащих, аналогичные наделы реду и баиру эпохи Хаммураби. Таким образом, примитивная форма частной эксплуатации земли на право землепользования и на основе царского пожалования за службу, господствовавшая в III тысячелетии и частично сохранившаяся еще в эпоху древнеавилонского царства, в VI веке теряет почти всякое значение.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы подошли к концу нашего исследования. В его итоге выясняется история частного землевладения и землепользования в древнем Двуречье. Ход этой истории представляется в следующих общих чертах.

В первой четверти III тысячелетия частное землевладение еще не существует. Господствует общинное землевладение, при суверенном праве патеси и царей на владение и распоряжение землей. Цари и патеси, не затрагивая общинных крестьянских земель, создают посредством осушения заболоченных пространств новые земельные фонды для культурной обработки, большую их часть эксплуатируют для себя и для содержания храмов и культов богов, а меньшую часть раздают в кормление, на праве пользования, членам своего дома и своим сановникам и служащим. Эти землепользователи являются первыми частными сельскими хозяевами, но еще не частными землевладельцами, и притом далеко не все, поскольку часть их ведет хозяйство не самостоятельно, а при посредстве хозяйственной администрации и рабочей силы царского аппарата. Эти характерные особенности частного земледельческого хозяйства в начале III тысячелетия в значительной степени зависят от того факта, что основной отраслью царского и крупного частного и храмового хозяйства в эту эпоху является еще скотоводство.

Только в эпоху царей Аккада мы впервые находим документальные данные, свидетельствующие о купле-продаже полей и, следовательно, о появлении частного землевладения. В эпоху III династии Ура частное землевладение вырастает уже настолько, что с его интересами весьма считается сумерский кодекс законов. Но частное землевладение вырастает не на основе превращения царских пожалований в частные владения, а на основе выделения из общин административной богатой верхушки, представители которой захватническим образом закрепляют за собою выделенные им «поля вождей» и узурпируют в свою пользу право распоряжения общинными землями вплоть до их отчуждения. Эти явления разложения общин изнутри усиливаются вследствие вторжений в общин-

ное землевладение царской власти, отчуждающей при содействии общинных властей значительные участки общинных земель для раздачи в пользование царским сановникам и служащим. Однако в общем явления разложения общины имеют спорадический характер, и в конце III тысячелетия первое место попрежнему занимают общинное крестьянское хозяйство и царское хозяйство на землях, окультуривированных царской властью при помощи мелиорации.

Спорадические случаи разложения общины и появления частного землевладения и хозяйства во второй половине III тысячелетия связаны с общим развитием производительных сил в Двуречье. Одним из важнейших признаков последнего в области сельского хозяйства служит развитие доходных промышленных земледельческих культур — финиковой пальмы и сезама. Хозяйственный подъем продолжается, несмотря на последствия эламского завоевания, и достигает своего высшего уровня в эпоху первой вавилонской династии. В эту эпоху заметно сокращается практика царских пожалованной земли за службу на праве землепользования; напротив, число частных землевладельцев заметно возрастает. Однако наш анализ документальных данных показывает, что распространенная среди ассириологов и историков высокая оценка удельного веса частного хозяйства и частного землевладения в древневавилонском царстве является ошибочной. Ни по численности частных владельцев (500—1000 лиц), ни по размерам их владений (около 92% владений не превышает 8,2 га, а максимальный известный нам размер владения — 60 га) частное землевладение ведущей роли играть не могло и не играло. Основное место попрежнему сохраняло за собой крестьянское хозяйство в рамках общинного землевладения; царское хозяйство в эту эпоху специализируется на скотоводстве в южных приморских областях прежнего Сумера. Развитие частного землевладения было связано и снизу, и изнутри, и сверху. Снизу его развитие связывалось тем, что разложение общины, вопреки предположениям некоторых ориенталистов, вовсе не носило массового характера, и что продажа общинникам своих наделов, если таковая имела место, была, безусловно, спорадическим явлением. Внутри развитие частного землевладения связывалось стойким существованием семейной (домашней) общины, которую не могли существенным образом поколебать допущенные законом Хаммураби разделы семейного имущества («имущества отцовского дома»), и на которой почти совсем не отразилось применение статьи 165 кодекса Хаммураби, предоставлявшей отцу право выделять при жизни «поле, сад или дом» во владение сыну, «первому в его глазах». Разделившиеся сыновья обычно становились главами новых семейных общин; таким образом, разделы по существу приводили чаще всего не к разложению, а лишь

к измельчанию и ослаблению семейных общин. Сверху право частного владения землей ограничивалось царским верховным правом. Частного права собственности на землю в эпоху первой вавилонской династии не только не существовало, но даже не замечается еще и никаких тенденций в этом направлении на практике. Эксплоатация частных земельных владений также не отличалась высоким экономическим уровнем. Значительную, если не большую часть своих владений частный хозяин эксплуатировал либо посредством сдачи в аренду, либо посредством передачи в пользование (кормление) своим служащим; только часть владения эксплуатировалась непосредственно самим владельцем. Таким образом, в эпоху первой вавилонской династии удельный вес частного землевладения и частного сельского хозяйства в общей экономике страны не был настолько значительным, чтобы играть руководящую роль.

В течение ряда веков, протекших после падения древневавилонского царства, история частного землевладения и землепользования в Двуречье идет уже не по одной, а по двум линиям, поскольку с XV века начинается самостоятельное хозяйственное и политическое развитие Ассирии. В Вавилонии с середины XVIII и до конца XV века замечается общий глубокий упадок хозяйственной и общественно-политической жизни, обусловленный опустошением и обезлюдением страны во время смут и иноземных вторжений 1809—1746 годов. Частное землевладение значительно сократилось; напротив, общинное землевладение значительно выиграло в результате притока обильных свежих сил в лице касситских родоплеменных и сельских общин. Возрождение частного землевладения начинается в конце XV века, но идет очень медленно и далеко не достигает того же уровня и тех же позиций, как в предшествующую эпоху древневавилонского царства. Оно только отчасти возрождается обычным путем, путем превращения «полей вождя» общинной верхушки в частные владения. Более заметным является другой путь, ведущий к созданию крупных, но весьма непрочных частных владений — путь царского пожалования «на вечные времена» земельных участков, отчужденных из общинных земельных фондов. Владения такого происхождения исчезли вместе с падением касситской династии. Последовавшая затем трехвековая эпоха новых внутренних смут и внешних столкновений вновь задержала развитие частного землевладения в Вавилонии. Оно начинает подниматься вновь только в IX веке, в связи со включением Вавилонии сначала в сферу влияния, а затем в сферу господства великой военной Ассирийской державы, обеспечившей известный порядок и спокойствие и предоставившей торгово-ростовщическому капиталу вавилонских дамкаров и жрецов благоприятные условия для его развития. В результате к концу

халдейской эпохи частное землевладение по количественным показателям — по численности частных землевладельцев и по общей площади их владений, — достигло уровня эпохи древневавилонского царства, причем по среднему уровню площади отдельных владений даже превысило указанный уровень. Но удельный вес его в общей экономике страны не достиг прежнего уровня. Это объясняется тем, что эпоха Ассирийской, а затем Халдейской военных держав была особенно благоприятна для хищнической деятельности ростовщиков, которые в восточных странах обычно способствовали быстрому разорению трудящихся и плодили мошенничество и коррупцию, эксплуатировали свои владения самым хищническим образом. В ростовщическо-жреческой среде назревают определенные частнособственнические тенденции, весьма ослаблявшие семейную общину практикой неравных разделов и в некоторой степени практикой завещательных распоряжений. Однако заметного влияния на правовое положение частного землевладения эти тенденции все же не оказали, ибо, как показывают документы, эти тенденции устремлялись прежде всего в сторону высвобождения из общинной связанности рабов и материальных ценностей. Таким образом, и в халдейскую эпоху не только не существовало формального права частной собственности на землю, но не было и никакого движения к последнему ни на практике, ни в законе.

В Ассирии в силу некоторых местных условий, говорить о которых можно пока только предположительно, разложение сельской и семейной общины шло быстрее и решительнее, чем в Вавилонии, и на этой почве частное землевладение также развивалось гораздо быстрее и в количественном отношении достигло значительно более высокого уровня, чем в Вавилонии. Появление частного землевладения в Ассирии документально засвидетельствовано для начала XV века. Пионерами его были ростовщики, приобретающие у общинников их земельные участки различными обходными мошенническими способами. Дальнейший ход развития частного землевладения в Ассирии до XIII века в подробностях для нас не ясен; но оно, несомненно, имело место и шло гораздо быстрее, чем в Вавилонии, пройдя за два—три века тот путь, на который частному вавилонскому землевладению понадобилось шесть веков. В XIII веке в Ассирии существуют уже весьма важные законоположения в защиту и на пользу этого нового института. В противоположность древневавилонскому праву ассирийское право решительно пошло по пути искусственного ослабления семейной общины, узаконив преимущественное и весьма солидное право старшего брата при семейных разделах на $\frac{2}{3}$ имущества с правом выбирать одну треть по своему усмотрению. В результате в IX—VIII вв. в Ассирии наблюдается заметное разложение семейно-общинного быта, при-

ведшее к появлению значительного числа малоземельных и безземельных людей и к усилению и укрупнению частного землевладения. К сожалению, документы очень скупы на такие данные, которые могли бы помочь выяснению вопроса об удельном весе частного ассирийского землевладения в IX—VIII вв. Повидимому, этот вес был значительно выше, чем в Вавилонии, но все же не настолько, чтобы частное землевладение могло занять руководящее положение. Что касается права частной собственности на землю, то и в Ассирии такового не существовало ни в законе ни на практике. Существовало только право владения, ограниченное, как и в Вавилонии, общинным землевладением, царским суверенным правом распоряжения землей, а также в известной мере еще державшимися традициями семейной общины.

В итоге мы видим, что точка зрения Швенцнера, Мейснера, Струве и некоторых других историков на роль и место частного землевладения в Двуречье является ошибочной. Она не оправдывается документальными данными и историческими фактами и является априорной модернизаторской спекуляцией. В действительности документальные данные с неопровержимой ясностью подтверждают точку зрения Маркса. Мы видим, что в течение всей древней истории Двуречья и во всех его областях отдельный человек в основном выступает, говоря словами Маркса, только как звено, как член коллектива—либо семейной, либо родовой, либо сельской общины. Только как член такого коллектива он владеет землей; частным владельцем земли он делается лишь временно и условно, а частным собственником земли — никогда. А коллективы — семейные, родовые и сельские общины — подчинены связующему их единству в лице царя, который выступает как высший и единственный собственник земли, и выступают лишь как наследственные владельцы³¹⁷. Такова специфическая особенность форм землевладения в древнем Двуречье как и на всем древнем Востоке. Изучение истории частного землевладения в Двуречье, начатое мною в настоящем этюде, должно быть продолжено и доведено до конца путем создания специальных монографий по эпохам и странам Двуречья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. «Вестник древней истории» (ВДИ). 1940, кн. 3—4, стр. 373—374.
2. Швенцнер. К хозяйственной жизни древней Вавилонии (нем. изд.), стр. 52—53, 37; Мейсснер. Вавилония и Ассирия (нем. изд.), т. I, стр. 188—189 (при этом положение автора о храмах, как крупных землевладельцах, «соперничавших» в этом отношении с царями, не подкрепляется ни одной цитатой из источников); ср. Штейнметцер. О землевладении в Вавилонии касситской эпохи (нем.), стр. 4—6.
3. Ср. сводку у Лаутнера — Древневавилонские договоры с наемными рабочими и жнецами (нем.), стр. 1—2, ср. стр. 172—175 и прим. 516; Кюк. Этюды по вавилонскому праву, законам ассирийским и хеттским (франц.), стр. 98—99.
4. Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXI, стр. 493; Капитал, т. III, изд. 8, стр. 570; Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 10, 16.
5. См. моя статья — Община в древнем Двуречье, ВДИ, 1938, кн. 4 (5) и К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье, там же, 1939, кн. 2. К материалу, привлеченному мною в статье об общине, надо теперь добавить детальный анализ надписи Маништусу, сделанный мною в следующем разделе этого этюда и полностью подтверждающий и конкретизирующий мою оценку этого источника в указанной статье (стр. 86—87), а также ряд других дополнительных данных об общине из II, III и IV разделов этого этюда, особенно о семейной (домашней) общине и о случаях разложения сельских общин изнутри.
6. Колер и Унгнад. Сто избранных правовых документов из поздней эпохи вавилонской письменности (нем.), стр. 86—87.
7. ВДИ, 1939, кн. 1, стр. 59—64.
8. Там же, стр. 63—64.
9. Это замечание автор включил от руки в отдельный оттиск своей статьи, присланный мне, в виде сноски, на стр. 63.
10. Там же, стр. 64.
11. М. В. Никольский. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи, т. I, № 30, 34, 46 (поля патеси), 41, 45 (поля на содержание патеси); к тому же разряду надо относить № 48, 49 и 50 (стр. 20—27).
12. Женульяк. Арханческие сумерийские таблетки (франц.), стр. XLIV — два поля Барнамтарры, жены патеси Лугальанды; М. В. Никольский, цит. соч., № 39 — поле Барнамтарры, ср. № 47 — поле царицы Шаг-Шаг.
13. М. В. Никольский, цит. соч., № 31, 32, 43, 47 — богини Бау, № 51 — богини Нины, № 47 — в распоряжении царицы Шаг-Шаг.
14. Женульяк, цит. соч., стр. XLIV; М. В. Никольский, цит. соч., № 39.
15. М. В. Никольский, цит. соч., № 42.

16. М. В. Никольский, цит. соч., № 31 (стр. 23—обзор содержания, стр. 60, 61—текст).
17. Цитирую по переводу Деймеля, ср. Струве—Хрестоматия по древней истории, т. 1, стр. 40.
18. Там же, стр. 41—42.
19. Там же, стр. 41.
20. М. В. Никольский, цит. соч., стр. 8.
21. М. В. Никольский, цит. соч., № 31, 43, 47.
22. М. В. Никольский, цит. соч., стр. 20—22; в Лагаше существовали особые поля, с которых собиралось «зерно блестящее» и по которым велся особый счет ka-dingir-Enlil-la-an-ki, т. е. счет полей для приношений Энлилю (там же, стр. 32—33).
23. О Гильгамеше см. журн. «Ревю д'Ассириологи» (Р. АСС) I—II, стр. 102; об Урнине—Женульях, стр. 5, № 1; о Эаннаду—Тюро-Данжен. Надписи из Сумера и Аккада (франц.), стр. 37.
24. Ср. Вулей, Ур халдейский (англ.), табл. II.
25. См. Женульях, цит. соч., стр. LXVII, прим. I, со ссылкой на Аллот де ла Фуй в Р. Асс., 1906, № VI.
26. Швенцер, цит. соч. (см. прим. 2), стр. 10, Кюк, цит. соч., стр. 516 со ссылкой на Тюро-Данжена; Шорр—Документы древне-вавилонского гражданского и процессуального права (нем.), стр. 578.
27. Ср. таблицу знаков у Тюро-Данжена—Исследования о происхождении клинообразного письма (франц.), стр. 85—86, Делапорт—Инventарь таблеток из Телло в Оттоманском Музее (франц.)—систематически и точно различает burgan и gan; М. В. Никольский в цит. соч. термин gan употребляет вместо bur (см. приложения, стр. 2).
28. М. В. Никольский, цит. соч., № 31: на стр. 23—обзор содержания, на стр. 60—61 транскрипция и перевод.
29. М. В. Никольский, цит. соч., № 33 (стр. 23).
30. Женульях, цит. соч., стр. XLIV. Документ опубликован в оригинале без транскрипции и перевода у Тюро-Данжена—Собрание халдейских таблеток (франц.), № 73, 75:
31. М. В. Никольский, цит. соч., № 24.
32. Женульях, цит. соч., № 7.
33. М. В. Никольский, цит. соч., № 30, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 42 (стр. 23—24).
34. Об обязательных приношениях Энлилю, верховному богу сумеров, см. в моей статье «К вопросу о ренте-налоге в древнем Двуречье». ВДИ, 1939, № 2, стр. 75. Материал, указанный там, относится к эпохе III династии Ура; однако из документов I тома М. В. Никольского видно, что обязательные приношения Энлилю были традиционными. Здесь следует еще отметить, что М. В. Никольский, правильно указав на стр. 32 специальный характер счета ka-dingir-Enlil-la-an-ki, странным образом считает самый термин собственным именем «главного землевладельца», заведующего хозяйством на этих полях. Однако детерминатив dingir ясно указывает, что это не собственное имя, а термин, обозначающий отношение счета к культуре Энлиля.
35. Тюро-Данжен. Сбор. халд. таблеток, стр. I—II; ср. Женульях, цит. соч., стр. XXXVI.
36. Женульях, стр. XLIV, прим. 6.
37. М. В. Никольский, цит. соч., № 46, 47, 48, 49, 50, 51 (стр. 24—27).
38. Там же, стр. 28—33.
39. Там же, № 80, 82, 83, 96 и др.
40. Поставка рыбы—М. В. Никольский, № 265, 266, 268, 272; Пинчес. Таблетки Эмхерста (англ.), № 1; Женульях, цит. соч. № 50 и др.; поставка скота—М. В. Никольский, № 173—181; Пинчес, № 38. Ср. подробности в моей статье «К вопросу о ренте-налоге», ВДИ, 1939, № 2, стр. 74—75.
41. М. В. Никольский, цит. соч., № 194, 207, 218.

42. Там же, № 230, 232, 233, 243.
43. Там же, № 208.
44. В этом смысле можно толковать неясный документ № 177, говорящий о стаде в 660 овец, 12 быков, 12 коров и 13 ослов некоего Лугаль-му.
45. Весьма важно отметить, что такое положение дела в хозяйственной области находят для себя яркое подтверждение в фактах из религиозно-исторической области. Бог Думузи (акк. Тамуз), который во II и последующих тысячелетиях был специальным богом растительности и земледелия, первоначально был местным богом лагашской общины Кинунир и в III тысячелетии еще сохранял свои первоначальные черты, как бога «рыболова», «охотника» и в особенности «пастуха», покровителя стад, живущего в овчарне, где на него, по сказанию литургического текста III тысячелетия, нападают семь демонов и убивают его. Первоначальные функции Думузи, как «рыболова» и «охотника», восходят еще к эпохе материнских родов; это ясно из того, что супруга Думузи называется в шумерийских текстах его сестрой. О культе Думузи в Кинунире см. Тюр-О-Дан-жен—Надписи Сум. и Акк., стр. 115 (господин Кинунира), 93 (храм в Кинунире); Бартои. Собрание клинообразных табл. и Телло (англ.), II, стр. 26 (Кинунир—податная единица). О функциях Думузи как бога-пастуха см. Витцель—Новые пробные переводы шумерийско-вавилонских песнопений в честь Тамуза (нем.), Р. Асс. 1913, III, стр. 175, 178, 179, 182, 158; Шейль—Новая шумерийская песнь в честь Иштар и Тамуза (франц.), Р. Асс., 1911, III, стр. 164—167. О жене—сестре Тамуза см. Шрадер—Библиотека клинообразных текстов (нем.), VI, стр. 90—91, строки 51—58 и вышеуказанные тексты.
46. Во II томе «Документов хозяйственной отчетности» М. В. Никольского в числе табл. из эпохи царей Аккада (из Уммы) нет ни одного документа, касающегося землевладения и землепользования. В «Инвентаре» Деллапорта (см. прим. 27) дается обзор содержания десятка полтора таких документов, но вследствие краткости формулировок Деллапорта не все они являются вполне ясными по своему содержанию.
48. Деллапорт. «Инвентарь», I, 1465 (виночерпий), 1306, 1373, 1400, 4481, 2923 (в числе получателей жрица), 1246 (жрица), 4667 (жрица и другие лица), 5856; II, 2, № 312.
48. Деллапорт, II, 2, № 3070.
49. Деллапорт, I, № 1400 (будет предметом разбора ниже в тексте), 5856; II, 2, № 3122.
50. Деллапорт, I, № 1481 (8 бур), 1461 (6 бур).
51. Деллапорт, I, № 1465 (5 бур), 1491 (5 и 3 бура), 2923 (2 и 1½ бура); в описи других документов, говорящих о раздаче земель ряду лиц поименно, нет точных указаний ни на число наделяемых, ни на размеры выделов.
52. Весьма интересная и важная статья акад. А. И. Тюменева появилась в печати («Вестник древней истории», 1946, № 4, стр. 33—40), когда настоящая работа сдавалась в набор. Поэтому я не имею возможности подвергнуть ее здесь подробному разбору. Я считаю, что в этой статье даны еще лишние подтверждения той несомненно единственно правильной точки зрения, что продаваемые земли принадлежали общинам, и после этой статьи и моей работы этот вопрос должен считаться окончательно решенным. Некоторые мои возражения я включил в последующие примечания. Что касается моего анализа надписи Маништусу, то я базировался исключительно на издании Шейля в издании Морган — Делегация (экспедиция) в Персию (франц.), т. II. Выписанная мною в 1941 г. работа Грозного — Обелиск Маништусу (нем.) вследствие начала войны мною не была получена.

53. Акад. Тюменев (стр. 36) несколько расходится со мною в определении размеров площади В и D, очевидно, опираясь на Грозного—3258 га, D—375 га и общая площадь всех четырех комплексов—3258 га, т. е. на 200 га больше, чем по моему расчету). Людей при этих комплексах он считает не рабочими, а «связанными» с этими землями (стр. 35), т. е. общинниками. Отдельные слагаемые общего итога рабочих людей спорны; я принимаю общий итог числа рабочих людей по расчету Кинга—История Сумера и Аккада (англ.), стр. 207,—1564 человека.
54. Сыновья патеси Лагаша и Басиме и два внука патеси Уммы; см. Кинг, цит. соч., стр. 209, примеч. I со ссылкой на толкование Грозного.
55. Морган, цит. изд., стр. 17, строки 16—17.
56. А. И. Тюменев толкует термин AB+ASCH AB+ASCH в том же смысле «старейшины общины» и совершенно правильно видит в этом основное доказательство общинного характера продаваемых земель (стр. 35).
57. Я не могу согласиться с акад. Тюменевым, что 49 людей Аккада надо считать царскими агентами, заменившими прежних старейшин, и что приобретенные поля перешли в состав царских земель, непосредственно эксплуатировавшихся царем (стр. 39—40). В пользу такого толкования акад. Тюменев приводит только свои предположения и рассуждения. Между тем нам неизвестны какие-либо документы, которые, бесспорно, своим содержанием и терминологией удостоверения бы существование подобной практики в Шумере и Аккаде. Напротив, передача земель царским сановникам на право пользования была обычной практикой с самого начала III тысячелетия.
58. Следует отметить, что акад. Тюменев неправильно включает Кюка в число тех комментаторов надписи Маништусу, которые считают продаваемые земли частной собственностью. На стр. 78 работы Кюка (Этюды по Вав. праву), на которую ссылается акад. Тюменев (стр. 38), говорится в общей форме о существовании частного землевладения в эпоху царей Аккада, и в доказательство указывается, что в надписи Маништусу даются «акты о продаже полей с обозначением цены, границ, имен контрагентов». Из дальнейшего видно, что продавцами полей Кюк считает общины (tribus—см. стр. 98, примеч. 3 и 109, примеч. 2) и что, следовательно, под частными контрагентами здесь Кюк разумеет царя и его сановников. Кстати, интересно отметить, что той же точки зрения держался и Тураев, считавший, что продавцами земли были родовые общины (История древнего Востока, изд. 1935 г., т. I, стр. 117).
59. Кинг, цит. соч., стр. 207.
60. См. первую точку зрения в «Очерках социально-экономической истории древнего Востока», стр. 9; «богатые семьи»—История древнего мира, т. I, изд. ГАИМК, стр. 91; «местная знать»—История древнего Востока, 1941, стр. 80 и 81.
61. Кюк. Этюды, стр. 109. Пользуюсь случаем, чтобы исправить ошибку, допущенную мною в статье «Община в древнем Двуречье», стр. 87; у общины Бит-Гишману земля не отчуждается, как сказано в статье, но Бит-Гишману граничит с общиной, продающей землю по акту С.
62. Морган, цит. изд., стр. 10, строки 10—14; стр. 21, строки 4—5; стр. 22, строки 10—14; стр. 27, строка 10.
63. Мейсснер. Вавилония и Ассирия, т. I, стр. 118.
64. Морган, цит. изд., стр. 10, прим. 2, ср. Мусс-Арнольд — Ассирийско-английско-немецкий словарь, стр. 4. Делич—Ассирийский настольный словарь (нем.), стр. 3.
65. Мусс-Арнольд. Словарь, стр. 38; Делич. Словарь, стр. 59, Гезениус-Буль. Еврейский и арамейский настольный словарь (нем.), изд. 15, стр. 13. В качестве специального термина для обозначения города в ассирийских надписях употребляется слово тахази

- (для столиц и крупных городов, см. Мусс-Арнольд, стр. 521). О толковании термина *алу* в ст. 23 и 24 кодекса Хаммураби см. Коллер и Пейзер — Законы Хаммураби, т. I, стр. 15; Эйлерс, — Стэла законов Хаммураби, стр. 19—20, 24 (к ст. 54). В переводе указанных статей кодекса в хрестоматии «Древний мир в памятниках его письменности», ч. I, мною также было принято толкование *алу* в значении «община» (стр. 91, примеч. 1).
66. Морган, цит. соч., стр. 12, строки 20—21; Гоммель. Очерк географии и истории древнего Востока (нем.), т. I, стр. 345, 265, Ант. 3, 256, Ант. 4.
 67. Морган, цит. соч., стр. 12, строка 2 и указанные в предшествующем примечании цитаты из Гоммеля.
 68. См. Бельзер. Вавилонские надписи-кудурру, в журн. Бейтрегецур Ассириологии (нем.) II, I, стр. 124—129 и 122—125. Надо отметить, что примерлы подобного рода встречались также в родовом и родоплеменном быту малокультурных народов еще во второй половине XIX века. Так, на острове Фиджи вожди захватили в свои руки распоряжение общинными землями, а вожди маорийцев в Новой Зеландии, кроме того, облагали членов племени поборами и повинностями в свою пользу (см. Кунов — Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 346—347, 380—381).
 69. Морган, цит. соч., стр. 24, строка 24.
 70. Там же, стр. 28—29, строки 12—26; местоположение Марата у канала Борсиппы было определено Гоммелем, Очерк географии и истории древнего Востока, I, стр. 394. Мейсснер. — Вав. и Асс., I, стр. 13 — также указывает местоположение Марата около современных болот Неджер, т. е. на границе с пустыней (но на карте, приложенной к тому, Марад в противоречие с текстом показан в 100 км восточнее Неджера).
 71. Отсюда видно, что Кюк, считающий, что все земли, купленные Маништусу, находились в области Киша, допускает здесь ошибку.
 72. Морган, стр. 33, строки 16—19; стр. 23—30, строки 28—29.
 73. Там же, стр. 29, строки 16—19, 25—27. В числе членов рода Марад называются два внука Икилума, патеси KIS—LAX. Отсюда можно заключить, что эта династия патеси происходила из родоплеменной общины Марад.
 74. Радау. Ранняя история Вавилонии (англ.), стр. 300, в списке месяцев.
 75. Бог Лугаль — Морган, цит. соч., стр. 32, строка 20 и др.; эпос с Гильгамеше, табл., VI, 19, 2; ср. Ястров — Религия Вавилонии и Ассирии (нем.), т. I, стр. 163, прим. 163.
 76. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, стр. 52—53.
 77. Делапорт, «Инвентарь», т. I, № 1400.
 78. См. Тюр-Данжен. Собр. халд. табл., стр. III.
 79. О «полях вождя» см. цитаты у Кюка — Этюды, стр. 101—103; в кудурру касситского царя Мелишипака перечисляются три лица из общины Бит-Пири-Амуру, имевшие личные владения (см. об этом подробнее в разделе IV).
 80. О израильских «полях вождя» ср. Второзак. 33, 21 (в «Благословении Моисея»): Гад выбрал себе первое (лучшее), ибо там *sheqat'u meshoqed* — «поле вождя». Это неясное по первому впечатлению место сбилось с толку библеистов, весьма плохо разбирающихся в вопросах истории общинного быта. Следует отметить, что термин *meshoqed* для обозначения вождя встречается еще только в весьма древней «Песне Деборы» (Суд. 5, 9, 14), которая неплохо отражает родоплеменный быт израильских племен в первые времена заселения Ханаана и борьбы за занятые территории. Происхождение наследственных полей вождя можно проследить в истории Мексики до испанского завоевания. Тогда в Мексике господствовал еще родоплеменный быт. Обрабатываемые земли, принадлежавшие общинам, де-

- лились на два разряда: 1) земли общественного назначения—«типантлалли», урожай с которых шел на содержание общинников, занятых общественными строительными работами, и «тлатока-тлалли», доходы с которых шли на содержание вождя, его семьи и его помощников; 2) земли наследственного пользования—«тламилли», наделы, дававшиеся каждой семейной общине, и «пиллалли»—земли вождей, обрабатывавшиеся в порядке общественной повинности общинниками, называвшимися «тлальмайтли»—«рука земли». Испанские писатели (Торквемада и др.) замечают, что и земли «тлатока-тлалли» перешли также в полное распоряжение вождей; это весьма вероятно, хотя Моргану это мнение почему-то кажется ошибочным. Ср. Морган — Дома и домашняя жизнь американских туземцев, стр. 58, 59, 61—62; Кунов — Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 236 — 237. Особые наделы вождям существовали на о. Самоа (Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, стр. 193), а также, повидимому, у полинезийских и меланезийских племен (Кунов, цит. соч., стр. 364—365, 331); вожди увеличивали свои земли захватом свободных общинных земель и наделов общинников (Кунов, стр. 380 — 381).
81. Начиная с эпохи III династии Ура размер гана, как было указано выше, твердо устанавливается в 0,35 га (бур=6,3 га). Данные о поле Камари имеются в надписи, изданной Женульямом (журн. «Бабило-ниака», вып. VIII, № 10); цитирую по статье Дьяконова—Письмо к шумерскому царю Шу-сину, ВДИ, 1939, I, стр. 61. Дьяконов отмечает, что наилучшим полем в этом фонде было поле Гуздин, которое было причиной постоянных столкновений между Уммой и Лагашем. Но площадь его была, очевидно, не 800 га, как указывает Дьяконов, а 800 ган, ибо «хорошей земли» во всем фонде Камари было только 936 ган
82. К вопросу о «латифундии» см. текст и перевод надписи, изданной в оригинале Женульямом — Хозяйственные тексты из Уммы эпохи Ура (франц.) № 5675, в статье Струве в «Проблемах истории докапиталистических формаций», 1934, № 7 — 8, стр. 213 — 214, и здесь же мою рецензию на работу Струве. Дополнительные данные о поле Агештин см. у М. В. Никольского — Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи, т. II, № 239 (виноградники), 207 и 209 (тростник). О полях Lal-tur и Lal-pax см. цитированную статью Дьяконова, стр. 60 и 61.
83. Бартои. Коллекция клинообразных таблечек библиотеки Гарварда, документы из архивов храма в Телло, ч. I, стр. 11, № 193 (англ.) Термины gíg и saḫar оставлены Бартоном без перевода; по толкованию Грозного—Хлебные злаки в древней Вавилонии (нем.), стр. 197 и 206—gíg означает пшеницу, а термин saḫar также должен обозначать какой-то сорт пшеницы, так как это слово входит в комплекс выражения SAR-saḫar-babu—«хлеб из тонкой муки». О содержании документов гарвардской коллекции см. Бартон, стр. 8—9.
84. Дьяконов, цит. статья, стр. 63, прим. 1.
85. Деллапорт, т. II, часть I, № 901 — пять крупных кормлений, № 1038 — кормление в 8% сар.
86. М. В. Никольский, цит. соч., т. II, стр. 63—64, № 236, столб. 2, строка 21. Я принимаю здесь новое правильное чтение текста по Дьяконову, цит. статья, стр. 60, прим. 1.
87. Дьяконов, цит. статья, стр. 60: кормленщик, получивший 4 гана поля, «будет возделывать и водой орошения будет орошать»; М. В. Никольский, т. II, стр. 66, № 244 rev, строки 7 — 8 по переводу Дьяконова гласят: «это поле разделено, плата за мотыжение не разделена», т. е. произведена за счет царского хозяйства. М. В. Никольский при тогдашнем уровне сумерологии не мог дать полного и правильного перевода этих строк.

88. **М. В. Никольский**, т. II, № 236, цитированное место; **Дьяконов**, цит. статья, стр. 60, прим. 1, 62.
89. **Дьяконов**, стр. 60.
90. **Бернье**. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, стр. 187, ср. стр. 16.
91. **См. Пелаго**—Юридические тексты, называемые sa-tilla, из эпохи II династии Ура, № XII, XIV, XIX в журн. «Вавилоника», вып. III, ч. 2 (франц.); **Мирмен**—Сумерийские административные документы из Ниппура (англ.), стр. 58—59, № VII (сад площадью 40 сар = 1 400 кв м).
92. О царских плантациях финиковой пальмы см. документ у **Мирмена**—Вавилонская экспедиция Пенсильванского университета, т. III, ч. I, № XV, стр. 63—65 (англ.). Этот документ был обработан **Шейлем** в статье «Об эксплуатации финиковой пальмы в древней Вавилонии, журн. «Р. Асс.», 1913, № I—II, стр. 1—9. О частных финиковых садах см. Сумерийские законы, разд. I, § 1, цит. по **Грессману**—Древневосточные тексты и изображения к Ветхому завету, изд. 2, т. I, стр. 410 (нем.). Об использовании финиковой пальмы см. у **Страбона**, XVI, I, 14, о норме посадки — **Мейсснер**—Вав. и Асс., т. I, стр. 206.
93. **Жеиульях**. Юридические тексты эпохи Ура, «Р. Асс.», 1911, № I—II, стр. 14—15 (франц.)
94. **Деллапорт**, цит. соч., т. II, I, № 1038.
95. **Грессман**, цит. изд., т. I, стр. 411, 1 d, §§ 2, 3, 4. Текст § 4 не вполне ясен, и потому я передаю его только по общему смыслу.
96. Там же, стр. 412, 3, § 4. Выделяемая доля исчислялась, очевидно, согласно ст. 2а—13, по которой после смерти отца сыновья и первой и второй жены делают имущество поровну. В одном документе на куплю-продажу из той же эпохи, к сожалению, сильно попорченном, сохранилось указание на коллективную ответственность семейной общины за долги любого из ее членов (см. **Пелаго** — цит. раб., III, вып. 2, стр. 107, № XII).
97. **Грессман**, цит. изд., (т. I, стр. 412, 3, § 5. **Эбелинг**, переведивший для издания Грессмана клинообразные тексты, переводит конец параграфа «должен оставить город», однако ставит последнее слово под знак вопроса. Но сумер. иги или еgi, обозначающее «город», происходит от очень древнего корня, от которого происходит и древнеевр. 'ig, также обозначающее «город». Однако 'ig имеет первоначальное значение «поселение» вообще, начиная от кочевых становищ и кончая укрепленными городами (ср. Числ., 13, 19). Несомненно, что и слово иги=egi, аналогично древнеевр. 'ig и акк. alu, прошло в своем значении ту же самую историю, и в § 4, конечно, означает общину, в смысле поселения той более крупной общины, составной ячейкой которой является данная семейная (домашняя) община.
98. **Ср. Лэнгдон**—Таблетки из архивов Дрехема (англ.), сотни документов об огромных (епогтоус) поступлениях скота от царей и патеси для храмов в Ниппуре, Лагаше, Эрехе, Шуруппаке. **Эриду**; **Жеиульях**—Таблетки из Дрехема (франц.)—подавляющее число документов говорит о скоте; **М. В. Никольский**, цит. соч., т. II, стр. 16—о скотоводстве в Умме.
99. Расчет сделан на основании данных в работе **Шорр**—Документы (см. прим. 26), стр. III. Число хозяйственных документов из эпохи древневавилонского царства также совсем незначительно в сравнении с числом подобных документов из предшествующих эпох и вряд ли больше числа документов о частном землевладении.
100. **У Шорра** и **Кюка**—с юридической стороны; у **Швенцнера**, со стороны цен.
101. **Унгнад**. Вавилонские письма из эпохи династии Хаммураби, стр. 37, № 39 (нем.).

102. Унгнад, цит. соч., № 229, 14—владение *gedu* в 12 ган=4,2 га; Лутц. Древнеавилонские письма (изд. Калифорнийского университета, т. 9, № 4 (англ.). Письмо № 2. В письме № 254 изд. Унгнада идет речь о выдаче участка в 4 гана (1,4 га) одному лицу; так как в этом деле принимает участие деку (*deku*), то возможно, что получатель принадлежал к числу реду или баиру.
103. Унгнад, № 6, 12, 53, 64, 229; Лутц, № 1 и 2 (стр. 283—285).
104. Документы о скотоводческом хозяйстве Римсина см. у Рифтина—Староавилонские документы в собраниях СССР, № 42, 56, 59, 65.
105. Унгнад, цит. раб., № 55—58 (письма Хаммураби); № 60, 71, 73, 80, 84, и Рифтин, цит. соч., № 90 (письма преемников Хаммураби). Унгнад дает полное собрание писем эпохи древнеавилонского царства.
106. Унгнад, цит. соч., № 229, 14—13. О термине *szibtu* см. ниже в тексте.
107. О поле храма Шамаша—Фридрих, Древнеавилонские документы из Сиппара, Б. Асс., V, вып. 4, № 28. О десятине в пользу храмов см. Шорр, цит. соч., № 52, Унгнад, цит. соч., № 17, Фридрих, цит. соч., № 28, 42; возможно, что под выражением—Хаммураби «насыпал груды зерна Урашу» разумеется введение специального налога зерном в пользу храма Ураша. О строительстве и украшении храмов см. в сводной хронике годов царей первой вавилонской династии, Шорр, цит. соч., стр. 582—609.
108. Ср. Делич—Ассир. словарь, стр. 147; Мусс-Арнольд—Ассир. словарь, стр. 77. Унгнад без всяких пояснений и документов толкует термин *isqu* в значении «собственность», что совершенно неправильно и не согласуется со смыслом строки 6 письма № 53, где речь идет о поле, доставшемся (*imkutuma*) его владельцу, очевидно, по царскому пожалованию. Выражение *aschag schuku*—«поле кормления»—встречается только в документах из Ниппура и Лагаша, ср. Шорр, № 192, 246, 292. Термин *iku* Шорром, Унгнадом и некоторыми другими неправильно переводится «лен», «ленное владение», «ленная служба», применительно к феодальной терминологии, совершенно не подходящей к древнеавилонским отношениям. Сводку цитат см. у Шорра на стр. 525, у Унгнада на стр. 255.
109. Ср. Унгнад—№ 54, 6; 64, 11, 21; 150, 6, 16; 229, 14; о значении *szibtu* см. Унгнад, стр. 366, Делич—Словарь, стр. 560—562, Мусс-Арнольд, стр. 860—866. Слово *szabutu* встречается в одном письме к Саргону, где оно, вероятнее всего, означает добычу, награбленную каким-то племенем у мирного населения, но может обозначать также и имущество, ср. Уотермен—Переписка царей Ассирийской империи, I, № 205, ч. IV, стр. 98 (англ.).
110. Пинчес. Клинообразные тексты вавилонских таблеток Британского музея (англ.), выпуски II, IV, VI, VIII, в которых издана подавляющая масса документов из эпохи первой вавилонской династии. 76 документов о купле-продаже недвижимости, изданные в этих томах, распределяются хронологически таким образом: из царствования Сумулаиу—3, Сумулаиу и Иммерума—I, Иммерума—2, Аммонилы—3, Забуа—8, Синмубаллита—10, Хаммураби—18, Самсуилуны—17, остальные без даты. Ср. Дайхес—Древнеавилонские правовые документы, стр. 1—3 (нем.)
111. Дайхес, цит. соч. № 2=Шорр, № 93; Дайхес, № 5=Шорр, № 95; Дайхес, № 7=Шорр, № 94. *
112. Дайхес, № 5—поле в 14 ган; у Шорра в № 95 то же поле—5/18 гана (бургана), т. е. 500 сар; при толковании 14 ган в смысле бурганов площадь поля будет 88,2 га; при толковании Шорра—500 сар—площадь поля будет 1,75 га. Сообразно с этим в документе Дайхес № 3 10 ган надо понимать не в смысле 10 бурганов—63 га, а в смысле 1000 сар—3,5 га. В настоящее время для мер древне-

- вавилонской эпохи применяется более точная терминология, согласно которой двусмысленный термин «ган» устранен, и 100 сар называется *iku* (ику), а 18 ику=1800 сар—*buru* (бур). Ср. **Мейсснер**—Вав. Асс., т. I, стр. 358; **Рифтин**, цит. соч., стр. 157; **Унгнад**, цит. соч., стр. 286 (здесь точно фиксировано основное значение термина *gan* и трех его разновидностей по различному написанию).
113. По документам **Дайхес**, № 3, 4, 5 (**Шорр**, № 95), 6, 7 (**Шорр**, № 94), 10, 14; **Шорр** № 95 А, 96; **Лутц**—Письма № 18 (стр. 303); **Рифтин**, № 14, 16, 19, 22а; **Унгнад**, № 54, 150, 229, **Фридрих**, № 48, и по таблице **Швенцнера** (прим. 1), № 11, стр. 119—120.
 114. В вышеуказанной таблице **Швенцнера** размер в 4 бургана поставлен под знак вопроса.
 115. **Шорр**, № 113, 276 (обмен полей жрицей Ламази); **Унгнад** № 188, 196—письма Адад-Раби.
 116. По документам **Дайхес**, № 2 (**Шорр**, № 93); **Рифтин**, № 15, 16, 17, 20, 21; **Швенцнер**, стр. 121, табл. 12; **Унгнад**, № 187 (сады Адад-Раби).
 117. **Мейсснер**, цит. соч., т. I, стр. 201—202.
 118. См. сводку о значении этих терминов у **Швенцнера**, стр. 47—51. При этом необходимо отметить, что чтение термина, обозначающего городские застроенные домами участки, применяемое **Швенцнером** и **Дайхесом**, теперь признано неправильным. Термин читается E—DU—A (так **Шорр**, **Унгнад** и **Рифтин**).
 119. **Шорр**, № 294.
 120. **Швенцнер**, стр. 113—115, табл. 11, I; стр. 48; **Шорр**, № 86, 87, 88, 89, 90, 91, 284а, 179, 183, 187, 188, 190, 191, 192, 285, 293, 294, **Дайхес**, № 8, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 19.
 121. Число и размеры участков этих трех категорий см. **Швенцнер**, стр. 116, 118, табл. 10, III, VI, VII.
 122. **Швенцнер**, стр. 48—49.
 123. E—KIS—LAX соответствует вавил. *masch-kaṣu* — «амбар, склад»; ср. кодекс **Хаммураби**, стр. 113.
 124. Данные о размерах сельских участников этой категории см. **Шорр**, № 192, 194; **Дайхес**, № 2, 18; **Швенцнер**, стр. 117—118, табл. IV—V.
 125. См. **Пиотровский** и **Флитнер**—История техники древнего Двуречья (в сборнике «Очерки истории техники древнего Востока», изд. Академии наук СССР), стр. 66—67; **Кольдевей**—Вновь возникающий Вавилон (нем.), стр. 236, 286 (рис. 241)—размеры и планы домов в Фара.
 126. **Кольдевей**, цит. соч., 234—235.
 127. Ср. **Дайхес**, № 8, 15, 16, 17, 19—городские участки, № 18, 20—сельские.
 128. **Шорр**, № 86, стр. 130—132. Термин *taxiḡim* означает «покупная цена, цена»; отсюда *bit taxiḡim* означает не торговое помещение, а лавку менялы или ростовщика.
 129. **Швенцнер**, стр. 50 и табл. 10 (стр. 113—118).
 130. **Дайхес**, № 2, **Шорр**, № 96, **Швенцнер**, стр. 114, табл. 10, I, стр. 120, табл. 11.
 131. **Швенцнер**, стр. 113, табл. 10, I (дома); стр. 119, табл. 11 (мелкие поля); стр. 120, табл. 11 (поле в 1000 сар=3,5 га).
 132. Ср. **Дайхес**, № 3, 5, 7; **Швенцнер**, стр. 119—120, табл. 11.
 133. О значении *uḡati* в смысле «община» см. **Кюк**—Этюды, стр. 108—110; **Эйлерс**—Стэла законов **Хаммураби** (нем.), стр. 24: *ṣaḡ uḡati* = «однообщинники»; в моей статье «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 87.
 134. **Шорр**, № 96 А (стр. 143). **Шорр** ставит под знак вопроса чтение I (?) *gan*. В данном случае также не ясно, понимает ли **Шорр** под *gan iku* (100 сар) или *bur* (1800 сар). Судя по тому, что цена участка выражается только в сехелях, т. е. меньше мины, можно было бы

- полагать, что ган здесь соответствует ику, ибо, если исходить из средней цены $3\frac{1}{2}$ —4 секеля за 100 сар, то цена участка при *gan*—*big* была бы во всяком случае больше мины. Однако надо иметь в виду, что в данном случае участок продается за долги, и потому цена его при таких условиях продажи может быть очень низкой.
135. **Ш о р р** в переводе этого документа толкует слово *pašum* в смысле «отровные поля»; но в словаре (стр. 541) допускает, что это может быть названием местности или пункта. Верно, конечно, последнее.
136. **Фридрих**, цит. соч., № 48.
137. **Унгнад**, стр. 51, № 54. **Дур-гургурри** (Дур-куркурри) — одна из старинных лагашских общин, где местным богом (*nin Dur-Kurkurri*—«господин Дур-Куркурри») был **Думузи**, ср. **Витцель** (см прим. 45), стр. 181.
138. **Швенцнер**, стр. 117, табл. 10, IV; **Дайхес**, № 18 (Дайхес переводит—«марка Буша»).
139. **Швенцнер**, стр. 114—118, табл. 11 (эрехские ростовщики); операции жрицы **Шамаша**—**Шорр**, № 113, 276 (с полями), № 88 (покупка дома).
140. Ср. статьи 165, 166, 167, 170 и др. Следует отметить некоторую небрежность при переводе выражения *takkur bit abu* в переводе **Волкова**—**Струве** (**Волков** — Законы вавилонского царя **Хаммураби** и **Струве** — **Хрестоматия по древней истории**, т. I). Там в одних статьях это выражение переведено правильно—«имущество отцовского дома», в других неправильно—«отцовское имущество». По-видимому, эта небрежность перешла в перевод **Волкова** из перевода **Винклера**—**Законы Хаммураби** в транскрипции и переводе (нем.), где этот термин также переводится то «собственность отцовского дома», то «отцовское владение». Это еще одна отрицательная сторона перевода **Волкова**, несамостоятельного, дающего сводку разных иностранных переводов и содержащего ряд грубых ошибок.
141. Употребленный в этих статьях глагол *pašahu* имеет первоначальное значение «выбрасывать», «выгонять», «изгонять» и является выражением, несомненно заимствованным из терминологии обычного права.
142. Так, **Винклер**, цит. соч., стр. 48—49, прим. 2; **Крювелье**, Комментарий к кодексу **Хаммураби** (франц.), стр. 166, 169, подкрепляет такое толкование сопоставлением значений синонимов *aršu* и *paš*; *paš* означает «сын вообще», *aršu*, подобно сумерийскому термину *TUR-USCH*, фигурирующему в § 170 для дифференцирования *paš xirtim* (сына законной жены) от *paš amtum* (сына рабыни), обозначает сына, как прирожденного или преимущественного наследника, который первым выбирает и берет себе свою равную по количеству долю. **Эбелинг** в изд. **Грессмана** (прим. 92) переводит не «лишить сыновства», а «лишить наследства». Только **Колер** и **Пейзер** переводят *aršutum* общим выражением «сыннее отношение»—**Закон Хаммураби**, т. I, стр. 48—49 (нем.).
143. См. **Хвостов**—**История римского права**, стр. 135—136.
144. **Законы XII таблиц**, V, 4—5: *si intestato moritur, cui suus heres nec escit, adgnatus proximus familiam habeto; si adgnatus nec escit, gentiles familiam habento*. Здесь характерно, что в первой и второй степени устанавливается единоличное владение (*heres, adgnatus*); на эту черту никто не обратил внимания.
145. XII табл., V, 3: *uti legascit super pecunia tutelaeque suae rei, ita ius esto*. *Pecunia* здесь в общем значении «имущество». **В. М. Хвостов** неправильно, вопреки явному смыслу этой и двух последующих статей, считает, будто завешание дозволялось делать только при отсутствии категории *sui heredes*.
146. Аналогичный переворот был произведен в Афинах **Солоном**; к сожалению, текст его постановлений о праве завешания до нас не дошел, и имеется лишь сообщение **Плутарха** (**Солон**, XXI) о том, что до **Солона** имущество оставалось «в роде», а по постановлению **Солона**,

- «если не было детей, можно было оставить (имущество) кому угодно»; таким образом, Солон сделал имущество «κτεματα τον εσποντον — собственностью (аналогично имуществу, приобретенному за деньги) тех, кто им владел».
147. Грессман, цит. изд. АОТВ, I, стр. 411.
 148. Об этом древнем обычае есть упоминание в речи Демосфена *Pro Phormione*, 34. **Фюстель де Куланж** (*Античная городская община*, стр. 91—франц.) полагает, что *presbeia* заключалась, прежде всего, в передаче старшему сыну во владение дома.
 149. О наследственных правах вдовы говорят статьи 171, 172, 173, 174, 177 и дочерей—178—182.
 150. **Шорр**, № 179, 180, 181, 182, 184, 186, 187, 188. Из 29 документов, рассмотренных нами, 20 являются договорами о разделах, 8—протоколами судебных учреждений о разборе споров, возникавших в связи с разделами «имущества отцовского дома», и один—договором о порядке раздела, имеющего быть после смерти отца. Все рассмотренные документы о разделах, кроме двух—**Рифтин**, № 2 и документа, изданного **Кошакером** в журн. «Шейтрифт фюр ассирологии» (Ц. Асс.), 1924, апрель, стр. 192—193, взяты из сборника Шорра; кроме указанных в начале сноски, это № 183, 185, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196 и 197; из них № 194 отличается необычайной краткостью: «такие то поделили все, что было у их отца, от соломы до золота; один не будет возбуждать жалобы против другого». Это единственный документ в своем роде. Судебные акты—**Шорр**, № 288, 289, 290, 291, 293, 295, 297, 298.
 151. **Шорр**, № 185, 183; к последнему акту см. кодекс Хаммураби, ст. 182.
 152. **Шорр**, № 190; о дочерней доле см. кодекс Хаммураби, ст. 180 (икка! — «чтобы питаться», т. е. в пользование доходами).
 153. **Шорр**, № 189.
 154. **Шорр**, № 194; **Рифтин**, № 2; отправление жреческих должностей (и получение доходов) распределяется по каждой должности по календарным срокам. Дележ неравный; см. ниже в тексте.
 155. **Шорр**, стр. 230. Здесь ссылка автора на № 188 и 189 его сборника неправильна, так как в этих двух документах ни водоемы, ни колодцы не упоминаются.
 156. **Шорр**, № 197.
 157. **Шорр**, № 191; **Кошакер**—Статьи по древнеавилонскому праву. Ц. Асс., 1924, апрель, стр. 192—195.
 158. **Рифтин**, № 2; **Шорр**, № 192; поле кормления—*aschag schukum*.
 159. **Шорр**, № 185. Глагол *izazu* в конце акта Шорр переводит «ручаться, гарантировать»; однако значение *zazu* только одно: «делить», «выделять», «делиться», ср. **Мусс-Арнольд**. Словарь, стр. 276. **Шорр**, стр. 564.
 160. **Шорр**, № 290. Судя по заключительной формуле, которая запрещает в будущем пред'явление каких-либо претензий к ответчикам со стороны сестер-истец и «какого-либо мужчины или какой-либо женщины из сынов Амуррум», **Изи-даре**, отец истец, принадлежал к этому роду или племени. Шорр в примечании стр. 414—415 дает очень сбивчивые пояснения и путает истцов с ответчиками.
 161. **Шорр**, № 295 (сестра против брата), 293 (три сестры против брата), 297 (сестра против трех братьев).
 162. **Шорр**, № 289 (раздел подтвержден «от соломы до золота»), 288. В последнем деле сестра представила *kispikkum*—«документ, скрепленный печатью», т. е. бесспорный. Тяжба возникла в богатой семье, ибо общая площадь полей, входивших в состав «имущества отцовского дома», должна была превышать 30 га, а число рабов доходило, вероятно, до 15—20 человек.
 163. **Шорр**, № 291; общая площадь поля должна быть около 10 га.

164. Шорр, № 298. Обработку см. Кюк—Очерк по вопросу о судебной организации в Халдее, Р. Асс, 1910, II, стр. 73—82; транскрипция и перевод здесь сделаны Шейлем, который дал неправильную передачу знаков, обозначающих размеры полей (10 ган вместо 18 ган и 6 бур вместо 1,5 гана); см. также Колер—Унгнад, Закон Хаммураби, IV, № 1055. Русский перевод в хрестоматии «Древний мир в памятниках его письменности» (сост. Жаринатов, Никольский, Радигом и Стерлиговым), ч. I, № 40, сделан по переводу Кюка—Шейля и нуждается в исправлениях.
165. Второе поле находилось в ugar gabim; Шорр переводит это выражение «обширные поля», однако в оригинале документа gabim передано сумерийским GULA, словом, которое, правда, имеет значение «большой, великий», но в данном случае употреблено, несомненно, в качестве собственного имени, названия одной из мелких общин, входивших в Бит-Адуркитти. То же самое наименование, ugarit gabim, имеется в одном распоряжении царя Самсуилуны наместнику сумерского юга Синидиннаму, рядом с другим наименованием ugarit tamkanim, в котором tamkanim считается, бесспорно, собственным именем (Унгнад, № 60). Унгнад считает, что оба ugarit письма Самсуилуны находились в окрестностях Сиппара, очевидно, на том основании, что приказ одновременно дается также властям и судьям Сиппара; но эта последняя деталь объясняется, несомненно, тем обстоятельством, что рыбацья флотилия, вторгшаяся в пределы этих двух ugarit и нарушившая их права, была отправлена из Сиппара. Толкование термина gabim в смысле собственного имени подтверждается не только тем обстоятельством, что документ о процессе происходит из Ниппура, но и тем, что наименование общины Бит-Адуркитти в оригинале документа дано по-сумерийски E—A—GAR—GI—NA и только Шорром в транскрипции передано по-аккадски; значит, и эта община была сумерийской. Ugar Gula упоминается еще в трех документах из Сиппара, изданных в числе других Фридрихом (цит. соч., № 48—о продаже поля и № 28 и 57—об аренде полей в ugar Gula). Возможно, что община ugar Gula этих документов находилась в области Сиппара, и что с целью отличить ее от ниппурской общины в № 48 при наименовании ugar Gula было прибавлено ita Zanip—«около Заним». За сиппарское местонахождение Гулы документов Фридриха говорит то обстоятельство, что по № 28 арендатор получает поле рядом с полем храма Шамаша и обязуется сверх арендной платы вносить также натуральный налог, установленный в пользу этого храма. Одноименные области, общины и поселения встречаются в древнем Двуречье (я могу насчитать не менее 5—6 случаев); существование одноименных общин в ниппурской и сиппарской областях также вполне допустимо, ибо теперь, после раскопок в Мари, обнаружилось, что сумерские поселения в начале III тысячелетия распространились далеко на северо-запад, вплоть до границы сирийской пустыни. В связи с этим следует отметить, что, как показывает традиция, храм бога солнца и город Сиппар при нем были основаны еще в самой глубокой древности, первоначально на правом берегу Евфрата, и что название храма E—Babbar (раньше читали E—Bappa) в Сиппаре сумерское и совпадает с названием храма бога солнца в сумерийской Ларсе. Отсюда само собой вытекает предположение, что первоначальный Сиппар был основан сумерскими колонистами из Ларсы и носил тогда название UD=KIB=NUNKI, встречающееся в сумерийских текстах начала III тысячелетия и повторяющееся иногда в текстах II и I тысяч (ср. Гоммель—География и история, I, стр. 341—344; Ястров—Религия Вавилонии и Ассирии, т. I, стр. 67, 71—72).
166. Так толкует Кюк выступление Ниниб-Мушаллима по поводу дачи свидетелями клятвы перед богом Сином—см. Очерк, стр. 78.

167. Шорр, № 292. Документ изобилует сумерскими словами и терминами, в том числе *aschag schuku*—«поле кормления».
168. Шорр, № 188, 192.
169. Шорр, № 191 (раздел), 89 (акт о покупке).
170. Раздел четырех братьев—Шорр, № 91; при перечислении братьев брат-покупщик назван первым, следовательно, был старшим. Третий случай—Швенцнер, стр. 114, табл. 10, I.
171. Шорр, № 219: царь дает своему служащему дом, но без *andugatum*, т. е. без «свободы» от повинностей и долгов, могущих быть на этом доме. Ценность этого свидетельства уменьшается тем, что документ происходит не из Вавилона, а из страны Хана, или царства Мари, завоеванного царем Хаммураби.
172. Документ опубликован Рифтином (под № 14), который определил указанную в тексте дату. Но вряд ли можно согласиться с Рифтином в толковании термина *andugatum*. Рифтин склонен приравнивать его значение к значению термина *mischagum* или *meschagum*; однако из двух известных нам указов о *meschagum* один, как видно из документа эпохи Аммисадуги, не освобождал от долгов или долговой кабалы, но лишь предоставлял должникам право рассчитываться с кредиторами «по своим силам», т. е. предоставлял отсрочку и, быть может, рассрочку платежей, а другой, указ Каштилиаша (касситской династии), давал льготу только на один год по платежам налогов шерстью и хлебом и арендной платы, за исключением платежей данкам, т. е. по долгам ростовщикам. Ср. Шорр, № 237 (строки 15—19, стр. 376—379, со ссылкой на указ Аммисадуги); его же, Вавилонская сейсахтия в начале касситской эпохи, стр. 4—7, 8—15. Шорр, безусловно, ошибается, приравнивая указ Каштилиаша к солоновской сейсахтии, так как такому толкованию противоречит и текст указа Каштилиаша и содержание указа Аммисадуги.
173. Необходимо отметить, что из 20 разобранных нами актов раздела в 18 актах идут в раздел участки E—DU—A; это обстоятельство свидетельствует, что разделялись городские семьи.
174. При храме Шамаша в Сиппаре было *gagum*—обширное общежитие для жриц-проституток, построенное царем Маништусу; в 4-м году своего царствования Хаммураби обнес это общежитие новой стеной. Судя по раскопкам, из 104 га площади, которую занимал храм Шамаша в Сиппаре в халдейскую эпоху, 74 га, или около 70%, были заняты под *gagum*. Ср. Тюрю-Данжен. *Gagum* в Сиппаре, Р. Асс., 1911, I—II, стр. 93—94; летописная заметка о 4-м годе Хаммураби—Шорр, стр. 541.
175. К сожалению, у нас нет точных данных относительно обычного имущественного права древнеавилонских сельских и семейных общин. Повидимому, имущественное право сельских и семейных крестьянских общин в древней Вавилонии не было таким же строгим, как, например, право болгарских и черногорских семейных общин. В последних земля, сельскохозяйственный инвентарь и жилище считались нераздельным и неотчуждаемым общинным имуществом под названием *башниа* (батьковщина), *дединка*, в личном владении могло быть только движимое имущество, нажитое от личного промысла (охоты, отхожих промыслов) и от покупки на личные средства. Это личное имущество называлось термином *свойщина, добытько, особина, покушина* (термин *добитько* применялся к добыче от охоты—ср. *szibtu*). В древнеавилонской крестьянской семейной общине, повидимому, допускалась в исключительных случаях продажа наделной земли и скота. О славянском обычном праве см. Ковалевский—Родовой быт, стр. 22—23, 27—28.
176. Цитаты из законов Ману даются по «Хрестоматии по древней истории» под ред. Струве, ч. I, стр. 114. О постановлениях Митакшары см. Ковалевский—«Родовой быт»; стр. 53.

177. О русской, белорусской и южнославянской семейной общине см. Ковалевский—«Родовой быт», стр. 22—28, его же—«Первобытное право», стр. 20—30; Довнар-Запольский—Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии в сборнике «Исследования и статьи», т. I.
178. Унгнад, Письма, № 187—199 (Адад-Раби и его сыновья), 96—108 (Ахум), 151—152 (Ниши-Инушу, повидимому, жрица), 95, 110, 113—115, 128, 145, 157, 184—186 (Адад-Шаррум), 203, 210, 231, 242, 245, 252, 254, 260, 266 (разные лица, в том числе ростовщики и скотоводы). Часть этих писем, в том числе некоторые письма Адад-Раби, Ахума, Адад-Шаррума и Ниши-Инушу, были переведены и обработаны Эбелингом—Древнеавилонские письма, Р. Асс. 1913, № I, II III; эти переводы устарели, кроме некоторых толкований, указанных в примечаниях Унгнада.
179. Шорр, № 113, 276, 192, 298 (крупные владения); эрехские скупщики домов—Швенцнер, стр. 50; ср. также Дайхес, № 13 и 14 и стр. 70. О сдаче полей в аренду см. Шорр, стр. 170, 171, 172, 173; 86 договоров на аренду обрабатываемых полей, 10 договоров на аренду целины, один договор на обработку зернового поля под седам, 4 договора на аренду садов (см. примеч. а на стр. 173); всего 101 договор.
180. Население той части современного Ирака, которая соответствует территории Древнеавилонского царства, составляет примерно 1.500.000 человек; но в древности население было по крайней мере в 2—2½ раза плотнее.
181. Унгнад, № 190 и 191; поле в Синикишам (№ 190) названо «собственным», и по смыслу текста № 191 таким же было и поле в Куннум. Все прочие поля названы по именам лиц, которым они розданы; но это не значит, что все они были расположены в одной и той же местности. О происхождении архива Адад-Раби из Дильбата см. Унгнад, стр. XI.
182. Унгнад, № 190 и 191—«собственные поля»; № 188, 192, 193, 195, 196—розданные поля; № 191—поля реду.
183. Унгнад, № 193.
184. Там же, № 190 и 191—«собственные» поля.
185. Там же, № 187, 191 — «собственные» сады; 187, 188 — розданные сады.
186. В сводной таблице Швенцнера (табл. 12 на стр. 121) из 17 садов 8 имеют площадь от 0,35 до 0,8 га, один сад—2 га, все остальные меньше.
187. Унгнад, № 191 (рогатый скот), 189 и 194 (рабочие быки).
188. Самому Адад-Раби принадлежит 10 писем (№ 187—196); письма № 197—199 адресованы тому же Липит-Эа, по тем же делам, одно от Аплатума (касается Тарибатума—№ 197), одно от Гимиллума и третье от лица, имя которого не сохранилось. По всей вероятности, авторы этих писем—сыновья и наследники Адад-Раби.
189. Ср. Унгнад, стр. 273. Шорр, стр. 526.
190. Унгнад, № 193 (iku Иахулии); о функциях Тарибатума — № 194, 191, 187, другие еггесчим рядом с Тарибатумом — № 187, 188, 196. Тарибатума, упоминаемого в письмах Адад-Раби, Унгнад отождествляет с Тарибатумом, упоминаемым в письмах царей Хаммураби и Абиешу (стр. 441). Это совершенно неправильно. Тарибатум, упоминаемый в царских письмах, был крупным сановником, подчиненным непосредственно Синидиннаму, наместнику царя в Сумере, и имел у себя в подчинении таких служащих, как исаку, заведующий сбором царских налогов, начальник царской флотилии. Тарибатум в письмах Адад-Раби—мелкий агент, притом вороватый (№ 191), с которым Адад-Раби презрительно пишет: «кто такой этот Тарибатум, чтобы отдать ему поля реду?» (№ 188).
191. Унгнад, № 187, 188, 193, 196, ср. также № 199.

192. Унгнад, № 195. Адад-Раби запрашивает Липит-Эа «Кто ilak (отбывает службу, повинность) с двух твоих ilkim? Твои два ilkim заброшены». Повидимому, Липит-Эа не организовал хозяйства на этих данных ему участках, и господин жалеет, что дал их Липит-Эа, а не оставил за собой.
193. Унгнад, № 189, 194.
194. Там же, № 191, 193, ср. № 197.
195. Там же, № 187. Повидимому, эта небрежность Липит-Эа заставила Адад-Раби передать один из своих садов в заведывание Тарибатуму (в этом же письме). О договорах с общинниками на сезонные работы см. Лаутнер. Древневавилонские договоры с наемниками и жнецами (ср. прим. 3) стр. 15—39, 146—147, 152—153, 172—175, 221—223, 228—230. Краткий обзор этих договоров см. в моей статье «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, кн. 4 (5), стр. 88—90.
196. Унгнад, № 190. Alu здесь обозначает центр общины Синикишам, вероятно, носивший то же название. Центр был небольшим городком, так как в нем был начальник (gabianu), назначенный царем. Унгнад переводит термин gabianu—Polizeipräsident, но это не точно, так как функции gabianu были, прежде всего, финансовые и военные—контроль за сборами царских налогов, за выполнением царских повинностей, за царскими реду и баиру. Отправляя письма не только старейшинам alu, но и gabianu, Адад-Раби рассчитывал на административное давление на совет alu со стороны этого царского агента.
197. Унгнад, № 195, 193.
198. Там же, № 188, 195, 196, ср. № 199.
199. Там же, № 189—неправильная мера зерна, 191—мошенничество с зерном и уплатой налога. Средняя часть этого последнего письма, где говорится о разборе дела в суде старейшин alu, дошла с большими пробелами. Письмо Адад-Шаррума, № 186.
200. Унгнад, № 188 (угроза «разбить нос»), 189, 191, 192, 193, 196 (напоминание об ответственности), 193 («беглые» держатели ilku).
201. Там же, № 188, 193.
202. Термин akil amuggit обозначает какую-то должность царского сановника, уполномоченного по делам аморейского населения Вавилонии, т. е. того племени, к которому принадлежали царя первой вавилонской династии. Более точных данных не имеется.
203. Мелкая мера зерна, около 0,4 литра.
204. Унгнад, № 192. Унгнад отождествляет Нуху, занимавшего должность akil amuggit, с Нухой, агентом Адад-Раби, находившемся наравне с Тарибатумом и другими агентами в подчинении у Липит-Эа (№ 188 и 196). Это неправильно, так как крупный царский сановник, каким был akil amuggit, не мог одновременно состоять второстепенным служащим Адад-Раби.
205. Унгнад, № 151 («собственные» поля), 186, 199, 242 (ilku), 95, 145, 157, 231, 242, 266 (аренда). Письмо № 228 от подчиненного агента его господину, не названному по имени, о злоупотреблении деку при распределении полей между реду, вероятнее всего, является рапортом царскому областному начальнику.
206. Унгнад, № 115, 119, 128 (сады); в № 128 также сезам.
207. Там же, № 231 (быки и матка-овца), 245 и 252 (крупный скот).
208. Там же, № 260, письмо управляющего господину, очень бессвязное.
209. Там же, № 95, 230 (функции), 186, 199, 242 (ilku).
210. Там же, № 186, 245, 252 (нерадивость, злоупотребления), 242 (просьба об уходе).
211. Там же, № 95, 242, 266, ср. также № 157.
212. Там же, № 159.
213. Как уже указывалось, всего до нас дошел 101 договор на аренду полей (ср. Шорр, стр. 170, 171, 172); таким образом, нами учтено около 67% всех договоров. Договоров на аренду садов насчитывается всего четыре, но из них два—смешанной аренды, поля и сада

- (Шорр, стр. 173, прим. а, № 136 и 137). Сдача поля в аренду Сиппаром—Шорр, № 131А. 67 документов, рассмотренных нами, частью изданы Шорром и Фридрихом, частью вошли в статью Унгнада. Документы из времен царства Ларсы и династии Хаммураби, Ц. Асс. 1925, март, частью помечены в сводной таблице Швенцнера, стр. 124—125, табл. 14.
214. Ср. Шорр, стр. 170—из 86 договоров на аренду обрабатываемых полей в 70 назначается твердая плата и только в 16—издольщина. Следует отметить, что Шорр ошибается, называя только один договор, устанавливающий аренду исполу (стр. 171, № 124). В его же сборнике есть еще договор, № 131, который устанавливает для арендатора обязательство заплатить столько же, сколько будут платить «справа и слева», но в этом случае, если поле окажется необработанным, владелец все же получит «свою половину» (m.slanischu).
215. Унгнад, № 110, 203. Скотоводческое хозяйство двух братьев (№ 258) было, повидимому, среднего типа.
216. Там же, № 96—108. В письмах Ахума нет никаких указаний на какие-либо местные пункты; предположения, что письма эти происходят либо из южной Вавилонии, либо из Киша, являются совершенно произвольными (Унгнад, стр. XII).
217. Унгнад, № 97, 96.
218. Там же, № 106 и 104—зерно, 99 и 102—скот, 108—дом.
219. Там же, № 100, 105. В последнем документе (№ 105) речь, конечно, не может идти об отце управляющего Лубау; Унгнад, с полным правом сомневающийся в правильности чтения здесь собственного имени, напрасно оставляет в тексте перевода заведомо неправильное толкование.
220. Переписка Ахума — Унгнад, № 98, 101, 108. О ростовщичестве вождей в Меланезии и на острове Борнео см. Кунов — Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 324—326, 403—404.
221. Унгнад, № 151 и 152.
222. Мейсснер, Вав. и Асс., т. I, стр. 8 (30.000 кв км=3.000.000 гектаров).
223. Право вавилонского общинника, точнее—члена крестьянской семейной общины, продавать свой наследственный надел документально не доказано, но допустимо. С одной стороны, в эпоху древнеавилонского царства переделы общинной земли были, повидимому, уже редким явлением; с другой стороны, нам известно право общинников на продажу их наделов из быта других восточных народов. Так, у ягнобцев—народа, родственного иранцам, живущего теперь в Таджикистане изолированно, в горной области, до сих пор сохранилась сельская община, состоящая из больших патриархальных семейных общин по 15—20 человек в семье. До революции земельные наделы общинников считались наследственным владением семейных общин по праву давности и могли продаваться (ср. Кондауров — Патриархальная домашняя община и общинные дома ягнобцев, стр. 5—6, 15—20). У ягнобцев установлению права наследственного владения и права продажи наделов способствовал горный характер местности, подобно тому, как это имело место в горных местностях Германии и в Альпах (ср. Энгельс—Марка, 1933, стр. 7).
224. Наиболее типичный вариант договора *schubanti* таков: «Столько то мер зерна от А получил (*schubanti*) В, сын С; во время жатвы придут работники для жатвы; если не придут, то закон царя». Получатель—представитель будущей артели; он рассчитывает на родичей или на однообщинников. Ср. мою статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, кн. 4(5), стр. 88—89.
225. Бывали случаи, когда по договору *schubanti* во главе артели являлся не тот контрагент, который заключал договор, а другое лицо. В этих случаях обнаруживается действие взаимного обязательства общинников поддерживать друг друга и выставить заместителей на основе

коллективной ответственности за взятые на себя членами общины обязательства. При договорах *schubanti* обязательство носит характер ссуды, ибо аванс под будущую работу по существу является ссудой.

226. Ср. Schugru, II, 34—50. (Циммерн—Материалы для познания вавилонской религии, вып. I, стр. 4—5): «Не погрешил ли он против своего бога, не провинился ли он против своей богини?.. Не вступил ли он в дом (т. е. не завладел ли домом) сотоварища (*tarru*) своего, не приблизился ли он к жене сотоварища своего, не пролил ли он кровь сотоварища своего, не похитил ли он одежду сотоварища своего?.. Не выгнал ли он доброго мужа из рода (*kimtu*—семейная или родовая община), не разрушил ли он силу и стойкость общины (*rixigtu* своей?). Слово *tarru*—сумерийское, означает товарища—соседа, товарища—члена одного и того же коллектива, конечно, либо родственного, либо соседского, так как в сумерийскую эпоху никаких добровольных коммерческих товариществ еще не существовало, и применение термина *tarrutu* в значении «торговое товарищество» впервые начинается только в эпоху древнеавилонского царства. В том же заклинании, в его начале (ст. 20—29), имеется семитский термин, равнозначный с *tarru—gua* (евр. *ge'e*)—«родич», «сосед», «ближний». Напрашивается параллель термина *tarru* со старорусским и сербским термином сярбр, сярбр, который применяется в Псковской судной грамоте и в Литовском статуте 1529 г. для обозначения члена семейной или домашней общины и до сих пор сохраняется в некоторых русских говорах и в белорусском языке в значениях «товарищ», «артельщик», «соучастник», «сосед» (ср. Даль—Толковый словарь, т. IV, стр. 393; Ковалевский—Родовой быт, стр. 36—37).
227. Бернье. История последних переворотов в государстве Великого Могола, стр. 184—185.
228. Соч. М. Э., т. IX, стр. 520; Немецкая идеология, стр. 44—45; Капитал, т. I, стр. 406.
229. См. сводку сведений о Бит-Хаббан у Делича.—Язык косеев (нем.), стр. 29—30, 35—37. О Бит Карзиябку см. Шрадер — Библиотека клинообразных текстов (БК, нем.), т. III, ч. I, стр. 164—169; Гюзинг — Лакти-Шипак из Бит-Карзияшку? в журн. «Ориенталистическое литературцайтунг» (ОЛ), 1914, № 4, столб. 156—157.
230. Указ Агума см. Шрадер, III, ч. I, стр. 146—149. Об указе Каштиляша I см. цитир. выше работу Шорра — Вавилонская сейссахтия, стр. 4—7.
231. Кудурру Куригальзу II (1407—1389), Кадашман-Энлиля I (1388—1370) и Куригальзу III (1344—1320). О последнем кудурру см. Кюк—Этюды, стр. 126.
232. Царствование Мардука-ахе-риба, одного из последних царей IV династии, выдавшего два кудурру, относится к 60-м годам XI в., т. е. за 20—25 лет до конца династии.
233. Торговля с Египтом возобновляется Кадашманом Харбе I и продолжается вплоть до смерти Бурнабуриша II в 1345 г. Деловые документы из Ниппура относятся к XIV и XIII вв.; из 60 документов один относится к середине XIV в., а почти все прочие—к первой половине XIII в., опубликованы в издании Клей — Документы из архивов храма в Ниппуре, датированные царствованием касситских государей (англ.). Документы ростовщика Набу Шарраха относятся ко второй половине XIV в. и к XIII в., опубликованы Пейзером — Документы из эпохи третьей вавилонской династии (нем.).
234. Кудурру Нази-Марутташа: «были вознаграждены вожди Бит-Муккут Исесах (Штейнметцер — О землевладении в Вавилонии касситской эпохи, стр. 27, нем.) второй кудурру Мелшиппака II (1202—1188: «землю продал глава общины Бит-Ахунья» (Кюк — Этюды,

- стр. 89); из IV династии кудурру Мардука-надин-ахе: «продал землю с получением подарка глава общины (bel biti) Бит-Ада. (Бельзер — Вавилонские надписи-кудурру, Б. Асс. II, I, стр. 124—125, ср. также выше в разд. II); в одном из кудурру Мардук-ахе-риба продает общинную землю «сын Ханби», т. е., как полагают, глава общины (bel biti) Бит-Ханби (Кюк, цит. соч. стр. 92—93; БК, III, I, стр. 74—75).
235. О восстании см. БК, т. I, стр. 194—195. О строительстве храмов — там же, III, 1, стр. 152—153 (Караиндаш, 1449—1427), 151—155 (Бурнабуриаш II).
236. Все цитаты даются по изданию кудурру Штейнметцер—Дарственный кудурру царя Мелишиху, Б. Асс., VIII, 2, стр. 4—5, начало надписи.
237. В касситскую эпоху площадь поля измерялась соразмерно с количеством высева на ней зерна по расчету 30 ка на ику, который тогда равнялся 0,45 га; отсюда на 1 гур (300 ка) зерна приходилось 4,5 га. Надо отметить, что для кудурру Мелишипака Мейсснер дает расчет, не вполне соответствующий указанной им же самим пропорции, именно 390 га (Вав. и Асс., т. I, стр. 188; расчет пропорции—стр. 358).
238. Кол. IV, 30 (стр. 6—7)
239. Бельзер — Кудурру, стр. 124—125; Кюк—Этюды, стр. 89.
240. Кюк, стр. 92.
241. БК IV, стр. 78—83; Шрадер переводит не «невеста», а «невестка»; более правильно толкование Кюка—Этюды, стр. 94; ср. комментарий Кюка, стр. 139. Выдел по этому кудурру значительно более крупный, чем выдел в 16 га ирокезцу, который женится и заводит свое хозяйство (Морган—Дома и домашний быт американских туземцев, стр. 53).
242. Штейнметцер. О землевладении, стр. 26—27. К сожалению, Штейнметцер дает только перевод кудурру Нази-Марутташа, так что проверить правильность его передачи размеров жалуемой земли я не имел возможности. БК III, 1, стр. 172—173. В связи с этим необходимо отметить грубую ошибку акад. Струве, который утверждает, что по кудурру земли богам давались якобы «часто» (История древнего мира, т. I, изд. ГАИМК, стр. 240).
243. О строительстве храмов в касситскую эпоху ср. БК, I, стр. 194—197, III, 1, стр. 152—155; Винклер—Древневосточные исследования (нем.), II, стр. 136—138; Кнудсона—Таблицы из Эль-Амарна (нем.), № 9, строки 15—16, ср. № 7, строки 63—65, № 11, строки 28—30. О дарениях храму Мардука в Вавилоне — БК, III, 1, стр. 134—149, храму Энлиля в Ниппуре—Гильпрехт, Древневавилонские надписи, главным образом из Ниппура, стр. 28—33 (англ.).
244. Кюк—Этюды, стр. 86.
245. Там же, стр. 89.
246. Бельзер, цит. соч., стр. 116—125; Кюк, цит. соч., стр. 92; БК, IV, стр. 75.
247. БК III, 1, стр. 172—173. Мейсснер в 1889 г. датировал этот кудурру эпохой Навуходоносора II, знаменитого царя Халдейской державы (Ц. Асс., 1889, III, стр. 261—263); однако неправильность этой датировки была доказана в том же *году Винклером (см. Ц. Асс., 1889, IV, стр. 403—404, письмо в редакцию).
248. БК III, 1, стр. 164—169.
249. См. цитаты к слову nischtu в Мусс-Арнольт—Словарь, стр. 738; Пфейфер и Шпейзер—Сто новых избранных текстов из Нузи (в Ежегоднике американских высших школ для исследований Восточной Азии, т. XVI, № 40); Ландсбергер—Ассирийские колонии в Малой Азии (нем.), стр. 33. Термином иги в документах из Нузи обозначены Аннишу (Пф.—Шпейзер, № 3), Темтенаш (№ 15, 16, 17, 19) и Зизза (№ 20). Совершенно непонятно, почему Пфейфер и Шпейзер

- в первом случае переводят иги—«деревня», во втором — «город (или деревня)» и в третьем—«поселение» (стр. 67, 77).
250. **Пфейфер—Шпейзер**, № 15, 5; 16, 8, стр. 76—77. Архив Тулпуана найден в Нузи в развалинах частного дома (стр. 75).
251. Так определяет **Шпейзер** дату архива Тулпуана на основании точных дат царей Митанни и данных генеалогии Тулпуана (стр. 62, 77).
252. **Пфейфер—Шпейзер**, № 3, 8, 6, 7.
253. Подобное запрещение существовало в древнем Израиле, см. **Левит**, 25, 39—49, где для единоплеменников допускается только временное долговое рабство; аналогичное запрещение существовало в Ассирии, судя по фрагменту ассирийских законов VAT, 10093 (см. **Крювелье—Собрание ассирийских законов** (франц.), I, стр. 52—54). Отсюда понятно, почему Тулпуана приобрела покупкой только двух рабов-иноземцев, а всех прочих, около двадцати,—посредством «удочерения» или «усыновления» и посредством превращения долговых рабов в полных, согласно их «собственному желанию». См. **Пфейфер—Шпейзер**, № 23—45; разработку см. в моей статье «Рабство в древнем Двуречье», ВДИ, 1941, кн. I, стр. 59—60.
254. **Пфейфер—Шпейзер**, № 15 (формула); выражение «как наследственную долю» фигурирует только в № 21 и 22, в прочих актах подразумевается; в № 17 указания на подарок со стороны Тулпуана нет, так что и здесь, очевидно, скрывается долговое обязательство «продавца».
255. **Пфейфер—Шпейзер**, № 15—22; три брата, «подарившие» сад,— в № 16.
256. О мерах длины в Нузи см. **Пфейфер—Шпейзер**, стр. 80—81. Локоть в Нузи—*rigidu* или *scheru*—был длиннее вавилонского локтя (*ammatu*), равного 50 см.
257. **См. Ландсбергер** — Ассир. колонии, стр. 31, 33—семейная община (*nischutu*), в которую входят и домашние рабы.
258. Таблица I по описи Переднезидатского отдела Берлинского музея—VAT. 10.000; табл. II—VAT. 10.001; табл. VI—VAT. 10.093. Эгелольф—Кошакер объясняют ограничение своего издания ассирийских законов, повидимому, тем, что табл. I больше всех по размерам и лучше всех сохранилась (см. Древнеассирийская книга законов, стр. 4); но это не совсем правильно. В табл. I есть также немало пробелов и темных мест; в табл. II целиком недостает только текста колонн I и VIII; из прочих сохранившихся 21 статьи только четыре (V, XV, XVI и XIX) не поддаются переводу и толкованию из-за ряда пробелов. Цитируем табл. II по **Крювелье**, цит. раб., I, стр. 44—52 (текст), II, стр. 330—338 (обзор содержания). Эбелинг в изд. Грессмана—Тексты и изображения (ср. прим. 92), I, дает перевод только табл. I. Издания Мейнарда, Драйвера-Майльса и Шейля с ассирийским текстом по обстоятельствам военного времени были мне, к сожалению, недоступны.
259. **Крювелье**, I, стр. 44—45. Текст постановления совершенно ясен; так его толкует и **Мейсснер** (Вав. Асс., т. I, стр. 178). Совершенно непонятно толкование **Кюка** (Этюды, стр. 442), который полагает, что статья говорит о разделе между братьями жатвы с неподделанных полей. Аналогичное постановление в древнееврейском наследственном праве—см. **Второзак.**, 21, 15—17: первенец получает двойную долю сравнительно с остальными братьями. Кн. Второзакония относился к концу VII века; но постановление, повидимому, существовало и раньше, так как Второзаконие не провозглашает его, а лишь разъясняет его смысл. Однако несомненно, что это постановление появилось лишь в царскую эпоху и не ранее конца IX в., ибо древнейшее родовое наследственное право дифференцирует только сыновей и дочерей (Числ., 27,3—11). Второзаконие также вынуждено регулировать положение наемников (24, 14—15, ср. **Левит**, 19, 13—более краткое и, следовательно, более раннее постановление).

260. Крювелье, I, стр. 44—46. Текст ст. IV дошел с пробелами, но все же смысл его вполне ясен.
261. Термин *kipute* (от единств. *kiputu*) надо, по видимому, производить от глагола *karatu*, имеющего значение «собирать», как предметы, так и людей, напр., войско (Делич—Словарь, стр. 348). Отсюда *kiputu* может обозначать члена какой-либо специально собранной или организованной группы, в данном случае трибунала. Суккаллу был, очевидно, председателем трибунала. Крювелье оставляет слово *kipute* без перевода, но в скобках ставит «правители», что, конечно, неправильно.
262. См. Крювелье, I, стр. 47, прим. 4; стр. 48, прим. 4. Кюк толкует это постановление в смысле «в городе» т. е. в любом городе, либо в Ассуре, либо в другом городе (стр. 440—441).
263. Ст. VI, строки 5 — 32, 36 — 51; ср. строки 33—35 (Крювелье, I, стр. 47—48): местные хазану и рабим только «будут заседать» при оповещении.
264. Законы XII таблиц, VII, 1—10.
265. Ст. VII, устанавливающая ответственность за повреждение чужого дома, дошла с пробелами, но смысл ее ясен. Знак, обозначающий число ударов, полустерт; по аналогии со стр. IX надо предполагать не 5, а 50 ударов (Крювелье, I, стр. 49, прим. 2). Свиное в древнеассирийскую эпоху был обычным платежным средством (ср. Мейсснер, цит. соч., I, стр. 355).
266. О передвижке границ—ст. VIII и IX; первая говорит о передвижке «большой границы», т. е. на значительное расстояние от прежней границы; вторая статья говорит о передвижке «малой границы водоемов» — смысл не вполне ясен. О водоемах и дамбах—ст. X. О кирпичном заводе—ст. XIV; ст. XV говорит также о постройке кирпичного завода на чужой земле, но вследствие плохого состояния текста нет возможности установить обстоятельства и условия, при которых производится правонарушение, и меру наказания. О насаждении сада на чужой земле говорят статьи XI и XII.
267. Уотермен. Переписка царей Ассирийской империи (англ.), т. I, № 421, эпохи Ассурбанипала (ср. III, стр. 157).
268. См. общую сводку данных о содержании и доходах ассирийских сановников у Мейсснера, Вав. Асс., I, стр. 131—137. О жалобах царю на захват полей, домов, садов и рабов. см. Уотермен, цит. соч., I, № 168, 177, 353, 421 (ср. III, стр. 157); указ Ассурбанипала—там же, I, № 307, ср. III, стр. 120.
269. Ср. в льготной грамоте Ассурбанипала Набу-шарру-усуру—единственной грамоте, дошедшей до нас почти в цельном виде: *bit gamenischi* (Мейсснер, Ассирийские льготные грамоты, Б. Асс., II, 3, стр. 566). О форме грамот—там же, стр. 565, и Штейнметцер—О землевладении, стр. 25—26, 31, прим. 27. Все прочие грамоты, кроме грамоты Ассурбанипала, дошли только в фрагментах.
270. Прочие грамоты не могут быть датированы вследствие утраты в них начала. О принадлежности четырех грамот Ассурбанипалу см. Штейнметцер, цит. соч., стр. 31, прим. 37, где в противоположность сказанному на стр. 25 и в согласии с Мейсснером—Ассир, льготные грамоты, стр. 565—говорится о четырех грамотах Ассурбанипала.
271. БК IV, стр. 114—117 (II) и 134—137 (IV)—Илу-Амар и Римани-Раман; БК, IV, стр. 158—165—Набулиу; ср. комментарий у Кюка—Этюды, стр. 139—140.
272. Уотермен, цит. соч., I, № 480 (поле), 65, 142, 427 (сады).
273. БК IV, стр. 134—137 (IV), стр. 126—129 (VI), стр. 104—107 (II)—продает четыре брата сановнику; стр. 112—113 (IV), стр. 110—111 (II)—в поле 4 участка, из них два по 0,73 га; стр. 114—117 (II); стр. 100—101, из царствования Ассур-нирари; Уотермен, цит. соч., II, № 1285. Размеры вычислены в гектарах по эквиваленту

- 1 имер=7340 кв м=0,734 га (ср. Мейсснер—Вав. Асс., I, стр. 357, 358).
274. БК IV, стр. 152—153 (XIX и XX); Оппер—Ассирийское земельное право, Ц. Асс., 1899, март, стр. 259.
275. БК IV, стр. 113—114 (I), стр. 115—116 (IV), стр. 117—118 (VI). О ценах на дома см. Мейсснер, I, стр. 369.
276. Оппер, цит. соч., стр. 258—268 (один документ 674 г., другой без даты). К этой же категории надо относить документы БК, IV, стр. 152—153, XIX и XX. Ссуды колеблются в суммах от 10 секелей до мины.
277. Имеется один случай, в котором, быть может, фигурирует община, вынужденная уступить свои земли царю. На месте Дур-Шаррукина, до постройки его Саргоном, был город (тахазу) Магганубба, территория которого вместе с прилегающими к нему полями должна была отойти под новый царский город. Царь выкупил за серебро или медь «поля города» у их владельцев (belischunu), а тем, кто не хотел денег, предоставил поля по соседству. В числе последних могли быть и крестьяне-общинники. Ср. надпись Саргона на цилиндре, БК II, стр. 46—47, строки 44, 49—52.
278. Уотермен, цит. соч., II, № 912 и 1285 (ср. III, стр. 258—259, 398).
279. БК IV, стр. 104—107 (II); бронза не была платежным средством, как серебро и медь. Формула в этом акте целиком не дошла и содержит только начало: «Кто в будущем, будь это люди (продавцы) или их сыновья»... Формулу полностью см. БК IV, стр. 114—115 (I)—сыновья и внуки, стр. 126—129 (VI)—сыновья и братья.
280. Ср. анналы Саргона—Винклер, Клинообразные тексты Саргона, т. I, стр. 52—53; призма А Асаргаддона—БК II, 128—131; Пейффер—Государственные письма Ассирии (англ.), № 74 и др.
281. См. Пейзер—Клинообразные документы из вавилонских городов, № I, III, X, XII, XIII; БК IV, стр. 302—305 (II); М. В. Никольский — Вавилонский контракт о продаже дома 666 г. (из I тома II вып. «Древностей Восточных» изд. Московского Археологического общества).
282. IX века, 841 г. при Салманассаре III — Пейзер, цит. соч., № I, VII века, 666 г. при Шамаш-шум-укине—М. В. Никольский, цит. соч., в конце VI века, при Дарии Гистаспе — БК IV, стр. 302—305 (II) и прочие документы в цитированной выше (примеч. 281) работе Пейзера.
283. Первая формула обычна в документах из Сиппара, вторая—в документах из Ниппура; ср. Шорр, стр. 116—117. Дайхес (стр. 40) неправильно полагает, что первая формула является «прообразом» позднейшей формулы IX—VI вв.; последняя возникла совершенно самостоятельно в связи со специфическими условиями эпохи.
284. Ср. БК II, стр. 128—131; кудурру, выданный Рамман-Ибни, см. Винклер—К вавилонско-ассирийскому феодальному быту, в серии Древневосточные исследования, VI, стр. 499—501.
285. См. Делич — Берлинский камень Меродах-Баладана, Б. Асс., II, I, стр. 268—269. О расчете халдейских мер поверхности (1 гур=13.231 кв м=1,3 га) см. Мейсснер—Вав. Асс., т. I, стр. 258.
286. Делич, стр. 170—171. Русский перевод этого кудурру в хрестоматии «Древний мир в памятниках его письменности» Жарниова. Никольского и др., ч. I, № 31, нуждается в исправлениях; в частности, расчет площади дарения (на десятины) устарел, сделан по прежним неточным данным, с огромным преувеличением.
287. Ср. Демуг—Пятьдесят правовых и административных документов из эпохи царя Кира (Б. Асс., III, 3, стр. 436 и след.), № 38—поле храма бога Шамаша в Сиппаре; в дефектном № 39 возможно допустить, что поступление сезама было также с храмового поля, так как, судя по другому документу из той же эпохи (Пейзер—Вавилонские договоры, стр. XVIII), Шула, внесший сезам, был арендатором храмо-

- вого поля; далее ср. Уотермен, цит. соч., II, № 746 (поля храмов Аккада) и Пейзер, цит. соч., XVIII—XIX, аренда храмового поля; Винклер—Надписи Саргона, т. I, стр. 122—125. Эскурсе о храмовом землевладении Пейзера (цит. соч., стр. XVIII и след.) не подкрепляется сколько-нибудь достаточными документальными данными.
288. Община в Двуречье, обложенная царскими податями и работами на дом царя, просуществовала с сохранением даже некоторых прежних терминов до арабской эпохи и продолжала существовать и дальше—ср. Пигулевская—К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии. VI в., ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 154 — 156 и след.
289. § 15 проекта — см. Грессман, цит. изд., т. I, стр. 423. В целом проект кодекса, судя по дошедшим до нас его фрагментам, является только некоторой модернизацией семейного и брачного права и изложением правовых норм кодекса Хаммураби на языке, понятном для халдейского общества VI в. Ср. Мейсснер—Проект новой вавилонской книги закона (в Отчетах заседаний Прусской Академии наук, 1918, стр. 280—297).
290. См. Маркс—Положение женщины в Вавилонии по контрактам из эпохи от Небукаднесара до Дария, Б. Асс., IV, 1, стр. 69—72.
291. Ср. Колер и Пейзер — Из вавилонской правовой жизни, II, стр. 25—27 (нем.); Пейзер—Вавилонские договоры Берлинского музея, № ХСІ, стр. 121. Термин *zittu* в позднюю эпоху часто употребляется в общем значении «владение, имущество» вообще (см. Мусс-Арнольдт, стр. 298).
292. Ср. Мейсснер—Вав. Асс., I, стр. 359—360.
293. Колер-Пейзер, цит. соч. (прим. 291), II, стр. 31—32.
294. Статьи IX—XIII проекта нового кодекса см. Грессман, цит. изд., I, стр. 422—423; Мейсснер—Проект, стр. 288. О документах, свидетельствующих о новых правах женщины в деловой жизни, см. цитированную в примеч. 290 работу Маркса, в которой почти исчерпан и комментирован весь соответствующий материал. Из последнего видно, что на первом месте в самостоятельной деловой деятельности женщины были ростовщические операции (55 документов), затем операции с землей (15 документов о сдаче в аренду полей, 7 документов о распоряжении своими полями, 3 акта о продаже полей, всего 25 документов) и далее купля-продажа рабов (18 документов). Работа Маркса написана еще до открытия кодекса Хаммураби, и поэтому ни этот кодекс, ни проект нового кодекса автором не учтены. Весьма важным и интересным является вопрос об условиях, способствовавших появлению новых норм, которые значительно улучшили общее правовое положение женщины. Судя по тому, что правовое положение женщины в халдейской Вавилонии во многом сходно с положением женщины в Нузи в XV в., можно полагать, что в данном случае могли сыграть известную роль остатки материнского права, сохранившиеся в халдейских родах. Этот вопрос нуждается в специальном исследовании.
295. Тальквист — Язык контрактов Набунаида (нем.), стр. XIII—соединяет вместе обе категории документов в своем указателе документов из эпохи Навуходоносора, Набунанда и Кира, а также в своей обработке этих документов (Вавилонские дарственные документы); см. также Колер и Пейзер, цит. соч. (прим. 291), II, стр. 19.
296. Пейзер. Клинообр. документы, № I, стр. 2—5.
297. Пейзер. Одно вавилонское распоряжение на случай смерти, Ц. Асс., III, (1888), стр. 365 и след. О жреческой должности Надину—стр. 270.
298. БК IV, стр. 196—199 (XXVIII).
299. «Жить с улицы» в халдейско-персидскую эпоху означало заниматься ростовщичеством, производя ссудные операции в меняльной лавке;

- ср. Колер и Пейзер, цит. соч. (прим. 291), I, стр. 1—2, 17, II, стр. 57—58.
300. Там же, II, стр. 20—24.
301. Тальквист. Вав. дарственные документы, стр. 14—16—распоряжение о дополнительном выделе старшему сыну и его обязательствах; о других документах по этому делу см. Маркс, цит. соч. (прим. 290), стр. 64 (еще два документа).
302. Демут, цит. соч. (прим. 287), № 32; первоначально этот документ обработан Тальквистом (Дарств. докум., стр. 16—19); предположение о бездетности Набу-аллу-иддина выдвигают Демут (стр. 430—431) и Колер и Пейзер, цит. соч., II, стр. 19—20.
303. Пейзер. Документы, № II. Термин mandidu (madidu) означает «измеритель»; так называлась должность официального приемщика зерна, плодов и других продуктов, проверявшего их меру и вес (Делич—Словарь, стр. 393). О тождестве Иб-Ниниб см. Ястров—Религия Вавил. и Ассирии, I, стр. 185, II, стр. 150 (нем.).
304. Маркс, цит. соч., 17—18; перевод Тальквиста (Дарств. докум., стр. 10—11) устарел.
305. Пейзер. Вав. договоры, № XXVI и XXVII.
306. Формула в полном виде Колер и Пейзер, цит. соч., II, стр. 20 и сл.; Тальквист—Документы, стр. 10—11, 17—18; Пейзер—Документы, № II; в неполном виде—Тальквист, стр. 14—15.
307. См. сводку у Тальквиста—Язык контрактов Набунаида, стр. XI—XII.
308. Мейсснер—Вав. и Асс., I, стр. 369—370; договоры о сдаче домов в наем см. Пейзер—Документы, стр. XLIV, №№ XLI, XLII, XLIV, L, CXXXIII, CXXXV; Демут, цит. соч., № 24; Циммерн (см. прим. 309), № 25, 26, 27.
309. Ср. документы о мошеннических проделках ростовщика Иддин-Набу, имевшего какую-то связь с домом Эгиби. Пейзер—Договоры, № XIII, XVI, CXVII, XIV, XV; в том же роде БК IV, стр. 200—203 (II), Демут, цит. соч., № 5 и 31. Известный ростовщик Мурашу взял в аренду несколько домов за 36 секелей в год, конечно, с целью сдачи их от себя по повышенным ценам (Циммерн—Пятьдесят вавилонских правовых и административных документов из эпохи царя Камбиза, Б. Асс., III, 3, № 27.
310. Вновь восстающий Вавилон, стр. 234—235, 280, рис. 236. М. В. Никольский в статье «Вавилонский контракт о продаже дома 666 г.» определяет площадь одного дома (домового участка) в Уруке в 1500 кв. саж. т. е. около 0,7 га, применяя расчет Оппера не в обыкновенных локтях, а в предполагаемых Оппером полевых локтях большого размера—до 1,7 метра в локте вместо обычных 50 см. Однако к измерению домовых городских участков подобный локоть, если он вообще существовал, применять нельзя; при расчете из обычного локтя площадь будет равна 504 кв м.
311. Швенцнер, стр. 126—127, табл. 15; БК IV, стр. 260—263 (III); Пейзер—Документы, № XI, XIX (Эгиби); Колер—Унгнад—Сто избранных правовых документов поздней эпохи, № 51, 52, 53, 54, 55 (в последних трех участвует сам Мурашу). Документы: Пейзер—Документы, № XIV и БК IV, стр. 260—261 (III), 298—299 (IV), 308—309 (IX)—являются не договорами на аренду полей, а договорами на уход за полями и на уборку урожая за часть урожая.
312. Колер—Унгнад—Сто документов, № 54.
313. См. Делич—Словарь, стр. 463—464; Мусс-Арнольд—Словарь, стр. 673, где указывается на любопытное предположение Гоммеля, который считает слово сумерийским (пишется всегда идеографически SCHA—SCHIT), означавшим первоначально «хлеб», «достаток», «богатство».
314. См. выше, в разделе III, стр. 76.

315. Подсчет для древневавилонской эпохи—см. раздел III, стр. 45. Подсчет для халдейско-персидской эпохи сделан на основании данных в документах купли-продажи — **Пейзер**. Документы, № I, III, X, XII, XIII; БК IV, стр. 222—227 (XIX), 298—301 (II), а также на основании данных цитированных раньше документов о семейных разделах, завещательных распоряжений и договоров об аренде.
316. **Капитал**, т. III, изд. 8, стр. 428.
317. **Маркс**—Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Вестник древней истории», 1940, № I, стр. 9—11 и примеч. на стр. 13, ср. стр. 16.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
I. Постановка проблемы	8
II. Царское, храмовое и частное землепользование и землевладение в III тысячелетии	11
III. Частное землевладение и землепользование в эпоху первой Вави- лонской династии	—
1. Размеры владения и мобилизация недвижимости	38
2. Характер права частного владения и его источники	56
3. Удельный вес частного землевладения и частного хозяйства в экономике древневавилонского царства	75
IV. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье с XV по VI в. до н. э.	—
1. Касситская эпоха	90
2. Частное землевладение в Ассирии	99
3. Частное землевладение в Вавилонии IX—VI в.	112
V. Заключение	131
Примечания	136

Технический редактор **В. И. Свиридов.**

Напечатано согласно постановлению Редакционного совета АН БССР.
Подписано к печати 6/V—48 г. Формат бум. 60×92. Печатных листов 10.
Учетно-авторских 12,8 АТ 04302. Тираж 3000 экз. Цена 8 р. Заказ № 415.

Типография им. Сталина, Минск, Пушкина, 55.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
29	8—9 сверху	по акту. С продавцом	по акту С продавцом
45	16 снизу	поле	полей
66	11 „	подтвержен	подтвержден
92	23 „	данные и формах	данные о формах
02	10 сверху	к XIV—XV вв.	к XV—XIV
13	6 снизу	земледелие	землевладение
50	3 сверху	Поводимому,	Повидимому

ак. 415.

Цена 8 рублей